

ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ

ПУБЛИЧНОЕ: ПРИВАТИЗАЦИЯ ПРИВАТНОГО

А.Усманова | О.Зубковская | В.Пилинкайте-Сотирович | М.Янкаускайте
Н.Горбачев | Я.Ситникова | mikaela | П.Качаткова | Е.Иванова | С.Рогач

УДК 316.3

ББК 60/71

Редакторы серии и координаторы проекта:

Евгения Иванова и Александр Першай

Автор идеи альманаха: Ольга Карáč

Дизайн обложки и графический дизайн альманаха: Анна Жинь

Корректоры: Екатерина Чикалова и Ольга Петрукович

English proofreading: Cory Hayden

Женщины в политике: новые подходы к политическому. Феминистский образовательный альманах. Вып. 3. Публичное: приватизация частного /

Ред. А. Ю. Першай и Е. М. Иванова. – Прага: Adlīga, 2013. – 132 с.

ISSN 1805-4935 (Print)

ISSN 1805-4943 (Online)

© Коллектив авторов, 2013

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Авторы несут ответственность за достоверность информации и цитирование в своих публикациях.

Полная или частичная перепечатка материалов журнала допускается только с согласия редакции и авторов.

С редакцией можно связаться по электронному адресу:

political.newapproaches@gmail.com

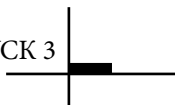
Электронная версия журнала доступна по адресу: www.fempol.com

Адрес редакции:

Centre for Gender Initiatives “ADLIGA”: Women for Full Citizenship
K Žižkovu 809/7, 190 00 Praha 9 – Vysočany, Czech Republic

ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ:
НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫПУСК 3

ПУБЛИЧНОЕ:
ПОЛИТИЗАЦИЯ ПРИВАТНОГО

Редакторы выпуска
Александр Першай и Евгения Иванова

2013

ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ:
НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ №3 (2013)

«ПУБЛИЧНОЕ: ПОЛИТИЗАЦИЯ ПРИВАТНОГО»

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции. Публичное: политизация частного 6

**Гендерные политики: публичное как
политизация частного?**

Альмира Усманова

Утраченная частность: «технологии»
депривации в советском и постсоветском контекстах 11

Ольга Зубковская

Понятие «частного» и сексуальные домогательства:
почему «нет» сексуальных домогательств в странах
Восточной Европы? 34

Вилана Пилинкайте-Сотирович,

Маргарита Янкаускайте

Политика гендерного равенства в Литве:
проблемы институционализации 49

Фото-выставка «Их глазами» 64

Гендерные идентичности в публичном пространстве

Николай Горбачев

Спасая детей от «пропаганды гомосексуализма» 72

Яна Ситникова

Трансфеминизм и радикальный феминизм:
когда частное ставит под вопрос публичное 79

mikaela

«Девочка должна слушаться». Трафарет-
граффити (2013) 89

Мнение

Паліна Качаткова	
Письменница ці вар'ятка?	92

Голоса

Евгения Иванова	
«Изоляция: мечты за решеткой»:	
Календарь-2012 Гражданской Кампании «Наш дом»	97

Постаці

Снежана Рогач	
Кристина Пизанская: первая женщина, вооружившаяся пером ради защиты своего пола	107
Сведения об авторах	114
Notes on the Contributors	120
О проекте	126
About the Project	128

WOMEN IN POLITICS:
NEW APPROACHES TO THE POLITICAL, Vol. 3 (2013)

“PUBLIC” IS THE POLITICISED “PRIVATE”

TABLE OF CONTENTS

Editor's Foreword. Public is the Politicised Private	6
--	---

Gendered Politics: Is “Public” the Politicised “Private”?

Almira Ousmanova

The Lost “Private”: Soviet and Post-Soviet Technologies of Deprivation	11
---	----

Olga Zoubkovskaya

The Concept of “Private” and Sexual Harassment: Why Sexual Harassment Does Not Exist in Europe?	34
--	----

Vilana Pilinkaite Sotirovic, Margarita Jankauskaite

The Politics of Gender Equality in Lithuania: Problems of Initialization	49
---	----

“Through Their Eyes”. A Photography Project	64
---	----

Gender Identities in Public Discourse

Nikolai Gorbachov

On Children and “Homosexual Propaganda” in Russia	72
---	----

Yana Sitnikova

Transfeminism and Radical Feminism: When “Private” Questions “Public”	79
--	----

mikaela

“A Girl Must Obey”. A Stencil Graffiti Art-Project (2013)	89
---	----

Opinion

Palina Kachatkova

Is She a Female Writer or Is She Just Insane?	92
---	----

Voices

Evgenia Ivanova

“Isolation: Dreams in Jail”: The 2012 Wall
Calendar from the “Nash Dom” Civic Campaign 97

Historical Female Figures

Snejana Rogach

Christine de Pizan: The First Female Writer
to Advocate for Women’s Rights 107

Notes on the Contributors 120

About the Project 128

ПУБЛИЧНОЕ: ПОЛИТИЗАЦИЯ ПРИВАТНОГО

Предыдущий номер альманаха «Женщины в политике: новые подходы к политическому» мы посвятили значению девиза «личное есть политическое». Этот номер продолжает предыдущую тему, поскольку утверждать, что личное является политическим, означает переосмысливать взаимоотношения между приватной и публичной сферой.

Определение границ публичного и приватного пространства является одной из центральных тем западной политической мысли со времен античности. Категории «приватного» и «публичного» настолько фундаментальны для организации и понимания современной политики, права, морали и всего того, что можно назвать социально-политической жизнью общества, что эту дихотомию можно назвать по истине грандиозной¹.

По крайней мере, два больших политических лагеря считают категории приватного и публичного ключевыми; первый лагерь объединяет проекты, которые можно условно назвать либеральными, второй — феминистскими. Если в рамках либерализма дихотомия *приватное/публичное* была определена, закреплена и установлена, то в рамках феминистских проектов — отвергнута, переосмыслена и наделена новыми значениями. Иными словами, деконструирована. Анализ разделения социально-политической жизни на приватную и публичную, а также того, как эти сферы организованы, функционируют и соотносятся друг с другом, не только являются одной из центральных тем феминистской критики, но и, по словам известной американской исследовательницы Кэрол Пейтман, «в конечном итоге тем, чем является феминистское движение»². Как определить (или отделить)

1 J. Weintraub. The Theory and Politics of the Public/ Private Distinction // J. Weintraub, K. Krishan (Eds.). *Public and private in thought and practice: Perspectives on a grand dichotomy*. Chicago, 1997. P. 1.

2 C. Pateman. Feminist Critiques of the Public/Private Dichotomy // In S. I. Benn, G. F. Gaus (Eds.). *Public and private in social life*. London, New York, 1983. P. 281.

публичное и приватное пространство, где пролегают их границы, насколько эти границы условны и подвижны — это вопросы, по поводу которых нет единого мнения ни в либеральном, ни в феминистском лагере.

Почему дихотомия *приватное/публичное* так важна? Во-первых, разделение на приватное и публичное пространство оказывает влияние на то, что считается политическим и неполитическим. Оно также определяет кто, каким образом и когда имеет право политического высказывания. Исследования социальной природы пространства демонстрируют, что пространство и поведение взаимосвязаны³. С одной стороны, пространство «диктует», кто и на каких условиях может в нем находиться. С другой — пространство определяется находящимися в нем субъектами (и объектами) и совершающимися в нем действиями. Взаимоотношение субъектов относительно друг друга, их присутствие или отсутствие также имеют большое значение.

Во-вторых, разделение на приватное и публичное имеет не только политические, но также социальные, экономические и культурные последствия. Для женщин эти последствия часто были, скорее, негативными. Многие феминистки связывают неравенство между полами, подчиненное положение женщин и сложности с защитой прав женщин именно с тем, как происходит разделение на публичное и приватное пространство.

В целом публичная сфера отсылает к областям, в которых деятельность и поведение регулируется государством посредством права, политики и другим образом. Например, политическая жизнь общества, сфера принятия законов и решений, обязательных к исполнению, экономика и бизнес. Это пространство, в котором одни управляют, а другие подчиняются. Это также сфера, где определяются и устанавливаются ценности, нормы поведения (культура), где публично высказываются мнения и происходит коллективная гражданская активность (гражданское общество). Это пространство, в котором свободные, автономные индивиды, забывают о своих частных интересах и индивидуальных различиях для достижения общего блага. Это пространство нейтральности, стабильности, видимости и всем известных правил игры.

3 См., например: S. Ardener (Ed.). *Women and space: Ground rules and social maps*. London, 1981.

Приватная же сфера отсылает к интимному пространству дома и семьи, она концентрируется в большей степени на индивидуе, чем на обществе в целом. Часто это приватное пространство определяется отсутствием правительственного вмешательства, оно сокрыто от посторонних глаз.

И что характерно, традиционно мужчины доминировали в более ценящемся публичном пространстве, тогда как мир женщины ограничивался «приватным» миром домохозяйства. Исключение женщин из публичного пространства, включение их туда на других условиях, (например, в качестве любовниц/родственниц влиятельных политиков, а не политиков, или символов нации, а не национальных лидеров), маркирование сфер как «мужской»/значимой и «женской»/менее значимой, последствия этих практик маркирования и исключения для женщин, да и сама обоснованность такого разделения — вот основные темы, вокруг которых концентрируется феминистская теория и практика. Без сомнения, ответы на эти вопросы выглядят, скорее, как коллаж идей, предлагая целый спектр политических стратегий и богатую традицию анализа.

8

Итак, каково влияние такого жесткого разделения на приватный и публичный миры? Начнем с того, что такое разграничение, при котором публичное пространство ассоциируется с мужчинами, а женщинам отводятся роли домохозяйки, матери и жены, является основой существующих отношений субординации между классами (в капиталистическом мире) и между полами (в патриархальном обществе)⁴. Анн Филипс связывает существующее в обществе неравенство между полами с существованием приватной сферы, как «надлежащего» места женщины, ассоциируемой с семьей, в котором у женщин и мужчин неравное положение⁵. Равенство при такой организации общественного пространства не представляется возможным, поскольку для женщин, «выбирающих» приватную жизнь, развитие духа публичности затруднительно⁶.

Одним из самых важных положений феминистской критики либеральной доктрины является тезис о сконструиро-

4 C. Pateman. The Patriarchal Welfare State // L. McDowell, R. Pringle (Eds.). *Defining Women: Social Institution and Gender Divisions*. Cambridge, 1996. P. 226.

5 A. Phillips. Feminism, Equality and Difference // L. McDowell, R. Pringle (Eds.). *Defining Women: Social Institution and Gender Divisions*. Cambridge, 1996. P. 214.

6 C. Pateman. *Feminist Critiques of the Public/Private Dichotomy...*

ванном, «искусственном» характере дихотомии *публичное/приватное*. Элизабет Фрейзер отмечает, что использование дихотомии *публичное/приватное* методологически неверно, поскольку при анализе оказывается, что на материальном уровне провести черту, отграничивающую эти две сферы, невозможно⁷. Кэрл Пейтмэн демонстрирует тесную взаимосвязь этих двух сфер, заключающуюся в доминирующем положении мужчин и подчиненном положении женщин в обеих этих областях⁸.

Феминистские исследовательницы не только показали иллюзорность и наивность либерального предположения о возможности существования приватной сферы как области, свободной от вмешательства власти, но и доказали, что сфера приватного сильно контролируется со стороны политики и права⁹. Например, право контролирует наиболее личную область человеческой жизни — сексуальность. Такая регуляция осуществляется посредством контроля возраста проявления сексуальной активности, возможности легального доступа к средствам контрацепции, деятельности по учету беременности и народонаселения.

Многие правозащитницы заявляют, что существование дихотомии *публичного/приватного* оказывает негативное влияние на реализацию и защиту прав женщин. Ряд преступлений, жертвами которых становятся женщины, не считаются таковыми, поскольку происходят в приватной сфере, куда, в соответствии с традиционной концепцией прав, не должны вмешиваться государственные органы.

Итак, разделение на приватное и публичное во многом является проблематичным для женщин как социальной группы. Оно маскирует неравенство, скрывает дискриминацию и насилие в отношении женщин, позволяет устанавливать контроль над ними, формирует их низкий социальный статус и экономическую зависимость, девальвирует их труд, делая его неоплачиваемым, т.е. не производительным, отстраняет их от прямого влияния на принятие политических решений, усложняет реализацию права на выбор жизненного пути.

7 E. Frazer, N. Lacey. *The politics of Community: A Feminist Critique of the Liberal – Communitarian Debate*. Toronto, 1993. P. 72.

8 C. Pateman. *The Patriarchal Welfare State*... P. 226.

9 A. Phillips. *Feminism, Equality and Difference*... P. 214.

Оно также способствует распространению мнения о меньшей значимости всего того, что делают и думают женщины в целом, а также о том, что женщины в целом неспособны к публичной — политической и другой деятельности — также хорошо, как мужчины, а если способны, то это разрушает жизнь женщин, их семей и весь миропорядок.

С другой стороны, это разделение может быть и полезным. Например, включение в публичную сферу — это возможность формировать политику, учитывающую интересы различных женских групп. Оно также создает возможность и дает право на частный мир, в котором формируется и функционирует независимая, автономная личность женщин, и, несколько утопично, на мир свободный от формальной политики. Это потенциальная защита от вмешательства и контроля со стороны (патриархатной) власти на реализацию прав женщин, возможность выбора своего сексуального и репродуктивного поведения, жизненного пути и т.д. Для многих это также возможность погружения в опыт материнства, взаимной поддержки и взаимосвязи с другими.

10

Чтобы не предлагали различные направления феминизма (отказаться от двучинной дихотомии, реформировать ее, изменить границы и правила), ясно одно: сегодня анализ публичного или политического невозможен без анализа категории частного, поскольку частный мир не существует в изоляции и может многое рассказать о социальной и политической организации мира, в котором мы живем.

Авторы номера «Публичное: политизация частного» осмысливают как частное «производится» — регулируется, контролируется и определяется — публичным пространством. То, что видится как частный выбор (будь то сексуальное поведение, выбор профессии, вовлеченность в воспитание детей, манера одеваться и говорить и даже психическое состояние), при ближайшем рассмотрении оказывается крепко связанным с государственной политикой, правом, публичным дискурсом, структурой социального неравенства, социальными ожиданиями и распределением власти между социальными группами.

Евгения Иванова

ГЕНДЕРНЫЕ ПОЛИТИКИ: ПУБЛИЧНОЕ КАК ПОЛИТИЗАЦИЯ ПРИВАТНОГО?

Альмира
Усманова

УТРАЧЕННАЯ ПРИВАТНОСТЬ: «ТЕХНОЛОГИИ» ДЕПРИВАЦИИ В СОВЕТСКОМ И ПОСТСОВЕТСКОМ КОНТЕКСТАХ

«Большевизм отменил частную жизнь»
Вальтер Беньямин¹

*«Интернет привел к тому, что мы добровольно
отказываемся от нашей приватности»*
Умберто Эко²

11

Усманова

В контексте современных дискуссий о структурной трансформации публичной сферы³ многие исследователи обращают внимание на разнообразные симптомы ее угасания или

1 B. Walter. Moscow // P. Demetz (Ed.). *Reflections*. New York, 1978. P.108.

2 U. Eco. *Turning Back the Clock. Hot Wars and Media Populism*. Orlando, 2007. P. 82, 87.

3 Так называлась известная работа немецкого теоретика Юргена Хабермаса, вызвавшая широкую дискуссию о специфике публичной сферы в эпоху модерна и постмодерна (См.: J. Habermas. *The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Polity Press, 2006). Хабермас рассматривал публичную сферу как посредника между обществом и государством и полагал, что она (должна быть) основана на принципе объединения всех и любых индивидуумов вокруг областей, представляющих общий интерес, независимо от социального статуса, с целью достижения рационального консенсуса путем критического обсуждения.

исчезновения⁴. Так, деградация публичности и «публик» нередко рассматривается в контексте коллективного неучастия в политике, что, в свою очередь, является следствием такой конфигурации политического и медийного полей, при которой любая альтернативная политическая позиция оказывается маргинализированной и, в конечном счете, неэффективной. Граждане, имея через масс-медиа доступ к обсуждению общественных вопросов, на деле от этого обсуждения уstraняются, а сама возможность разделенного многими социальными группами «общественного интереса» выглядит более чем призрачной. Современные «публики» разнородны, сегментированы и разделены; публичная сфера в значительной степени определяется логикой и политэкономией медийного поля и рынка, и, в лучшем случае, может быть помыслена как совокупность непересекающихся микропространств, каковыми являются ЖЖ («Живой журнал»), блоги, форумы, домашние сети и пр.

Понятие «публичной сферы» разрабатывал немецкий философ Юрген Хабермас. Критики Хабермаса, хотя и признают продуктивность «публичной сферы», как регулятивной идеи или «полезной категории» социального анализа, полагают, что концепция публичности и осуществленная им реконструкция истории формирования и функционирования публичной сферы в демократическом обществе оставили за рамками анализа тех, кто был фактически «исключен» из сферы публичного обсуждения общественного блага. Так, Оскар Негт и Александр Клюге описывают буржуазную публичную сферу как не соответствующий реальности идеал, исключаящий рабочий класс, женщин, детей — все те группы, которые не способны в полной мере участвовать в

4 Как пишет Брюс Роббинс, «список работ, которые объявляют об упадке, деградации, кризисе или исчезновении публичной сферы, обширен и продолжает стремительно увеличиваться. Публичность, как нам говорят снова и снова, и снова, — это то, что у нас некогда было и что затем мы утратили, а теперь нам нужно это каким-то образом вернуть» (B. Robbins (Ed.). *The Phantom Public Sphere*. Minneapolis, 1993. P. viii). Здесь важно отметить, что концепция «публичной сферы» (*Öffentlichkeit*) была сформулирована Хабермасом еще в 1962 г., однако первый английский перевод этой книги Хабермаса появился лишь в 1989 г. — в момент, когда пала Берлинская стена, и полемика с Хабермасом, таким образом, опоздала, как минимум, на четверть века, в результате чего, как мне представляется, и критика концепции буржуазной публичной сферы, разворачивающаяся каждый раз из исторического «теперь», оказывается в каком-то смысле бьющей мимо цели.

процессе общественного консенсуса⁵. Нэнси Фрэйжер детально обсуждает вопрос о том, почему «единая публичная сфера» предпочтительнее, чем признание множественности разнообразных интересов и, соответственно, множества (альтернативных или контр-) публичных сфер, и кому это выгодно⁶. Характерно, что в этом смысле Хабермас оказывается «в ловушке» собственного дискурса, коль скоро его представление о единстве публичной сферы по сути означает отказ учитывать реально существующее неравенство, а такое положение дел, как правило, выгодно для доминантных групп и невыгодно для угнетенных и исключенных. Наличие множества «подчиненных контрпубличных сфер» (*subaltern counter publics*), создаваемых различными общественными группами, является следствием социального неравенства (которое, разумеется, невозможно устранить лишь путем исключения этой проблемы из публичной дискуссии), «поскольку политически маргинализованные социальные группы (женщины, рабочие, люди иной расы и сексуальные меньшинства) не имеют возможности обсуждать свои нужды, цели и стратегии в рамках общей, всеобъемлющей и единой публичной сферы»⁷.

С точки зрения феминистских теоретиков, публичная сфера была изначально структурирована как мужское пространство, а женщины, как правило, из участия в общественном диалоге были практически полностью исключены⁸. Как отмечает Мэри Хоуксуорт, «публичность» изначально была «гендерно» обусловленным понятием⁹, которое позволяло

5 См.: O. Negt, A. Kluge. *Public Sphere and Experience. Toward an Analysis of the Bourgeois and Proletarian Public Sphere*. Minneapolis, 1993. P. 10. В немецком оригинале книга была впервые опубликована в 1972 г. (O. Negt, A. Kluge. *Öffentlichkeit und Erfahrung – Zur Organisationsanalyse von bürgerlicher und proletarischer Öffentlichkeit*. Frankfurt/M., 1972).

6 См.: N. Fraser. Politics, Culture, and the Public Sphere: Toward a post-modern conception // L. J. Nicholson and S. Seidman (Eds.). *Social Postmodernism: Beyond Identity Politics*. Cambridge, UK, 1995.

7 Э. Шмидт, К. Тойбенер. Российский Интернет как (альтернативная) публичная сфера? // *Control + Shift. Публичное и личное в русском Интернете*. Ред. Н. Конрадова, К. Тойбенер, Э. Шмидт. Москва, 2009. С. 122.

8 Сегодня, благодаря новым способам коммуникации, женщины, напротив, оказываются достаточно активными участниками публичной дискуссии; правда, на определенной «территории», ограниченной, например, пространством собственного блага в Интернете, что соответствует представлению Нэнси Фрэйжер о существовании множества (контр)публичных сфер в постмодернистском обществе.

9 См. подробнее: М. Хоуксуорт. Гендер и публичная сфера: западная генеалогия // *Ab Imperio*. 2007. №1. С. 329–354.

скрывать операции власти, коль скоро публичная жизнь оказывалась по сути прерогативой мужчин, а приватная — «естественным доменом» женского существования.

Более того — и в контексте данной статьи это имеет решающее значение — сама дихотомия *публичного-приватного* является продуктом патриархального дискурса (генеалогия этого разграничения восходит к политической философии древних греков): можно привести немало исторических примеров тому, как совершенно определенные интересы и проблемы объявлялись буржуазной маскулинистской идеологией «частными», и потому «не подлежащими публичному обсуждению». Стоит также добавить, что вопрос о соотношении приватного и публичного — это не абстрактно-теоретический вопрос, локализованный в пространстве философских размышлений (хотя последние имплицитно обуславливают многие современные политические, юридические и экономические дискурсы), это вопрос — политический, то или иное решение которого достаточно рельефно разграничивает, например, идеологические позиции политических партий и влияет на социальную и экономическую политику в любом обществе¹⁰.

В русле обсуждений деградации публичной сферы и, следуя бинарной логике самой дихотомии «публичное-приватное», мы, вероятно, должны были бы также задаться вопросом и о том, что происходит со сферой приватного, какие трансформации (дискурсивные и социальные) претерпевает понятие «частной жизни», что вообще представляет

¹⁰ В этом смысле «реанимация» буржуазной публичной сферы означала бы также и возвращение женщин в замкнутое и контролируемое государством и церковью пространство дома, что выглядит как уходящий с исторической сцены патриархальный пережиток. Между тем, некоторые политики, защищая христианскую мораль и националистические идеи (и в Беларуси, и в России, и в Украине), всерьез и даже довольно агрессивно пытаются отстоять сегодня эту позицию, убеждая электорат в том, что то, что происходит за дверьми дома, это «тайнство» брака. При этом предполагается, что вне брака этого «тайнства» быть не может и не должно. Противоречие заключается в том, что при этом обсуждается тема запрета на аборт, которые, в соответствии с логикой этих рассуждений, как будто бы должны быть «приватным делом» индивидов, укрывающихся «за этими дверьми» в своем частном пространстве от «ока» государства и вмешательства политиков. Мне представляется, что отставание неприкосновенности «приватного» в политическом аспекте является не просто лицемерным жестом, цель которого сделать вид, что право на личную жизнь индивидов — неприкосновенно, но, в общем-то, и весьма хитрой уловкой, имеющей на самом деле серьезные последствия для каждого из нас. Не только Советская власть, но и любое государство множеством разнообразных механизмов регулирует и контролирует сферу, которая якобы отделена от государственного вмешательства.

собой «приватность» сегодня? В этом вопрошании мы можем зайти достаточно далеко. Настолько далеко, чтобы спросить: как работает эта концептуальная «пара» сегодня? Иначе говоря, исследуя модусы и механизмы функционирования приватного и публичного сегодня, мы должны задуматься и о том, насколько эвристичным и продуктивным является в современных условиях сам способ подобной концептуализации.

Вопрос о том, чем была и во что превратилась сегодня «приватность» (как антитеза публичности), является слишком глобальным и не может быть решен в рамках одной отдельной статьи, более того, подобное исследование требовало бы и социологического анализа, и исторической реконструкции, однако я попытаюсь соотнести и проблематизировать контексты обсуждений этой проблемы, которые происходят, как правило, на разных и весьма удаленных друг от друга «площадках» (я имею в виду социально-философские теории приватного и публичного, исследования советской культуры¹¹) и, наконец, дискуссии о социальных эффектах развития дигитальных технологий и новых медиа.

Более конкретно вопрос может быть переформулирован так: каким образом память о советской культуре как о культуре «бездомных» индивидов (и в буквальном и переносном значении), в которой приватное и публичное имели совершенно другой смысл и другую топологию, нежели в буржуазном обществе, актуализируется в новой культурной ситуации, главный парадокс которой состоит в следующем. С одной стороны, установление посткоммунистических политических режимов может рассматриваться как эпоха торжества частных интересов, крайнего индивидуализма и социальной атомизации. Культивирование идеи неприкосновенности частной собственности, принципов рыночной экономики и идеологии либеральной демократии должны были способствовать реализации идеала полноценной частной жизни. Период «стихийного капитализма» начала 1990-х гг. запомнился не в последнюю очередь тем, что это был период, когда бывшие советские

¹¹ Хотелось бы, однако, отметить, что изучение советской культуры и теоретические подходы к проблеме приватного и публичного нередко «сходятся» на общей территории — гендерных исследований и феминистской критики.

граждане неожиданно оказались предоставлены «самим себе», а государство перестало интересоваться их частной жизнью до такой степени, что вместе с этим растущим «безразличием» ушли в никуда и те социальные гарантии, которые Советское государство предоставляло своим гражданам в обмен на их верность коммунистическим идеалам. С другой стороны, стремительно разворачивавшаяся на наших глазах технологическая «революция» (включая распространение Интернета и дигитальных медиа) привела к радикальному изменению форм социальной коммуникации, незаметным образом сломав хрупкие перегородки между приватным и публичным. Здесь, правда, следует заметить, что в установлении нового режима «видимости» телеология новых медиа и конечные цели демократии совершенно совпадают: все оказывается публичным, открытым для обсуждения (и контроля одновременно). Парадоксальным в этой ситуации оказывается то, что именно по причине стирания (а точнее, переопределения) границ между приватным и публичным мы диагностируем коллапс публичности и деградацию публичной сферы как таковой. Наличие границы между приватным и публичным являлось необходимым условием для существования раннемодернистских демократий и для сохранения буржуазного статус-кво в сфере классовых и гендерных отношений, что, в свою очередь, предопределяло ответ на вопрос о том, чьей прерогативой является определение «общественного блага», что такое «общественные интересы» и, наконец, кто может представлять интересы в публичной сфере, а чей удел — не «высовываться» из сферы приватного. Но если приватное всецело поглощено публичным (или наоборот?), тогда было бы важно понять, как демократия может существовать в условиях, когда этой границы больше не существует...

Однако мне хотелось бы подчеркнуть, что меня здесь интересует не столько жизнеспособность (либерально-) демократических режимов в условиях размывания границы между публичным и приватным, а скорее, вопрос о том, каким образом новая культурная ситуация может изменить наши представления о недавнем прошлом. В какой-то мере это также и вопрос об оценочной шкале, используемой в

политической риторике критиков левой идеи. Насколько убедительна критика советской культуры, краеугольным камнем которой является упрек в разрушении приватной сферы, в эпоху, когда само понятие «приватности» утратило свой первоначальный смысл? И в дополнение к этому — можно ли утверждать, что триумфально быстрое развитие новых технологий в постсоветском пространстве стало возможным еще и потому, что бывшие советские граждане оказались более адаптируемыми к этому новому режиму «транспарентности»...

Таким образом, в рамках данной статьи будут рассмотрены две тесно связанные друг с другом проблемы: во-первых, как трансформировалось наше представление о приватном (и о самой дихотомии «публичное–приватное») в эпоху новых медиа, породивших новые режимы видимости и транспарентности; во-вторых, как эта трансформация может быть соотнесена с проблемой нехватки приватности в советской культуре и попытками ее обретения в постсоветский период.

Для начала я попробую определить, что я имею в виду под «приватностью» и под «технологиями депривации», однако в ходе моих размышлений эти «рабочие определения» будут проблематизированы.

Начнем с проблемы определения «приватности». Современные исследователи, занимающиеся этим вопросом, подчеркивают, что невозможно дать некоторое универсальное определение, которое подходило бы для каждой социальной группы или для любого социально-экономического порядка: границы приватной сферы являются «переговорными», проницаемыми для внешнего мира, однако, если попытаться зафиксировать некоторые общепринятые значения, приписываемые этой сфере, то получится следующее: приватное — «это сфера удовлетворения индивидуальных интересов», «сфера интимного», пространство личной автономии. Приватность является (или являлась) «укрытием, которое пространственно и темпорально ограждает индивида и семью от внешнего мира — от публичности, государства и рынка»¹²,

12 Е. Здравомыслова, А. Роткирх, А. Темкина. Создание приватности как сферы заботы, любви и наемного труда // *Новый быт в современной России. Гендерные исследования повседневности*. Ред. Е. Здравомыслова, А. Роткирх, А. Темкиной. Санкт-Петербург, 2009. С. 9–10.

(несколько позже мы рассмотрим, в какой степени развитие новых технологий способно защитить нас от «публичности, государства и рынка»). Сфера приватности — это сфера домашнего мира, сфера отношений с «пониманием без слов», это мир доверия, где личность может проявляться в своем образе вкусов и стилей потребления... Этот мир ассоциируется с уютом, комфортом, добровольным выбором»¹³.

К этому я бы также добавила, что коль скоро сфера публичного ассоциируется с активностью и видимостью, то сфера «приватного» может быть представлена как сфера «безучастности» (то есть пассивности и отдыха) и уединенности (а значит, и невидимости, неподотчетности). В этой связи имеет смысл обратиться и к более ранним определениям приватности, которые, вообще говоря, сформировались в рамках юридической практики: в частности, классическим считается определение, данное в конце XIX в. Самюэлем Уорреном (Samuel Warren) и Луисом Брандейсом (Louis Brandeis) в их известной работе «The Right to Privacy», которое гласит: «приватность — это право индивидов быть наедине с самими собой»¹⁴.

С точки зрения сегодняшних реалий этот тезис звучит как чрезвычайно проблематичное утверждение. Кстати, Брандейс, в русле своих размышлений о праве человека «на одиночество», пришел позднее к выводу, что «прогресс науки в обеспечении правительства средствами шпионажа скорее всего не остановится на практике подслушивания телефонных разговоров»¹⁵, однако вряд ли он мог себе представить, как далеко могут зайти технологии слежения за наиболее интимными сторонами жизни каждого из нас. В таком же духе можно вспомнить и том, что в 1948 г. (помимо всего прочего, это также год изобретения транзисторов) ООН провозгласил, что одно из прав человека состоит в том, что «никто не должен быть объектом произвольного вторжения в его приватную сферу, жилище и личную переписку»¹⁶.

¹³ Там же. С.11.

¹⁴ S. Warren, L. D. Brandeis. The Right To Privacy. Originally published in 4 *Harvard Law Review* 193 (1890). Полная версия этого текста доступна по адресу: www.groups.csail.mit.edu/mac/classes/6.805/articles/privacy/Privacy_brand_warr2.html (посещение 27.11.13.).

¹⁵ Цит. по: D. Lyon. *The Electronic Eye. The Rise of Surveillance Society*. Minneapolis, 1994. P.14.

¹⁶ «No one shall be subject to arbitrary interference in his privacy, home or correspondence».

Слово «произвольный», кстати, открыто любым интерпретациям, поскольку вопрос состоит в том, а кто, собственно говоря, решает, что именно следует квалифицировать как «произвольное вторжение» или как непроизвольное — то есть «законное». Забегая вперед, можно сказать, что, как правило, это определяется государством, и в большинстве случаев решения вполне могут быть произвольными в зависимости от ситуации. К тому же, говоря о современных коммуникативных технологиях, надо иметь в виду, что во многих странах разрешено все то, что не запрещено, и бизнес активно пользуется и юридическими «лазейками», и самими технологиями добывания информации. Известно много случаев, когда рассекречивались и затем «продавались» данные об абонентах телефонных компаний, банков или потребителях каких-либо других сервисов только потому, что не было никаких механизмов регуляции, ограничивавших «продажу» личных данных другим компаниям, или же в силу доступности технологических средств сами эти механизмы оказывались практически не работающими. Нет нужды говорить и о том, что государство (точнее, спецслужбы) само пользовалось — и неоднократно — такой возможностью, а затем всегда оборачивало это в свою пользу¹⁷.

Далее, что имеется в виду под технологиями депривации? «Технология»¹⁸ понимается как совокупность методов и инструментов для достижения поставленных целей. Технология включает в себе методы, приемы, режим работы, последовательность операций и процедур, она тесно связана с применяемыми средствами, оборудованием, инструментами, используемыми материалами. Собственно говоря, связь с техническими средствами в определении этого термина про-

17 Вот совсем свежий пример — дело адвоката Бориса Кузнецова в России: его объявили в международный розыск, поскольку он обвиняется в разглашении государственной тайны (как сообщил портал «Полит.ру»). Но что является предметом «государственной тайны»? Он рассекретил то, что телефонные переговоры сенатора Чакмачяна, его подзащитного, начали прослушиваться до того, как органы получили санкцию суда. То есть он рассекретил обычную практику спецслужб, и за это «правонарушение» Россия теперь требует у Америки его выдачи. Правда, теперь, как пишет Виктор Шендерович, адвокаты самого Кузнецова «предлагают привлечь следователя, который ведет его дело, потому что, передав документы в суд, он точно также рассекретил все то же самое. И уже какие-то девчонки-практикантки в суде все это прочитали!» (См.: *Европа-экспресс*. № 21 (585). 18.05.2009. С.13).

18 От греч. *téchne* (τέχνη) — искусство, мастерство, умение; *logos* (λόγος) — помимо прочих значений, «разумное основание», «определение».

изошла достаточно поздно — лишь в XVIII в., но с тех пор мы отдаем предпочтение именно этой ассоциации: применение некоей технологии априори предполагает использование техники, то есть определенных инструментов производства. «Депривация» (deprivation) означает «лишение», «утрата», отчуждение (собственности) и т. п. В данном контексте я полагаю возможным говорить о депривации, как утрате (или насильственном лишении) права на интимность (уединение) и приватную жизнь (другой вопрос — влечет ли за собой утрата приватности расширение доступа к публичной жизни). Соответственно, говоря о «технологиях» депривации, я имею в виду характерный для той или иной социальной системы набор легитимных техник и инструментов, применяемых для ограничения или контроля за теми практиками, которые в данном обществе маркируются как «приватные».

Итак, обратимся сначала к «технологиям депривации», которые мы обнаруживаем в советской культуре, а затем попробуем выяснить, как эти «технологии» работают в сегодняшней культурной ситуации.

Травматическое ядро идентичности постсоветского человека — это память о насилии и лишении: насилии со стороны коллектива и государства, лишении — как нехватки самого необходимого. Негативная память о «советском» (оставим пока в стороне эстетические коннотации) сопряжена с воспоминаниями о системно организованном идеологическом насилии, о сталинском терроре с миллионами жертв и разрушенными семейными связями, о тотальном товарном дефиците, о бытовом унижении (во всех его многообразных проявлениях), о символических иерархиях в «бесклассовом» обществе и многом другом.

Приведенная в эпиграфе цитата Вальтера Беньямина, посетившего Советскую Россию в 1927 г., о том, что «большевики отменили частную жизнь»¹⁹, звучит как приговор идее социалистического переустройства «быта» и отно-

¹⁹ Следует иметь в виду, что советская власть различала понятия частная жизнь и личная жизнь, при этом частная жизнь — как отторженная от общественного контроля сфера — идеологически рассматривалась как вредное явление, однако «личная жизнь» — как сфера семейных отношений, которая находилась в ведении государственных институтов, в официальном дискурсе 1930-х гг. была легитимирована (См. подробнее: O. Figes. *The Whisperers. Private Life in Stalin's Russia*. Metropolitan Books, 2007. P. 160.).

шений между людьми в стране, поставившей перед собой цель построения общества будущего и создания условий для «гармоничного развития личности». Фраза Беньямина сегодня может интерпретироваться по-разному (особенно с учетом исторических исследований Советской культуры 1920-х гг., позволяющих увидеть, каким образом вопросы частной жизни выносились на публичное обсуждение и как в этом вопросе переплетались дискурсы о «новом человеке», о женской эмансипации, о «революции быта» и пр.²⁰), но здесь, возможно, имело бы смысл несколько прояснить ту точку зрения стороннего наблюдателя, с позиции которого эта мысль была высказана, поскольку это позволило бы нам понять, почему именно разрушение приватности (в ее буржуазном понимании) стало камнем преткновения среди интеллектуалов, которые в общем и целом симпатизировали и советской власти, и левой идее, но были солидарны в том, что именно в этом отношении Советская власть потерпела свое главное фиаско.

Практически все западные интеллектуалы, посещавшие Советскую Россию (и затем СССР) в разное время (1920–1950-е гг.) — и Беньямин, и Лион Фейхтвангер, и Андре Жид, и Рене Этьембль, и многие другие — более всего были шокированы именно тем, что все привычные буржуазные нормы частной жизни оказались в СССР фактически не существующими (и это при том, что, будучи иностранными туристами и приезжая часто с официальными делегациями, они могли преимущественно видеть лишь «витрину» социализма). И в пересмотре их политических взглядов этот факт имел необратимое значение²¹. Утопия в ее материальном воплощении испугала европейских интеллектуалов не столько своими экономическими или политическими экспериментами (напротив, все они верили в то, что только рациональное планирование может спасти мир от катастрофы),

20 См., например, известное исследование Эрика Наймана: E. Naiman. *Sex in Public. The Incarnation of Early Soviet Ideology*. Princeton, 1999.

21 В качестве примеров можно привести здесь несколько текстов, написанных в жанре «путевых заметок» или «дневников», в которых европейские интеллектуалы задокументировали свой опыт посещения СССР: В. Беньямин. *Московский дневник* (Ad Marginem, 1997); L. Feuchtwanger. *Moskau 1937: Ein Reisebericht für meine Freunde* (Amsterdam, 1937); A. Gide. *Retour de l'U.R.S.S.* (Paris, 1936); R. Etiemble. *Le meurtre du petit père: naissance à la politique* (Paris, 1989). Тексты Фейхтвангера и Жиды были также переведены и опубликованы на русском языке, но значительно позже (в 1990-х гг.).

сколько тем, что социализм так «надругался» над приватной сферой. Дело революции требовало полного поглощения или растворения приватного в публичном, не оставляя никакого места для любви и интимности, как они считали. Так Андре Жид отмечал, что люди, которые спят в коммунальных квартирах или общежитиях, страдают от промискуитетности и невозможности уединения. Удивительным для него было всеобщее чувство социального оптимизма, вопреки тому, что действительность была далека от тех идеалов, на которых социальный оптимизм базировался. Он задавался вопросом о том, можно ли рассматривать эту тенденцию утраты индивидуальной свободы как (при)знак социального прогресса?²²

Я не ставлю перед собой задачу исчерпывающего рассмотрения «технологий депривации» в советской культуре, поскольку в рамках отдельной статьи это вряд ли возможно, однако я попробую перечислить те приемы, которые, на мой взгляд, могут быть отнесены к подобным технологиям и указать основной принцип, лежавший в основе их эффективности. Следует сразу сказать, что используемый Советской властью арсенал методов и техник «депривации» был вполне традиционен (еще во времена инквизиции были опробованы различные способы вторжения в сферу приватного, и инквизиция знала, что нужно наладить слежение за мыслью индивида, а не только за его собственностью²³). Советская власть могла быть всего лишь более изобретательной или же более радикальной в способах их применения, и слово «технологии» здесь применимо скорее в смысле «социальных технологий», и чуть позже попробуем соотнести их с теми технологиями, которые стали частью нашей повседневной жизни сегодня.

Итак, что это были за приемы и методы контроля и регулирования как индивидуальных тел, так и мыслей советских граждан?

22 Это был один из основных, практически непереносимых, вопросов для левых интеллектуалов первой половины XX в. Разочарование в левой идее и, как следствие, выбор в пользу некоммунистического будущего (для них самих, равно как и для Европы в целом) началось именно с этой точки отсчета — увиденного ими в СССР разрушения частной сферы.

23 См.: U. Eco. *Turning Back the Clock. Hot Wars and Media Populism...* P. 79.

Ограничение физического пространства. «Периметр безопасности» есть у каждого животного, не говоря уж о людях. Он может варьировать от одной культуры к другой, но он есть у всех. При этом то, что в одной культуре рассматривается как проявление дружелюбия и теплых чувств, в другой будет воспринято как агрессия и вторжение на свою территорию. Подобными «периметрами» огорожена вся социальная жизнь человека, как только он становится частью некоего сообщества. Умберто Эко рассматривает это как своего рода коллективный «периметр», как способ коллективной защиты индивидуальной безопасности²⁴.

Формы посягательств (вплоть до полного разрушения) на индивидуальный «периметр безопасности», характерные для советского образа жизни, оставили многочисленные зарубки в нашей памяти, включая «память тела». Перечислю некоторые из этих форм, но подчеркну, что далеко не все из них являются know how Советской власти²⁵, скорее они были порождены индустриализацией и урбанизацией, обусловившими образ жизни рабочего класса, на который наложились идеологические запросы и экономические трудности: нехватка физического пространства для индивидуальных тел — в силу коммунального образа жизни, привычка к нахождению в местах большой скученности людей (от митингов и собраний до стояния в очередях), гигиенические нормы советского быта (до хрущевской жилищной нормы люди преимущественно мылись в банях, не имея собственных ванных комнат), туалеты — и вовсе особая тема²⁶; пространственная организация рабочих мест и общественного транспорта, товарный дефицит, который сделал жизнь в очередях «нор-

24 Ibid. P. 76–77.

25 Я позволю себе оставить в стороне вопрос о том, каким образом политическая программа эмансипации приватной сферы, сформулированная в марксистской мысли, породила весьма специфические бытовые практики: ни Маркс, ни Ленин не имели в виду, что социалистическая утопия найдет свое наиболее яркое воплощение в коммунальном образе жизни и отрицании всего того, что для них самих было «естественным» порядком вещей.

26 Устройство публичных туалетов во многих общественных учреждениях (университеты, заводы или школы) предполагало максимальный режим видимости: кабинки в туалетах закрывались дверьми, позволявшими видеть ноги и голову человека, отправлявшего свои физиологические потребности практически на виду у остальных. Или можно вспомнить о стройных рядах умывальников в пионерских лагерях, армии или рабочих общежитиях, где все дружно чистили зубы и мыли ноги практически синхронно и плечом к плечу...

мой» жизни советского человека и т.д. Мы и сегодня можем опознать следы этой телесной привычки в таких бытовых практиках, как привычка «дышать» друг другу в затылок, стоя на автобусной остановке, в магазине, банке или при прохождении паспортного контроля в аэропорту. Лишь в начале 1990-х гг. это нарушение «периметра безопасности» стало восприниматься как аномалия.

Наиболее радикальным выражением этой практики «депривации» является, безусловно, феномен тюремной и лагерной изоляции, который превращал человека в «вещь», которую лишь нужно как-то приспособить к имеющемуся ограниченному пространству. Тюрма в этом смысле является величайшим насилием: несмотря на формально закрепленные за каждым заключенным метры, на самом деле они никогда не соблюдаются, периметр безопасности здесь в принципе не существует, и это хуже, чем превращение человека в животное, он действительно становится просто «вещью»²⁷. Очевидно, что лишение заключенных достаточного физического пространства остается очень значимым элементом всей системы надзора и дисциплинации, так что говорить о минимальном телесном комфорте здесь неуместно, это входило бы в противоречие с самими принципами изоляции и наказания.

Жилищная политика советского государства тесно связана с вышеописанными механизмами ограничения физического пространства для индивидуальной жизни: в первую очередь я имею в виду распространенность и массовость коммунальных квартир и общежитий²⁸. Как писал Вальтер Беньямин, помещения были отчуждены от советских людей их образом жизни («они проводят время на работе, в клубе, на улице»²⁹). Память об этой «нехватке» живет в сохранившейся по сей день привычке оценивать размеры квартиры по наличию квадратных метров (а не количеству спальных комнат, например). К слову, антропологи и со-

27 Поразительное описание «вагон-заков» дает Александр Солженицын в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ», описывая следование по этапу заключенных, многие из которых не добирались до места назначения, поскольку в течение нескольких дней, если не недель, они должны были находиться по 35 человек в одном «купе».

28 См. подробнее: Н. Б. Лебина, А. Н. Чистяков. *Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан*. Санкт-Петербург, 2003.

29 В. Беньямин. *Московский дневник*. Москва, 1997. С.39.

циологи используют термин «deprivation societies» для описания «культур бедности» с точки зрения присущих им представлений об ограниченности возможных ресурсов (благ), а российский исследователь Илья Утехин использует этот термин для анализа «коммунального мировосприятия» обитателей коммунальных квартир³⁰.

Подглядывание, нередко с целью доноительства, что логически вытекает из всего вышесказанного относительно нехватки физического пространства в частной сфере (во многих случаях было невозможно устраниваться от «соглядатайства»: находясь в рабочем бараке вместе с тридцатью другими людьми, а тем более находясь в постоянном близком контакте с тремя-четырьмя, вы волей-неволей знаете о них практически все).

Перлюстрация (и цензура), и не только в случае писем с фронта или из мест заключения, что, естественно, означало нарушение права на тайну переписки.

Политический контроль за подчинением индивидов коллективу: в форме товарищеских судов и партийно-профсоюзно-комсомольских собраний. Ведь именно здесь вопросы «половой морали» и других аспектов частной жизни советских граждан становились предметом всеобщего обсуждения и непременного порицания. Кстати, и эта особенность социальной коммуникации бросилась в глаза Вальтеру Беньямину: в письме к Юлии Радт он писал, что в Советской России публичной жизни немедленно придавался «почти телеологический характер», практически все могло стать делом общественной значимости³¹).

Биовласть: способы регуляции сексуальности и контроля за женскими и мужскими телами. Тема эта слишком обширна и сложна для рассмотрения в рамках данной статьи (тем более, что этой темой занимались многие исследователи), отмечу лишь, что организация системы здравоохранения, медицинского и санитарного контроля в СССР, равно как и повышенное внимание государства к стандартам гигиены и образу жизни своих граждан, хоть и воспринимаются нами

30 И. Утехин. *Очерки коммунального быта*. Москва, 2001. С. 46–47; см. также: G. Foster. *The Anatomy of Envy* // *Current Anthropology*. 1972. Vol. 13.2. P. 165–202.

31 W. Benjamin. To Julia Radt // *The Correspondence of Walter Benjamin*. Chicago, 1994. P. 310.

как репрессивные механизмы, тем не менее, в исторической перспективе, с точки зрения модернизации всего уклада жизни, имели позитивный смысл.

Устранение «приватной сферы» из дискурса: быт и частная сфера в целом рассматривались Советской властью как основное препятствие на пути к реализации коммунистических идеалов. Однако, говоря об устранении этой темы из дискурса, я имею в виду, прежде всего, вытеснение вопросов сексуальности, телесности, эротики и т. п., но не семьи, воспитания, организации досуга, потребления и пр. аспектов приватной жизни. Советская культура в целом была культурой весьма пуританского (и часто ханжеского) отношения к сфере интимных отношений. Негласные табу на публичное обсуждение этих вопросов (начиная с конца 1920-х гг.) образовали зияющую дыру в лексиконе советских людей, не способных даже на приеме у врача сообщить что-либо внятное «про это»³². Не случайно, что в постсоветское время большинство терминов, касающихся интимной сферы — от мастурбации и репродукции до эксгибиционизма, — были нами заимствованы из английского языка.

Однако речь тут, видимо, должна идти не только о языке (будь то официальные партийные документы или правовые установления, или газетные статьи), а о *нехватке репрезентаций частной жизни* в более широком аспекте. Частная жизнь не только была устранена из политической программы большевизма, ее маргинальный статус в социальной утопии привел к тому, что она стала «невидимой». Что, впрочем, вполне естественно: нехватка приватности в реальной жизни и идеологическая повестка дня коррелируют с лакунами в визуальных репрезентациях быта и интимных отношений (будь то плакаты, живопись или кинематограф).

Но именно здесь и кроется главный парадокс, один из ключевых вопросов данной статьи — в какой степени приватная сфера вообще может (или должна) быть «видимой»? Коль скоро ее «видимость», возможность ее репрезентации фактически означает ее разрушение, ведь в этом случае она становится проницаемой, открытой для публичного обсуждения, она открывается Взгляду Другого.

32 «Об этом» см. подробнее: M. Stern, A. Stern. *Sex in the USSR*. New York, 1980.

Соответственно, анализ приватного и публичного может быть переведен в регистр обсуждения дихотомии «видимого» и «невидимого»: публичным является все то, что открыто и доступно (немецкий термин *Öffentlichkeit* для обозначения «публичности» содержит в себе это значение), а «приватным» является то, что можно и нужно оставить в зоне невидимости и непрозрачности. То есть, основой разрушения приватного является ее «раскрытие» для других. В этом смысле можно сказать, что при Советской власти «невидимость» частной и интимной жизни, ее устранение из репрезентации в каком-то смысле являлось гарантией ее «неприкосновенности», хотя и на ничтожно малой территории (пресловутый «периметр безопасности», на практике означавший нередко всего лишь угол в коммунальном жилище, отгороженный занавесочкой), при этом, как уже отмечалось выше, все, что оказывалось втянутым в воронку публичности, оказывалось немедленно видимым: открытым до неприличия, если не сказать больше — до порнографичности.

Можем ли мы обнаружить в современной культуре какие-либо из «технологий депривации», уже обсуждавшиеся нами выше, и в какой форме они сегодня реализуются?

Подсматривание и подслушивание: возможности удовлетворения вуайеристских потребностей сегодня велики и чрезвычайно разнообразны (от веб-камеры до YouTube, от камер наблюдения до разнообразных способов прослушивания), и затронули даже производство детских игрушек. При этом речь может идти как об удовлетворении собственного любопытства без каких либо специальных целей, так и об использовании этой информации для достижения различных политических, экономических и прочих целей. Главное же отличие состоит в том, что изменились способы слежки и надзора — они становятся все более опосредованными с помощью технологий (даже такие практики, как face-control, основаны сегодня на применении сложных систем, включающих в себя и мобильную связь, и видеокамеры, и компьютеры).

Перлюстрация (и цензура). Начнем с того, что как таковая эпистолярная культура существенно изменилась с приходом мобильных телефонов и электронной почты (люди

не пишут друг другу записки или письма, но посылают SMS или сообщения в Скайп-чате); позвонить сегодня легче, чем написать, а SMS отправить дешевле, чем позвонить и т. д. Но именно с переходом на электронные средства коммуникации возможности доступа и контроля за всеми видами переписки стали намного более эффективными. Более того, многие из этих средств являются абсолютно легальными и в этическом смысле вполне приемлемыми³³.

Контроль за подчинением индивидов коллективу. Разумеется, формы контроля по-прежнему существуют, но не со стороны рабочего или учебного коллектива, а со стороны заинтересованных в нас как потребителей «корпорациях». Товарищеские суды (и партийно-профсоюзно-комсомольские собрания) ушли в прошлое, а коммуникация лицом-к-лицу утратила свое прежнее значение. Однако роль государства по надзору за частными практиками индивидов (к которым сегодня относится не только, например, использование детской порнографии, но и создание пиратских копий DVD у себя дома) повсеместно усилилась, а частный бизнес (особенно в больших корпорациях) вообще немислим без выстраивания системы контроля за своими служащими, которые должны демонстрировать лояльность фирме даже, наверное, во сне.

«Периметр безопасности». В смысле физического пространства наш периметр безопасности выглядит сегодня гораздо более внушительным. Наши тела, несомненно, получили больше свободы (и в приватном, и в публичном пространствах), но ведь периметр безопасности — это понятие и пространственное, и психологическое, поскольку достаточное физическое пространство и сохранение дистанции по отношению к другим необходимо нам для ощущения психологической защищенности. Можно высказать предположение о том, что периметр безопасности сегодня в меньшей степени определяется физической дистанцией, и в большей — степенью поднадзорности (каждого из нас можно увидеть и из космоса), но именно в силу его виртуализации мы не замечаем, что физическая пустота вокруг наших тел больше не является гарантом нашей безопасности.

³³ Например, сервис *Readnotify.com* позволяет любому из нас узнать, было ли прочитано наше письмо адресатом, которому мы послали сообщение, если он по каким-то причинам нам не ответил.

Жилье. Как и прежде, мы склонны рассматривать стены своего дома, как нашу «крепость», как самый главный способ защиты от бурь внешнего мира, и именно внутри домашнего пространства мы стремимся создать условия «защищенности, комфорта, автономии, невмешательства, удовольствия»³⁴. Здесь, пожалуй, можно сказать, что наличие свободного пространства внутри дома и возможность уединиться, а также возможности по превращению своего дома в крепость — это вопрос денег и статуса; говоря иначе, это вопрос классовых различий. Очевидно, что дом состоятельного человека является более надежно «закрытым», то есть отгороженным от внешнего мира, чем комната в общежитии. Но и здесь мы можем наблюдать парадоксальную ситуацию: один и тот же человек, будучи отгороженным от своих соседей или случайных прохожих непреступными каменными стенами, оказывается «открытым» для многих других — в силу того, что он везде оставляет следы своего присутствия (на камерах слежения, в Интернете, на фотографических снимках, без которых не обходится практически ни одно событие в приватной или публичной его жизни), не говоря уж о биометрических паспортах и фотографиях его жилища, сделанных со спутника.

Все вышесказанное позволяет нам сделать вывод о том, что мы имеем дело с *новым режимом видимости*, который если и не упраздняет различие между приватным и публичным, то, во всяком случае, вынуждает нас радикальным образом переосмыслить эту дихотомию. Можно предположить, что сегодня водораздел между приватным и публичным может быть определен не столько через противопоставление активного/пассивного, общественного/индивидуального, частного/общего, сколько посредством категорий *видимого и невидимого, непосредственного и опосредованного (технологиями)* общения или контакта.

Используя мысль Поля Вирилио, мы можем наблюдать сегодня «эндоколонизацию лишнего интимности мира»³⁵. Доступ к мыслям другого человека (самое интимное, что может быть у каждого из нас) осуществляется сегодня мгновенно и

34 Е. Здравомыслова, А. Роткирх, А. Темкина. Там же. С. 11.

35 П. Вирилио. *Информационная бомба. Стратегия обмана*. Москва, 2002. С.49.

без насилия. Мы можем отследить любого, кто наведывался в пространство нашего дневника (если речь идет, например, о Живом журнале) или же увидеть, благодаря Скайпу или почтовому сервису Gmail, доступен человек в сети или нет в данный конкретный момент времени. Сплетня, означавшая в прежние времена наличие некоторой границы, отделявшей личную жизнь индивида от вмешательства со стороны социума, поскольку объектом сплетни являлась некая секретная зона, о которой можно только гадать и которая не должна была становиться предметом публичного обсуждения, как пишет Умберто Эко, в наше время создается и поддерживается медиасферой, она сообщается не шепотом, а громким криком, и узнает о ней не только жертва сплетни, но даже и те, кому это вовсе не интересно. Более того, благодаря телевидению, «жертва» рассказывает о себе сама публично, надеясь таким образом обрести статус поп-звезды или политической фигуры³⁶. Многие из нас знают, что самый лучший способ защитить свой секрет — это сделать его публичным: что может быть интересного в информации, которую никто и не думает скрывать? Публичные фигуры (политики, артисты, писатели, спортсмены) оказываются главными персонажами таблоидов, где все перипетии их личной жизни, содержимое их желудков (если они делятся секретами своей диеты), наличие целлюлита или отсутствие одного, перенесенные ими болезни, количество детей в браке и вне брака и пр. оказываются известными огромному количеству людей, однако особенность нашей культурной ситуации состоит в том, что благодаря «живым журналам» и «одноклассникам» своеобразную «звездность» (в смысле своей «доступности» и подотчетности всем и каждому) приобретают и ничем не примечательные люди, размещающие на своих страничках в Интернете все, что они желают сообщить «городу и миру», вплоть до самых интимных вещей, радостно отрицая тем самым собственное право на приватность. Действительно, для многих людей «мой мир» — это мир Интернета. Складывается впечатление, что сегодня приватность может иметь только живущий в деревенской глуши (желательно на хуторе, чтобы не было рядом любопытных соседей) и ничего не знающий

36 См.: U. Eco. *Turning Back the Clock. Hot Wars and Media Populism...* P. 83.

об Интернете человек (такие еще есть, хотя их количество стремительно уменьшается), но как только он или она оказывается в современном мегаполисе или транзитных пространствах, оснащенных современными камерами слежения и другими технологическими средствами, то этой «приватности» также приходит конец. Умберто Эко в своей книге о «горячих войнах» и медиа популизме пишет, что Интернет привел к тому, что мы добровольно отказываемся от нашей приватности, и в этом смысле, защита приватности сегодня невозможна, поскольку эксгибиционист не желает защищать свою приватность — то есть не вполне ясно, что и зачем нужно защищать³⁷, и это не столько вопрос юридических норм, сколько этических соображений.

Понятие «дома» (как локуса приватности) также существенно изменилось — в первую очередь потому, что имея дома телевизор (или компьютер), мы все оказываемся в некотором роде под одной крышей или в одном пространстве. А в силу того, что наиболее рейтинговые передачи на современном телевидении — это разнообразные ток-шоу эксгибиционистского характера (наподобие «Пусть говорят...»), то, соответственно, мы переживаем одновременно и вторжение (в наше личное пространство), и выставление другими людьми своей интимной жизни напоказ. Как пишет Поль Вирилио, телевидение обновляет таким образом понятие «единства проживания»: «Благодаря освещению в реальном времени, пространство-время места обитания оказывается потенциально связанным с пространством других людей, и страх выставить напоказ повседневную личную жизнь сменяется желанием предоставить себя взглядам всего мира»³⁸.

Некоторые выводы

Из всего вышесказанного вытекает, что приватность в СССР была невозможна — экономически, политически, дискурсивно, но при этом частная жизнь у советских граждан все же была. То, что ускользает от нашего понимания советской культуры сегодня, — это вопрос о том, как можно

37 См.: U. Eco. Ibid. P. 82, 87.

38 П. Вирилио. *Информационная бомба...* С. 50.

отказаться добровольно от частной жизни в пользу общественных интересов? Между тем, если при советской власти «приватность» была конфискована государством (или во многих случаях принесена в жертву добровольно в пользу коллективного проекта), то сегодня мы можем говорить о том, что утрата приватности, происходящая на наших глазах и с нами самими, с одной стороны, реализуется все в тех же модусах «принудительности» (камеры слежения в магазинах, на улицах, веб-камеры) и/или «добровольности» (феномен «Живого журнала» (ЖЖ) и другие формы виртуального экспозиционизма), но эта «жертва» приносится отнюдь не в пользу коммунальности. Уместнее здесь было бы говорить об интересах частного капитала, для которого приватная жизнь каждого «потребителя» является неисчерпаемым ресурсом для создания прибавочной стоимости и для продвижения товаров (это отличительная особенность многих веб-сервисов, таких, как «Одноклассники» или «Мой мир»). Но, вообще говоря, те, кто сегодня отказывается от своей приватности добровольно (а не потому, что оказываются втянутыми в социальные «сети» помимо своего желания), тоже делают это преимущественно в целях self-promotion, например, делая доступными собственные портфолио для потенциальных клиентов или работодателей. Более того, многие пользователи Интернета используют логику рыночных отношений даже тогда, когда речь идет о дружеской коммуникации.

Таким образом, размышляя о современных трансформациях приватной сферы, мы можем сказать, что там, где государство сдало свои позиции, выиграл глобальный капитализм: реклама и другие ниши рыночной экономики воспользовались эффектами «депривации» в полной мере. Говоря «там», я имею в виду не геополитические пространства (в этом смысле у капитализма больше нет конкурентов, он везде), а скорее, под «там» я имею в виду механизмы регуляции социально-экономических отношений, которые находятся либо в руках государства, либо — частного капитала.

При этом, мне кажется, успех «социальных сетей» в постсоветском пространстве в немалой степени обусловлен и тем, что, не осознавая ностальгических настроений по коммунальному прошлому, постсоветские индивиды

испытали нечто вроде облегчения от возвращения к жизни в сообществе, «на виду у всех». Как отмечают Здравомыслова, Роткирх и Темкина применительно к другой проблеме, «разрыв с прошлым предполагает его невольное воспроизводство в новых условиях»³⁹.

Утрата приватности вовсе не обязательно должна трактоваться как утрата в негативном смысле. Можно было бы вспомнить здесь самые разные примеры: способы решения насилия в семье (которые Советская власть начала применять еще в 1920-е гг., при этом та же коммунальная квартира нередко выполняла функцию коллективного «защитника правопорядка» и усмирения дебоширов) или же видеонаблюдение, как средство профилактики преступлений. К этому не стоит относиться меланхолично или ностальгически: в конце концов, «приватность» не универсально-исторический феномен, и даже в тех обществах, где можно говорить о приватности, как особой ценности, право на эту приватность всегда имели люди определенного пола, класса и социального статуса. Правда, новые коммуникативные технологии оказываются в этом смысле инструментом установления эгалитарного порядка: перед видеокамерой мы все в равной степени оказываемся беззащитны и, в этом смысле, равны.

39 Е. Здравомыслова, А. Роткирх, А. Темкина. Там же. С. 10.

Ольга
Зубковская

ПОНЯТИЕ «ЧАСТНОГО» И СЕКСУАЛЬНЫЕ ДОМОГАТЕЛЬСТВА: ПОЧЕМУ «НЕТ» СЕКСУАЛЬНЫХ ДОМОГАТЕЛЬСТВ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ?[†]

Дорогие женщины! Объясните, зачем вам на
работе-то сексуально выглядеть? Конечно,
у каждого свои цели, но если уж работать пришли,
не провоцируйте «слабый по духу пол»!

*Из Интернет-форума, посвященного
обсуждению сексуальных домогательств*

Введение

Сексуальные домогательства на рабочем месте — одна из актуальных проблем для женщин стран Восточной и Центральной Европы в условиях политических, социальных и экономических трансформаций коммунистического блока. Как явствует из рекламных объявлений о найме на работу, призывающих «интимные услуги не предлагать», из неформальных историй о сексуальных домогательствах, иногда появляющихся в СМИ, и из немногих исследований, предоставляющих статистику сексуальных домогательств (показывающих, например, что от 25 до 30% русских женщин являются объектами сексуальных домогательств на рабочем

[†] Опубликовано с изменениями по изданию: Ольга Зубковская. Понятие «частного» и социальные домогательства: почему «нет» сексуальных домогательств в странах Восточной Европы? // *Женская солидарность: пособие для женщин и мужчин: Сборник статей* / Под ред. Е. Гаповой и Н. Сирош. – Минск: Пропилеи, 2002. С. 43–56. Публикуется с разрешения автора

месте)¹, эта проблема представляет собой дополнительное препятствие, которое должны преодолевать женщины в борьбе за выживание на новых рынках труда.

Однако, несмотря на важность проблемы, ее глубокое понимание и анализ причин ее возникновения почти полностью отсутствуют в общественном сознании. В тех же случаях, когда сексуальные домогательства становятся предметом обсуждения, ответственность за них (как это очевидно из эпиграфа) приписывается женщине: она сама того хотела и знала, на что шла. Одновременно следует отметить, что представители женского движения ассоциируют этот феномен с «агрессивным» западным феминизмом и не понимают его связь со структурой социального неравенства по признаку пола. Подтверждают неоднозначность отношения к проблеме и отсутствие статистических данных и исследований: статистика сексуальных домогательств имеется только по России; в других странах Восточной Европы эта проблема почти не исследована².

Кроме того, проблема сексуальных домогательств отсутствует в публичном правовом дискурсе, что проявляется на двух уровнях:

1) Правовые системы стран Восточной Европы не имеют определения сексуальных домогательств ни как формы дискриминации по признаку пола на рабочем месте, ни (в более широком смысле) как нежелательной сексуальной активности за пределами сферы занятости. В отличие от США, где нормативные акты, регламентирующие сексуальные домогательства, являются частью трудового законодательства, кодексы законов о труде в странах Восточной Европы не содержат соответствующих нормативов;

2) Несмотря на то, что законодательное преследование за сексуальные домогательства в некоторых случаях возможно (например, по статье 133 УК России: принуждение к сексуальным действиям со стороны лица, от которого

1 «Сексуальные домогательства на работе: что это такое и как себя защитить». www.owl.ru/win/books/harrasment/part1.htm (посещение 27.11.13).

2 Именно поэтому исследование «отсутствия» сексуальных домогательств в правовом дискурсе строится с опорой на российские данные.

пострадавший зависит материально или другим образом³) и что такого рода поведение нарушает некоторые положения Конституции, судебные разбирательства сексуальных домогательств очень редко происходят в российских судах. Так, в 1992 г. зафиксирован только один случай судебных разбирательств по данной статье; в 1993 и 1994 гг. не зафиксировано ни одного подобного случая⁴.

Эти факты способны вызвать удивление, если принять во внимание обстоятельства, сопутствовавшие появлению в США законодательства о сексуальных домогательствах как одном из видов дискриминации по признаку пола на рабочем месте. Хорошо известно, что появление нормативных актов, «признающих» существование этого феномена, связано с массовым появлением женщин на рынке труда, а также с активизацией женского движения второй волны. В то же время, несмотря на то что женщины в СССР составляли более половины рабочей силы и до сих пор являются значительными трудовыми ресурсами, а также, невзирая на деятельность женских активистских групп, сексуальные домогательства в странах Восточной Европы никак не проявляются на уровне правового дискурса.

Имеется несколько объяснений того, почему сексуальные домогательства «появились» как феномен в странах Восточной Европы, но не являются предметом судебных разбирательств. Так, распространение этого феномена отдельные авторы приписывают патриархатным стереотипам, являющимся наследием советской эпохи⁵. Согласно другим источникам, «появление» сексуальных домогательств объясняется подчиненным положением женщин в социальной иерархии, возросшей конкуренцией на рынке труда, ошибками в коммуникации (то, что рассматривается женщинами как отказ, воспринимается мужчинами как кокетство и поощрение к действию)⁶. С точки зрения авторов, которые занимаются не проблемой сексуальных домогательств как

3 Уголовный кодекс РФ, глава 18: «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности». www.uk-rf.com/glava18.html (посещение 27.11.13).

4 Более полные данные, в частности, о количестве судебных разбирательств в последующие годы, а также о судьбе этой статьи, отсутствуют.

5 S. Bridger, R. Kay, K. Pimick. Sexual Exploitation and the New Labor Market. // S. Bridger, R. Kay, K. Pimick (Eds.). *No More Heroines: Russia, Women and the Market*. London, 1996.

6 «Сексуальные домогательства на работе: что это такое и как себя защитить»...

таковых, но общей проблемой нарушения прав человека, и отказа граждан бывших соцстран отстаивать свои права в суде, этот феномен объясняется правовым нигилизмом и отсутствием конституционной защиты прав человека⁷.

Хотя все названные факторы, несомненно, создают некоторое понятие о причинах данной проблемы, они, тем не менее, не объясняют в полной мере «возникновение» сексуальных домогательств в странах Восточной Европы. В данной статье я покажу, что более полное понимание этого феномена возможно получить при анализе того, какое место занимает сексуальность внутри сферы «частного»⁸, и тех трансформаций, которым подвергается понимание дихотомии *частное/публичное* в переходных обществах. В частности, с опорой на феминистскую критику разделения *частное/публичное*, я покажу, что одна из причин, по которой женщины в странах Восточной Европы отказываются от судебных разбирательств, связанных с сексуальными домогательствами, заключается в изменении положения сексуальности внутри дихотомии *частное/публичное*. Если в советский период сексуальные отношения рассматривались как «несуществующие», то в постсоветский период в связи с трансформацией «частного» сексуальные отношения начинают восприниматься как сторона межличностных отношений, не подлежащих контролю и наблюдению со стороны третьих лиц. Именно поэтому конфликты, связанные с сексуальными домогательствами, не предполагают вмешательства с любой стороны, в том числе и государства. Таким образом, возникающая сфера «частного», которая согласно либеральным определениям этого понятия призвана защищать интересы частных лиц, становится сферой угнетения женщин, воспроизводящей «публичные» властные отношения. С позиций феминистской критики дихотомии *частное/публичное* политика невмешательства в частную жизнь приводит к усилению дискриминации женщин в обществе.

7 E. Liberla Letowska. *Concepts of Human Rights in Central and Eastern Europe*. Warsaw, 1998.

8 Существует мнение, что иногда термины *частное* и *приватное* можно рассматривать как синонимы. С другой стороны, некоторые исследователи/-цы считают, что значение русскоязычного термина *частное* шире значения заимствованного термина *приватное*; в каких-то контекстах *частное* также коннотирует индивидуальные предпочтения (напр. частный выбор). Эту тему мы разовьем подробнее в следующем номере. *Прим. ред.*

В первой части статьи мы обратимся к некоторым толкованиям понятия «частное», равно как и к феминистским критикам его. Во второй части проанализируем те изменения, которым подвергается понимание положения сексуальности внутри сферы «частного», равно как и трансформацию дихотомии *частное/публичное* в переходных обществах Восточной Европы.

Понятие «частного». Феминистская критика

Понятие «частного» и права на частную жизнь является одним из сложных и противоречивых вопросов. Несмотря на то, что право на частную жизнь является одним из фундаментальных в международном законодательстве (в частности, в Европейской конвенции по правам человека), и в том или ином виде оно закреплено в законодательстве почти всех стран, не существует единого понимания его значения. Более того, отсутствие универсального понимания «частного» приводит к тому, что это понятие сильно зависит от контекста и часто определяется в его оппозиции к публичному. Как отмечает А. Этциони:

Отсутствие четких оснований для абсолютного или «естественного» права на частную жизнь наводит нас на мысль о том, что понятие «частного» изменяется в зависимости от контекста. Сравнительные социальные исследования не оставляют никакого сомнения, что круг явлений, считающихся «частными», сильно изменяется не только при сравнении различных сообществ, но с течением времени и внутри одного сообщества... (выделено автором)⁹.

В юридической литературе известно несколько интерпретаций понятия «частного». Наиболее авторитетное из них определяет частное как «право быть оставленным одному»¹⁰. Оно было сформулировано в конце XIX в. судьей Американского конституционного суда Луи Брандеисом. Более поздние неокommунитарные критики этого либерального понимания

9 A. Etzioni. *The Limits of Privacy*. New York, 1999. P. 202.

10 «Частная жизнь и права человека». Ранее доступно по адресу: www.hro.org/docs/rep/privacy/intor.htm

«частного» считают, что такое определение рассматривает «частное» как неограниченную и неотъемлемую собственность индивида и не принимает во внимание вопрос общественного блага. Именно поэтому необходимо ввести определение «частного», в котором соблюдался бы баланс между интересами индивида и общественной безопасностью. С точки зрения неокommунитарного подхода «частное» — это «сфера, в которой лицо (личность или группа, например, семейная пара) может легитимно действовать, не боясь разоблачения и не предоставляя другим отчета о своих действиях»¹¹.

Важным аспектом такого определения «частного» является заложенное в нем разделение «частного» и «частного выбора», а также то, что в нем подразумевается, будто сфера «частного» защищает индивида скорее от общественного наблюдения, чем от контроля. Так, хотя государство и «общество» могут быть заинтересованы в том, чтобы контролировать последствия поведения индивида, они тем не менее признают право индивида быть свободным от наблюдения за теми решениями, которые он (она) принимает в пределах того, что признается его (ее) частной жизнью. Важность этого определения для целей данной статьи заключается в том, что если некоторое поведение считается «частным» (как, например, сексуальные отношения между полами), то возможные негативные эффекты такого поведения (например, насилие или сексуальные домогательства) не могут быть прекращены и наказаны до тех пор, пока они не проявятся в сфере «публичного».

Другим важным аспектом такого понимания «частного» является выделение так называемого «обязательно частного», т.е. «действий, которые в соответствии с ожиданиями, выраженными в доминирующих социальных нормах и кодексах поведения, индивид должен выполнять таким образом, чтобы они не попали в фокус общественного внимания»¹². Так, например, акты, связанные с отпращиванием естественных потребностей, в большинстве сообществ будут не просто «частными», но «обязательно частными». Частное, понимаемое таким образом, защищает скорее общественные,

¹¹ A. Etzioni. *Ibid.* P. 196.

¹² *Ibid.* P. 197.

чем индивидуальные интересы, и является «не правом, но социальной обязанностью»¹³.

Очевидно, что перечень действий, не подверженных вниманию со стороны общественности (или не должных являться объектом общественного внимания) и считающихся «частными» (или «обязательно частными»), определяется по-своему каждым обществом и является социально сконструированным. Так, если сексуальность и сексуальные отношения являются вопросом частного выбора и согласия, негативные последствия этих действий могут преследоваться по закону только в том случае, если нежелательность и/или насильственный характер таких действий доказаны. Более того, я считаю, что по меньшей мере в некоторых случаях (как, например, в случае бывшего СССР) сексуальность является «обязательно частной», т. е. она не может быть проявлена в сфере публичного и формально не существует. Однако, прежде чем перейти к непосредственному обсуждению значения, которое приобретает сексуальность и различные виды сексуального поведения (включая сексуальные домогательства) в зависимости от положения внутри дихотомии *частное/публичное* в СССР и странах Восточной Европы, рассмотрим то, какое влияние оказывают приведенные выше интерпретации понятия «частного» и соответствующие им правовые последствия на положение женщин в социальной структуре.

Деление понятия права на *частное/публичное* и его влияние на частную жизнь в большинстве западных обществ подвергаются развернутой феминистской критике. Хотя, с одной стороны, за сферой частного признается способность защищать индивида от нежелательных вмешательств¹⁴, в целом же «частное» является сферой, в которой воспроизводится система угнетения женщин, утвердившаяся в обществе. Так, например, Патрисия Боулинг, утверждая, что скептический подход к частному, часто выражающийся в слогане «личное есть политическое», задается вопросом: есть ли какой-либо критерий для различения отношений, которые возникают в сфере публичного, и тех, которые имеют место в

¹³ Ibid.

¹⁴ P. Boiling. *Privacy and the Politics of Intimate life*. Ithaca & London, 1996.

сфере частного. С точки зрения этого подхода обе сферы несут на себе отпечаток власти, иерархии и подавления; частное служит главным образом для того, чтобы скрывать такие практики дискриминации и подавления, как супружеское насилие, мужское доминирование и гомофобию, которые в противном случае могли бы быть поняты как публичные и (часто) политические¹⁵.

Сексуальность, или, скорее, обязательная гетеросексуальность¹⁶, которая традиционно рассматривается как феномен, принадлежащий к сфере «частного», признается одним из основных источников подавления женщин, поскольку закрепляет доступ мужчин к женскому телу и их контроль над ним. Такая форма сексуальности является основанием социальной иерархии западного общества. Так, например, Кэрол Пэйтмен показывает, что весь западный либеральный дискурс, появившийся в результате «общественного договора» и гарантирующий свободу и равенство индивидов, на самом деле основывается на другом «невидимом» сексуальном контракте, который гарантирует мужчинам безусловный доступ к женскому телу¹⁷. По Адриен Рич, «гетеросексуальность... является социальным институтом, внутри которого мужчины используют различные формы контроля, насилия и принуждения для того, чтобы обеспечить сексуальный доступ к женщинам»¹⁸. Отнесение сексуальности к сфере «частного» способствует тому, чтобы сделать невидимыми властные неравенства между мужчиной и женщиной и, вследствие этого, укрепить социальный контроль первых над последними. Кэтрин Маккиннон утверждает, что значительная роль в этом процессе принадлежит государству или «обществу», которые таким образом институционализируют патриархатный контроль над женщинами.

15 Ibid. P. 4.

16 Обязательной гетеросексуальность считается потому, что для современных западных обществ другой тип сексуальных отношений (гомосексуальные) не является легитимным. Сама социализация строится таким образом, что ни у мужчин, ни у женщин нет выбора между различными типами сексуальной ориентации. Гетеросексуальность лежит в основе социальной иерархии; она закрепляет мужское доминирование и подавление женщин.

17 C. Pateman. *The Disorder of Women Democracy, Feminism, and Political Theory*. Stanford, 1989.

18 A. Rich. "Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence". Quoted in: L. Kelly. *Surviving Sexual Violence*. Minneapolis, 1988. P. 29.

Сексуальные домогательства, изнасилования, равно как и семейное насилие, рассматриваются с этой точки зрения не как случайные действия психически нездоровых индивидов, которые нарушают функционирование социальной системы, но как наиболее яркое проявление «правил игры», принятых в западных патриархатных обществах. Анализ сексуального насилия показывает, что основной принцип, определяющий отношения между полами в западных обществах, — это принцип властного неравенства, который обеспечивает «доминирующей группе [т.е. мужчинам] право инициировать интимный физический контакт и отказываться от него»¹⁹.

Таким образом, даже принятые законодательные акты, позволяющие преследовать нарушения социальных норм в случае сексуальных домогательств, сами по себе не могут гарантировать защиты нарушенного права до тех пор, пока сексуальные домогательства будут рассматриваться как феномен, принадлежащий к сфере «частного». Однако вследствие того, что женщины не имеют доступа к общественной сфере принятия решений, определение понятия «частного» и личного выбора осуществляется не ими и у них нет «достаточных оснований, чтобы полагать, будто формальные законодательные документы отражают их понимание справедливого общества»²⁰. Более того, интерпретация и применение закона не происходят в социальном вакууме, свободном от ценностей; они всегда находятся под влиянием «доминирующей культурной парадигмы — гендерно нагруженного социально сконструированного мира, где женский опыт редко признается»²¹.

Все это приводит к тому, что в случае сексуальных домогательств сфера частного, вместо того чтобы защищать индивида от вмешательства в его жизнь третьих лиц, устанавливает непроницаемые барьеры для «обнаружения» и «исправления» такого поведения. Как отмечает Кэтрин Маккиннон, в отличие от всех иных преступлений и в

19 A. Rich. "Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence". Quoted in: L. Kelly. *Surviving Sexual Violence*. Minneapolis, 1988. P. 26.

20 N. H. Kaufman, S. A. Lindquist. Critiquing Gender-Neutral Treaty Language: The Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination Against Women // J. Peters, A. Wolper A. (Eds.). *Women's Rights, Human Rights: International Feminist Perspective*. New York & London, 1995. P. 114–125; 119.

21 Ibid. P. 116.

противоположность всем преступлениям против личности, в случае сексуальных домогательств необходимо эмпирическое подтверждение; судьи получают инструкции быть особенно осторожными при оценке свидетельских показаний ввиду эмоциональной вовлеченности и пристрастности жертвы по отношению к сексуальным отношениям, которые могли иметь место в сфере частного:

В сфере «частного» означает нечто большее, чем «когда они были наедине... «Частное» освящает сексуальность. Поскольку эти действия... имели место в сфере частного, отсутствуют свидетельские показания со стороны третьих лиц... Такое понимание «частного» становится особым юридическим правилом, согласно которому показания женщины, обвиняющей мужчину в сексуальных домогательствах, нельзя расценивать в соответствии с традиционными стандартами оценки свидетельских показаний. Оно превращает право мужчины «быть оставленным одному» в завесу, за которой каждая отдельная женщина может подвергаться сексуальным домогательствам²².

В следующей части работы я покажу, что именно понимание сексуальных домогательств как вопросов «личного» выбора, принадлежащих к сфере частного, обуславливает их отсутствие в правовом дискурсе и нежелание женщин отстаивать свои права в суде. Это понимание, на мой взгляд, связано с трансформациями, которым подвергается дихотомия *частное/публичное* в транзитивных обществах в связи с «появлением» сферы частного в том виде, который характерен для западных либеральных обществ.

Частное/публичное и сексуальные домогательства в СССР и странах Восточной Европы

История Советского Союза отмечена поразительным исключением сексуальности из публичного дискурса и отрицанием гендерных различий как несущественных или, по меньшей мере, не оказывающих существенного влияния на общественные отношения. Однако это вовсе не свидетельствует о том, что сексуальность и сексуальные отно-

22 C. A. MacKinnon. *Sexual Harassment of Working Women*. New Haven & London, 1979. P. 162.

шения не имели значения для советского государства, были свободны от общественного надзора и считались вопросом индивидуального выбора. Понятие «частного» и определение того, что может считаться феноменом частной жизни, приобрело в СССР любопытную форму. Как отмечают многие авторы, понятие «частного» в Советском Союзе было парадоксальным образом двойственным: «частное» одновременно существовало и не существовало²³.

В соответствии с Конституцией СССР (1936 и 1977 гг.) граждане Советского Союза обладали почти всеми личными правами (включая право на частную жизнь), которые демократическое государство может предоставить своим гражданам. Так, например, согласно статье 56 Конституции 1977 г. личная жизнь граждан, тайна переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений охраняются законом; статьи 127–128 провозглашали право на неприкосновенность личности, жилища и тайну телефонных переговоров. Следовательно, юридически «частное» в значении права «быть оставленным одному» существовало. Более того, Конституция 1977 г. пытается сформулировать основные права граждан таким образом, чтобы сбалансировать индивидуальные и общественные интересы (ст. 39: «Граждане СССР обладают всей полнотой социально-экономических, политических и личных прав и свобод, провозглашенных и гарантируемых Конституцией СССР и советскими законами. Использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерба интересам общества и государства, правам других граждан»)²⁴.

Однако, как отмечает Ева Летовска, конституции стран коммунистического блока (включая Конституцию СССР) имели по преимуществу декларативный характер, что подтверждалось невозможностью защищать права и свободы в случае их нарушения через судебную систему²⁵. Более того, интересы государства доминировали в тех случаях, когда устанавливались пределы допустимого вмешательства государства в жизнь частных лиц. Сфера частного, поскольку она могла способствовать развитию инакомыслия и

23 См., например: E. Letowska. *Liberal Concept of Human Rights in Central and Eastern Europe...*

24 Конституция СССР (1977). www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm (посещение 27.11.13).

25 E. Letowska. *Liberal Concept of Human Rights in Central and Eastern Europe...*

индивидуальности, угрожавших «ведущей линии партии», контролировалась и подавлялась государством. Джо Бейли отмечает, что коммунистическая революция началась как эксперимент по перестройке дихотомии *частное/публичное*, в котором «новый советский человек» попытался радикально трансформировать индивидуальность и ее место в повседневной жизни. Основанием для такой трансформации послужили работы Карла Маркса, который не придавал сфере «частного» позитивного значения и предвосхищал полное поглощение частного публичным. Большевизм (...) парадоксальным образом не признавал существования такого «частного», которое нельзя было бы наблюдать и которое могло бы ускользнуть от внимания всегда присутствующего «взгляда» общественности.²⁶

Таким образом, контроль сферы частного был одной из приоритетных задач советского государства. Именно поэтому политика относительно сексуальности и репродукции, традиционно являющихся основой семейной частной жизни, выстраивалась таким образом, чтобы «подчинить сексуальность классовым интересам пролетариата»²⁷. Подтверждением этому служит разрушение традиционных институтов семьи и брака с целью установления равенства между полами, которые позже были заменены еще более ограничивающей семейной политикой. Контроль над сексуальностью устанавливался посредством введения жесткой пронаталистской политики и ограничений аборт и посредством криминальных преследований гомосексуальности и проституции²⁸. С точки зрения Игоря Кона, сексуальная свобода была опасна для тоталитарного советского государства, поскольку она создавала возможность для проявления индивидуализма, подрывавшего основы теорий классовой борьбы и «диктатуры пролетариата»²⁹.

26 J. Bailey. "The Development of the Concept of Privacy." Conference paper presented at "Privacy Conference", New School University; Central European University. 2001. March 23–24. P. 15.

27 А. Залкинд. *Революция и молодежь*. Москва, 1924; Кон И. С. *Клубничка на березке. Сексуальная культура в России*. Москва, 1997.

28 Там же.

29 Там же.

Там, где попытки контроля проваливались (как, например, в случае проституции, которая после введения уголовного наказания стала «невидимой»), проблема замалчивалась, она «не существовала» ни в общественном дискурсе, ни в сфере «частного», поскольку последняя находилась под контролем и наблюдением государства. В результате такой политики по отношению к «частному» и к сексуальному поведению проблема смещается в область того, что в соответствии с некоммунитарными определениями является «обязательно частным»; она становится несуществующим, тем, что никогда не может быть проявлено и высказано. Эта сфера «частного» становится тем пространством, где могли осуществляться индивидуализация и сопротивление тоталитарному контролю со стороны государства. В то время как сфера «публичного» и сфера «частного», контролируемые государством, были асексуальными и гендерно нейтральными в соответствии с доминирующей идеологией, понимавшей равенство между полами как «одинаковость», «обязательно частное» воспроизводило гендерное неравенство в соответствии с традиционными патриархатными стереотипами. Такая двойственность, расхождение между уровнями государственной идеологии и повседневной жизни являлась одной из основных характеристик отношения советского государства к «частному» и сексуальности. Игорь Кон отмечает, что «лицемерие было обязательной нормой советской жизни. И не столько лицемерие, сколько способность иметь два взаимоисключающих мнения по одному поводу (...). По существу лицемерие было основным условием выживания (...). Наиболее легким способом было искренне верить в официальные нормы (на публике) и также искренне нарушать эти нормы в частной жизни»³⁰.

В такой ситуации, где даже «нормальные» сексуальные отношения между мужчиной и женщиной отсутствовали в публичном и частном дискурсе, такие «отклоняющиеся» формы сексуальности, как супружеское насилие или сексуальные домогательства, отсутствовали тем более. Советские женщины этой эпохи обнаруживали себя в парадоксальной ситуации: широко распространенные случаи сексуальных

30 Кон И. С. *Клубничка на березке. Сексуальная культура в России...*

домогательств не распознавались «гендерно нейтральной» правовой системой, равно как и не могли стать предметом общественного обсуждения. Сексуальные домогательства не были ни «частным», ни публичным феноменом; они просто не «существовали» в тех сферах, где они могли бы быть обнаружены государством.

Распад Советского Союза и связанные с ним политические и социальные трансформации привели к переопределению дихотомии *частное/публичное*, а также к изменению отношения к сексуальности в общественном дискурсе. Несмотря на то, что формулировка основных прав (включая право на частную жизнь) граждан постсоветских государств почти не изменилась, социальное понимание разделения «частное – публичное» трансформировалось. Так, Конституция Российской Федерации признает право на частную жизнь, защиту личных интересов, тайну переписки. Статья 23 гласит:

1. Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени.
2. Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения³¹.

Статьи 24 и 25 посвящены охране частной информации и неприкосновенности жилища³². Изменение социального понимания «частного» подтверждается и объясняется не столько изменением формулировки законодательных принципов, сколько уменьшением непосредственного государственного контроля и цензуры, реальной возможностью осуществлять некоторые конституционные права (такие, как право на свободу слова и общественных объединений)³³, фрагментацией прежде единого политического и общественного дискурса и формированием среднего класса, для которого право на частную жизнь становится одним из основных. В этой ситуации «частное» начинает приобретать позитивное значение и тот смысл, который характерен для западных

31 Конституция Российской Федерации. www.constitution.ru (посещение 27.11.13).

32 Там же.

33 Это не относится к ситуации в Беларуси.

либеральных демократий³⁴. Это дает основания утверждать, что «частное» перестает быть «обязательно частным», скрытым от прямого вмешательства государства и общества.

Вследствие такой трансформации понятия *частное/публичное* сексуальность перестает быть «обязательно частной» и становится предметом обсуждения в сфере «публичного», в СМИ. Ее можно рассматривать как принадлежащую к возникающей сфере «частного», поскольку она больше напрямую не контролируется государством, подтверждением чему служат более либеральное законодательство об абортх, упразднение криминальных преследований гомосексуальности. Сексуальное насилие и сексуальные домогательства, которые ранее не были предметами общественного обсуждения, постепенно появляются в фокусе внимания СМИ, неправительственных организаций. Однако поскольку эти проблемы рассматриваются как принадлежащие к сфере «частного», то предлагаемые способы их объяснения исходят из особенностей межличностных отношений. Так, тот факт, что женщины становятся объектами сексуальных домогательств, объясняется их «неправильным» поведением, но никак не особенностями социального функционирования и гендерным неравенством.

Вместе с тем признание права на частную жизнь создает непроницаемые барьеры для появления сексуальных домогательств как предмета судебных процессов. Парадокс ситуации заключается в том, что позитивные трансформации понятия *частное/публичное* оказывают негативное влияние на жизнь женщин, поскольку не позволяют выявить сексуальные домогательства посредством применения «гендерно нейтрального» законодательства. Даже тогда, когда нежелательные сексуальные знаки внимания проявляются на рабочем месте — а значит, в сфере публичного, — они воспринимаются как вопрос частного выбора. Такое положение является одним из ключевых факторов, объясняющих, почему женщины стран Восточной Европы избегают отстаивать свои права в суде.

³⁴ Конечно, нельзя сказать, что граждане Восточной Европы в полной мере обладают основными конституционными правами. Однако ситуация изменилась по сравнению с полным бесправием граждан Советского Союза.

ПОЛИТИКА ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В ЛИТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ

Вилана Пилинкайте-
Сотирович
Маргарита Янкаускайте

Процесс вступления Литвы в Европейский Союз (ЕС) стал важным стимулом развития в стране политики гендерного равенства. В процессе переговоров Литва взяла на себя обязательства привести все национальные законы и административные акты в соответствие с правовыми нормами ЕС. На основе этих договоренностей установки, запрещающие дискриминацию по признаку пола, были включены в общее законодательство¹, а также приняты два отдельных закона: «Закон о равных возможностях женщин и мужчин»² и «Закон о равном обращении»³. Оба документа запрещают дискриминацию в сферах труда, образования, доступа к товарам и услугам, а также защищают от дискриминации по признаку пола⁴, создавая солидную правовую базу для борьбы с нарушениями, однако, не гарантируя автоматического устранения гендерного неравенства в обществе.

1 Гражданский кодекс, Трудовой кодекс, Закон о государственной службе, Закон об образовании, Закон о здравоохранении и др.

2 Закон о равных возможностях женщин и мужчин (LR Moterų ir vyrų lygių galimybių įstatymas), приказ №VIII-947 от 1 декабря 1998 г., Указ о поправках № X-304 от 5 июля 2005 г. www3.lrs.lt/pls/inter2/dokpaieska.showdoc_l?p_id=276095 (посещение 10.10.13).

3 Закон Литовской Республики о равном обращении (Lietuvos Respublikos Lygių galimybių įstatymas), приказ №IX-1826 от 18 ноября 2003 г. Новая версия закона, приказ №X-1602 от 17 Июня 2008 г. www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=323620 (посещение 10.10.13).

4 Закон о равном обращении также защищает от дискриминации по признакам расы, национальности, языка, происхождения, социального положения, вероисповедания и убеждений, возраста, сексуальной ориентации, состояния здоровья и этничности.

■ © Женщины в политике: новые подходы к политическому. Феминистский образовательный альманах. Вып. 3. Публичное: политизация приватного. 2013. Сс. 49-63.

Стремление стать частью ЕС, наряду с улучшением законодательной базы, значительно способствовало развитию национальных механизмов гендерного равенства⁵. В 1996 г. в Парламенте была создана Комиссия по делам семьи и ребенка. В ее функции входило обсуждение вопросов, касающихся политики семьи, положения женщин и детей. В том же году женщины-депутаты создают неформальную рабочую группу, в рамках которой разрабатываются вопросы повышения представительства женщин в парламентской деятельности и привлечения интереса общественности к вопросам гендерного равенства⁶. Комитет парламента по правам человека официально назначается ответственным за интеграцию идей гендерного равенства в законодательство (как на этапе разработки законодательства, так и в ходе парламентских слушаний). С 1997 г. Департаменту статистики при Правительстве делегируется функция сбора и публикации данных о женщинах и мужчинах в Литве⁷. В 2004 г. начинается разработка перечня показателей, позволяющих отслеживать тенденции, касающиеся гендерной проблематики. В 1999 г. учреждается позиция Омбудсмана по равным возможностям женщин и мужчин, функция которого заключается в контроле за реализацией «Закона о равных возможностях женщин и мужчин», а с 2005 г. — и «Закона о равном обращении»⁸. В 2000 г. по постановлению Правительства Литвы создается межведомственная комиссия по обеспечению равных возможностей женщин и мужчин, в состав которой вошли

5 I. Mackevičiūtė. *Equal opportunities for women and men. Monitoring law and practice in Lithuania*. OSI/Women's Network Program, 2005. www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/eowmlithuania_2005_0.pdf (посещение 10.10.13). M. Tajūnaitė, R. Bandzevičienė. *Lithuania: Analysis of Policy Context and Policies. Gender-sensitive and women-friendly public policies: a comparative analysis of their progress and impact*. Equapol, 2004. www.equapol.gr/Pubs/Lithuania%20DL4.pdf (посещение 10.10.13.).

6 По истечении десяти лет (в 2006 г.) данная рабочая группа была распущена из-за разногласий по вопросам репродуктивных прав женщин, а в 2012 г. деятельность группы вновь была восстановлена. См.: Lietuvos Respublikos Seimas. www3.lrs.lt/pls/inter/w5_show?p_r=8801&p_k=1&p_a=7&p_seim_n_gr_id=50&p_kade_id=7 (посещение 10.10.13.).

7 Гендерная статистика охватывает государственное управление, демографические характеристики, уход за детьми, образование и науку, использование информационных технологий, рынок труда, заболеваемость, социальную защиту, риск и уровень бедности, преступность и уголовное правосудие.

8 Закон Литовской Республики о равном обращении (Lietuvos Respublikos Lygių galimybių įstatymas), приказ №IX-1826 от 18 ноября 2003 г. Новая версия закона, приказ №X-1602 от 17 июня 2008 г. www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=323620 (посещение 10.10.13.).

представители всех министерств, Департамента статистики и НПО. Управление работой Комиссии было делегировано Министерству социальной защиты и труда, которому с 2001 г. поручена координация гендерных вопросов во всех секторах политики. Также в Министерстве был создан отдел по вопросам равенства женщин и мужчин.

Однако превосходное выполнение показательной программы не стало индикатором готовности к системному внедрению гендерного подхода. Процесс переговоров с ЕС и последовавшие далее административные изменения эксперты оценивают критично. Так, например, указывалось на то, что вопросы гендерного равенства не были включены в обсуждение этих изменений. Экономические и социальные вопросы обсуждались без их соотнесения с целями равных возможностей женщин и мужчин⁹. Ссылаясь на типологию Герды Фолкнер и Оливера Трейба (Gerda Falkner; Oliver Treib)¹⁰, Литву можно было бы назвать типичным примером «мира неживых букв» (*the world of dead letters*), в котором страны, в зависимости от политической конфигурации местных акторов, интегрируют требования директив ЕС в национальное законодательство, но не следуют их принципам на более поздней стадии мониторинга и исполнения. Это приводит к тому, что не всегда то, что написано в своде законов, становится повседневными практиками.

Красноречивый пример тому — муниципальный уровень управления, который, несмотря на многочисленные попытки сделать его более эффективным, был и остается самым слабым звеном гендерных механизмов в Литве¹¹. Работа на местном уровне играет важную роль в процессе «материализации» формальных норм закона и программных установок. Муниципалитеты являются самым крупным работодателем и

9 J. Reingardienė. *Lyčių lygybės strategija ir užimtumo politika Europos Sąjungoje* (Стратегия гендерного равенства и политика занятости ЕС). Kaunas, 2004. A. Davidavicius. "Darbo ir šeimos suderinimo politikos kryptys bei galimybės ES ir Lietuvoje: vyraujančių viešosios politikos paradigmos kaitos analizė" (Направления и возможности политики согласования рабочих и домашних обязанностей в ЕС и Литве) // J. Reingardienė (ed.). *(Ne)artokamas darbas: šeimai palanki darbo aplinka ir lyčių lygybė Europoje*. Vilnius, 2006. P. 203–236.

10 G. Falkner, O. Treib. Three Worlds of Compliance or Four? EU-15 Compared to New Member States. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2008. Vol. 46.2. P. 293–313.

11 I. Mackevičiūtė. *Lyčių lygybės aspektas savivaldybių darbe* (Гендерные подходы в работе муниципалитетов). Vilnius, 2005.

предоставляют гражданам многочисленные услуги, которые влияют на качество их повседневной жизни, углубляя или уменьшая неравенство возможностей и результатов. Поэтому важно формировать механизмы, помогающие отслеживать, равномерно ли общие ресурсы распределяются среди женщин и мужчин, девочек и мальчиков или групп с другими гендерными идентичностями.

В муниципалитетах Литвы не созданы структуры, позволяющие обеспечить последовательность внедрения гендерных подходов. Пытаясь удовлетворить повседневные потребности членов общества, работники этих учреждений чаще всего не осознают важности стратегических целей гендерного равенства. Ссылаясь на анализ Синтии Кокберн (Synthia Cockburn)¹², можно утверждать, что администрации муниципалитетов используют «краткосрочную» повестку дня, разрабатывая меры по устранению последствий социальной незащищенности, но игнорируют «долгосрочную» повестку, которая позволила бы ставить перед собой задачу преобразования организационных структур и культуры учреждений муниципалитета, избегая (вос)создания различий как неравенства и подчинения.

Положение в муниципалитетах является лакмусовой бумажкой, которая показывает, что, несмотря на готовность и усилия формально гармонизировать национальное законодательство с нормами ЕС, уровень осознания важности вопросов равных возможностей для полноценного развития общества был и остается недостаточным, и, соответственно, создает серьезные препятствия для последовательного внедрения политики гендерного равенства. После вступления Литвы в ЕС¹³, когда исчезла угроза быть недопущенными в «элитный клуб избранных», внедрение политики гендерного равенства стало переживать постоянные сбои, блуждая по распутьям. С одной стороны, под влиянием требований ЕС в стране началась постепенная ее институционализация: усовершенствование законодательства, осуществление госу-

12 C. Cockburn. Equal Opportunities: The Short and the Long Agenda. *Industrial Relations Journal*. 1989. Vol. 20. P. 213–225. Cited from: Y. Benschop, M. Mieke Sisyphus' Sisters: Can Gender Mainstreaming Escape the Genderedness of Organizations? *Journal of Gender Studies*. 2006. Vol. 15.1. P. 19–33.

13 Членом Европейского Союза Литва стала 1 мая 2004 г.

дарственных программ и проектов, направленных на устранение проблем неравенства женщин и мужчин. В то же время стала усиливаться консолидация консервативных сил, выступающих за сохранение традиционных норм, открыто выражающих установки ксенофобии и гомофобии и преподносящих принципы гендерного равенства как опасность для сохранения традиционной семьи и нации. На то, что ситуация в сфере реализации прав человека в Литве ухудшается, не раз обращали внимание правозащитные организации¹⁴.

В процессе переговоров и после вступления в ЕС Литва разработала ряд национальных программ и стратегий, направленных на укрепление принципов гендерного равенства и решение связанных с этим проблем: «Национальная программа по обеспечению равных возможностей женщин и мужчин» (2003–2004, 2005–2009¹⁵ и 2010–2014¹⁶ гг.) и «План действий на 2010–2014 годы»¹⁷, «Национальная программа по реализации Лиссабонской стратегии» (2005–2008¹⁸ гг.), «Стратегия равных возможностей женщин и мужчин в науке»¹⁹, «Национальная программа против дискриминации» (2009–

14 *Žmogaus teisių įgyvendinimas Lietuvoje. 2009-2010 m. Apžvalga* (Права человека в Литве. В 2009–2010 гг. Обзор). Žmogaus teisių stebėjimo Institutas Vilnius. Vilnius, 2011. www.hrmi.lt/uploaded/PDF%20dokai/Apzvalgos/Apzvalga_2009-2010_su%20virseliu_FINAL.pdf (посещение 10.10.13).

15 Решение о принятии Национальной программы о равных возможностях для женщин и мужчин, 2005–2009 гг. (Nutarimas dėl valstybinės moterų ir vyrų lygių galimybių 2005–2009 metų programos patvirtinimo), приказ №116-4202 от 29 сентября 2005 г. www3.lrs.lt/pls/inter2/dokpaieska.showdoc_l?p_id=262423&p_query=&p_tr2 (посещение 10.10.13).

16 Решение о принятии Национальной программы о равных возможностях для женщин и мужчин 2010–2014 гг. (Nutarimas dėl valstybinės moterų ir vyrų lygių galimybių 2010–2014 metų programos patvirtinimo), приказ №530 от 4 мая 2010 г. www.lsc.su.lt/downloads/LR%20Vyriausybės%20nutarimas%20dėl%20valstybinės%20moterų%20ir%20vyrų%20lygių%20galimybių%202010-2014%20metų%20programos%20patvirtinimo.pdf (посещение 10.10.13).

17 Решение о плане действий по реализации Программы равных возможностей женщин и мужчин 2010–2014 гг. (Valstybinės moterų ir vyrų lygių galimybių 2010–2014 metų programos įgyvendinimo priemonių plano patvirtinimo). Литва, министр социальной защиты и работы, приказ №A1-323 от 7 июля 2010 г. www.tar.tic.lt/Default.aspx?id=2&item=results&aktoid=145B7E8D-80CB-435E-98F1-B5C755E6F1B9 (посещение 10.10.13).

18 Решение о принятии Национальной программы по Лиссабонской стратегии (Nutarimas dėl nacionalinės Lisabonos strategijos įgyvendinimo programos). Приказ №1270 от 22 ноября 2005 г. www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=305385&p_query=&p_tr2 (посещение 10.10.13).

19 Приказ о подтверждении Стратегии равных возможностей женщин и мужчин в науке (Isakymas dėl moterų ir vyrų lygių galimybių užtikrinimo moksle strategijos patvirtinimo). Министр просвещения и науки, приказ №ISAK-1600 от 2 июня 2008 г. www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=322040&p_query=&p_tr2=2 (посещение 10.10.13).

2011²⁰ гг.), «Программа по профилактике и борьбе с торговлей людьми» (2002–2004, 2005–2008²¹, 2009–2012²² гг.), «Национальная стратегия по ликвидации насилия против женщин» и «План мер по реализации стратегии» (2007–2009²³ и 2010–2012²⁴ гг.). Национальные программы по обеспечению равных возможностей женщин и мужчин направлены на внедрение практики гендерного равенства во все сферы государственной политики и охватывают, среди прочих, области занятости, образования и науки, здравоохранения, защиты окружающей среды, национальной обороны и процессы принятия решений. «Национальная стратегия по ликвидации насилия против женщин» и планы мер по ее реализации были разработаны для последовательного и систематического снижения насилия в семье. Ее приоритеты охватывают улучшение нормативно-правовой базы, анализ текущей ситуации, профилактические меры, помощь жертвам и санкции против насильников, а также укрепление институционального потенциала. Программа по профилактике и борьбе с торговлей людьми направлена на создание последовательной и комплексной системы контроля и предотвращения торговли людьми, а также введения мер по борьбе с проституцией.

Реализация законов, программ и государственного управления, следуя нормам литовского законодательства, должна основываться на принципах равенства и предотвращения дискриминации по признакам пола, национальности, расы, языка, происхождения, социального положения, вероисповедания и убеждений, возраста, сексуальной ориентации,

20 Note on Approval of National Antidiscrimination Action Program. Приказ №9-153 от 30 марта 2009 г. www.lrvk.lt/Posed_medz/2009/090415/27.pdf (посещение 10.10.13).

21 Решение о принятии Программы по предотвращению и контролю торговли людьми 2005–2008 гг. (Nutarimas dėl Prekybos žmonėmis prevencijos bei kontrolės 2005–2008 metų programos patvirtinimo). Приказ №558 от 19 мая 2005 г. www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=295512 (посещение 10.10.13).

22 Решение о подтверждении программы по превенции и контролю торговли людьми 2009–2012 гг. (Nutarimas dėl Prekybos žmonėmis prevencijos ir kontrolės 2009–2012 metų programos patvirtinimo). Приказ №1104 от 9 сентября 2009 г. www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=352840&p_query=&p_tr2 (посещение 10.10.13).

23 Решение и принятии Национальной стратегии по устранению насилия в отношении женщин и Плана по осуществлению мер 2007–2009 гг. (Nutarimas dėl Valstybinės smurto prieš moteris mažinimo strategijos ir jos įgyvendinimo priemonių 2007–2009 metų plano patvirtinimo). Приказ №1330 от 22 декабря 2006 г. www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=289640&p_query=&p_tr2 (посещение 10.10.13).

24 Решение о принятии Программы по предотвращению и контролю торговли людьми 2009–2012 гг.

состояния здоровья и этничности. Законы о равных возможностях²⁵ обязывают государственные и муниципальные органы и учреждения в пределах их компетенции гарантировать равные права мужчин и женщин во всех ими разрабатываемых и принимаемых законодательных актах, разрабатывать и осуществлять программы и мероприятия по укреплению равных возможностей женщин и мужчин, а также поддерживать общественные организации, работающие в этом направлении.

Однако качественное включение гендерного подхода требует не только правовой легитимации. Для достижения поставленных целей не менее важна и политическая воля, компетенция государственных служащих и политиков, а также осознание важности учета гендерных различий и необходимости эффективного государственного финансирования. Проведенный мониторинг²⁶ показал, что по ряду причин обязанность государственных учреждений интегрировать гендерный подход реализуется нерегулярно и поверхностно. Государственные институты не следуют установкам стратегии равных возможностей в сфере своей компетенции, не проводят анализа возможного позитивного или негативного воздействия предлагаемых ими правовых актов, программ и применяемых мер на различные социальные группы. Большинство отраслевых министерств не включают гендерный подход в свою работу или планы действий, а также не проводят гендерного анализа и оценки равных возможностей²⁷. Такое отношение парализует реализацию стратегических целей и приводит к воспроизводству гендерного неравенства в обществе.

Довольно формальный подход государственных и муниципальных учреждений к осуществлению политики гендерного равенства отражается на ситуации страны в целом. По результатам Глобального индекса гендерных различий в 2012 г.

25 Имеется в виду Закон о равных возможностях женщин и мужчин и Закон о равном отношении, которые предусматривают те же обязанности государственным институтам, но охватывают разный спектр основ предотвращения дискриминации.

26 *Lygių galimybių integravimas: teoriniai ir praktiniai aspektai* (Интеграция равных возможностей: теоретические и практические аспекты). *Lygių galimybių kontrolieriaus tarnyba*. Vilnius, 2011.

27 Там же.

Литва заняла 34 место среди 111 стран, набрав 0,7191 балла²⁸, что на двадцать позиций ниже по сравнению с результатами 2007 г. По Индексу гендерного равенства²⁹, который разработал Европейский институт гендерного равенства³⁰, Литва набрала 43,6 балла из 100, что на 10,4 балла меньше среднего результата ЕС-27 — индекса гендерного равенства в странах Европейского Союза³¹.

Индекс гендерного равенства охватывает шесть областей анализа: сфера труда, финансовое благополучие, образование, время, власть, здоровье и две сопутствующие сферы: интерсекционального неравенства (intersectional inequality) и насилия. Индекс показывает, насколько близко к достижению целей равенства мужчин и женщин были страны ЕС в 2010 г. Анализ сферы труда включает оценку гендерных различий на рынке труда, продолжительность профессиональной карьеры мужчин и женщин, структуру отраслевой сегрегации и качество работы (гибкость рабочего времени, возможность обучения на работе, здоровье и безопасность). Анализ финансового благополучия подразумевает выявление неравенства в доступе к экономическим ресурсам. Анализ сферы образования и знаний показывает различия в сроках обучения и повышения квалификации. Анализ категории времени исследует соотношение временных затрат, уделяемых экономической, репродуктивной и другой социальной (в том числе культурной, гражданской и т.д.) деятельности. Анализ распределения власти позволяет измерить разницу в представленности мужчин и женщин в сферах политики и экономики. Анализ здоровья — разницу состояния здоровья женщин и мужчин и доступа к структурам медицины. По всем шести параметрам результаты Литвы (27,4 балла) отстают от средних показателей ЕС-27 на 1,5 балла.

28 R. Hausmann, L. D. Tyson, Y. Bekhouche, S. Zahidi. *The Global Gender Gap Index 2012. Part 1: Measuring the Global Gender Gap*. 2012. www3.weforum.org/docs/GGGR12/MainChapter_GGGR12.pdf (посещение 10.10.13.).

29 *Gender Equality Index*. www.eige.europa.eu/content/gender-equality-index#/?country=LT (посещение 10.10.13.).

30 *Gender Equality Index Report*. www.eige.europa.eu/content/document/gender-equality-index-report. *Gender Equality Index — Country Profiles*. European Institute for Gender Equality, 2013. www.eige.europa.eu/content/document/gender-equality-index-country-profiles (посещение 10.10.13.).

31 www.eige.europa.eu/content/gender-equality-index (посещение 15.10.13.).

Самое маленькое различие (1,5 балла) по сравнению со средней ситуацией в ЕС-27 наблюдается в области знаний, где Литва набрала 47,4 балла из 100 возможных. Однако столь маленький разрыв показывает не прогресс страны, а сложность ситуации в общем. Гендерные различия и неравенство по-прежнему сохраняются в области образования, например, в выборе профессии, в достижениях, в сфере участия в курсах повышения квалификации. В процессе анализа выявлен феномен «гендерной инверсии» участия в системе высшего образования. Исторически доля мужчин, получивших высшее образование была выше, чем доля женщин, но с 2008 г. начали усиливаться противоположные тенденции. Однако неизменной остается сегрегация в выборе профессий, что приводит к гендерному неравенству на рынке труда и в обществе в целом³².

Ситуация в Литве повторяет общую тенденцию в ЕС. В начале 2011–2012 учебного года женщины составляли 51% всех обучающихся. В высших учебных заведениях училось 59% женщин и 41% мужчин. Среди женщин большая доля тех, кто изучает гуманитарные науки, медицину (76%), педагогику (75%), социальные науки (70%), а среди мужчин — инженерию, транспорт (90%) и информатику (86%)³³.

Яркая гендерная асимметрия в выборе профессий влияет на усиление сегрегации на рынке труда. Поэтому формальные гарантии недискриминации и равной оплаты за труд одинаковой ценности, установленные в результате гармонизации национального законодательства с требованиями ЕС, не обеспечивают равного уровня заработной платы женщин и мужчин. В 2012 г. разница в оплате труда составляла 14%³⁴ и в дальнейшем увеличивалась. В 2010 г. средняя трудовая пенсия женщин была на одну шестую меньше, чем у мужчин, поэтому угроза бедности в пенсионном возрасте для мужчин и женщин значительно различается. В 2009 г. она составляла соответственно 13% и 31%. Кроме того больший процент

³² Там же.

³³ *Moterys ir vyrai Lietuvoje* (2012 m. katalogas) (Женщины и мужчины в Литве). Lietuvos statistikos departamentas, 2012. web.stat.gov.lt/lt/catalog/list/?cat_y=1&cat_id=3 (посещение 10.10.13.).

³⁴ Департамент статистики Литвы. www.stat.gov.lt/lit/pages/view/?id=1304&PHPSESSID=d36e8c4e520910b27db0e7176ea7804f (посещение 10.10.13.).

женщин пенсионного возраста живут одни, а риск бедности одиноких лиц выше, чем для людей, живущих в паре³⁵.

Традиционно женщины Литвы активны на рынке труда. До 1990-х гг. доля экономически активных женщин трудоспособного возраста составляла 81%. В процессе перехода от плановой экономики к рыночной, ситуация сильно ухудшилась. Положительные тенденции в этой сфере отмечаются лишь с 2002 г. В 2007 г. уровень занятости женщин достиг 62,2%. Однако в 2009 г. ситуация резко пошла на спад: ОВП сократился на 14,7%, а уровень безработицы стал одним из самых высоких в ЕС³⁶. В 2008–2010 гг. безработица женщин выросла с 5,6% до 14,4%, а уровень безработицы мужчин — с 6,1 до 21,2%³⁷. Экономический сектор, где традиционно преобладали мужчины, пострадал сильнее, поэтому гендерный разрыв на рынке труда ощутимо сократился. Тем не менее, эти изменения вряд ли можно оценивать как устойчивый прогресс на пути к гендерному равенству. Положение женщин ухудшилось из-за сокращения финансирования социальных программ, нестабильности рабочих мест (сокращения штата в социальном секторе, где задействовано больше женщин) и психологического стресса, вызванного необходимостью совмещать семейные и профессиональные обязательства³⁸.

Исследования показали, что жители ЕС (в том числе и Литвы), особенно работающие матери, считают, что главными критериями для работодателя при найме женщин являются наличие у нее детей, возможность гибко распоряжаться рабочим временем и хорошая внешность (компетенция и профессиональный опыт оказались на 5-ом и 7-ом местах). При найме мужчин главным является профессиональный опыт, уровень квалификации и мобильность³⁹. Бытующие

35 *Moterys ir vyrai Lietuvoje 2010* (Женщины и мужчины в Литве 2010). Департамент статистики Литвы, 2011. www.stat.gov.lt/lt/catalog/list?cat_y=2&cat_id=3 (посещение 10.10.13.).

36 V. Kanopienė. *Women's Employment in Lithuania: Trends, structure and opportunities*. European Science Foundation, Social Sciences research network TransEurope, Working Paper. Otto-Friedrich-University, Bamberg 2011. No.35. P. 3-25.

37 Департамент статистики Литвы. www.stat.gov.lt/lt/pages/view/?id=1302 (посещение 10.10.13.).

38 V. Šidlauskienė. *Ką atskleidžia moterų ir vyrų lygybės įmonėje vertinimas? Kaip priimti lyčių lygybės iššūkius darbovietėje? Lyčių studijos ir tyrimai*. 2010. Vol. 8.8. P. 32-49.

39 *Women and Gender Inequalities in the Context of the Crisis*. European Parliament Eurobarometer Flash Survey (EB Flash 371). www.europarl.europa.eu/pdf/eurobarometre/2013/femme/synth_en.pdf (посещение 10.10.13.).

гендерные стереотипы и недостаточное развитие структуры государственных дошкольных учреждений усугубляют ситуацию дискриминации женщин на рынке труда. В Литве только около 10% детей в возрасте до 3 лет и чуть больше 60% в возрасте от 3 лет до школьного возраста, посещают образовательные учреждения. Эти показатели сильно отстают от целей, намеченных в стратегических документах ЕС⁴⁰, где прописан уровень посещения детьми дошкольных учреждений на уровне 33% и 90% соответственно. В результате почти каждая вторая экономически неактивная женщина в Литве выпадает из рынка труда по причине необходимости заботиться о ребенке⁴¹. А уровень бедности одиноких матерей составляет 42,4 %⁴².

Эксперты критикуют социальную политику государства, утверждая, что гибкие условия работы и социальная инфраструктура, помогающая заботиться о детях или других требующих присмотра членах семьи, слабо развиты в стране. Качество и количество дошкольных услуг не соответствует потребностям семей⁴³. Относительно хорошо развитая в начале 1990-х гг. система по уходу за детьми сильно пострадала в связи с отсутствием государственных средств и политики, поощряющей присмотр детей дома. Исследования показали, что жители Литвы считают женщин обязанными исполнять функции заботы и считают, что ухаживать за ребенком в первые годы жизни обязана мать⁴⁴. В результате работающие матери испытывают более высокий уровень напряжения, чем

40 *Barcelona objectives. The development of childcare facilities for young children in Europe with a view to sustainable and inclusive growth* (2013). European Commission. www.ec.europa.eu/justice/gender-equality/files/documents/130531_barcelona_en.pdf (посещение 10.10.13.).

41 *Report: Review of the implementation of the Beijing Platform for Action: Women and the Economy*. EIGE, 2011. www.eige.europa.eu/content/document/report-review-of-the-implementation-of-the-bpfa-in-the-area-f-women-economy-reconciliation (посещение 10.10.13.).

42 *Gyventojų pajamos ir gyvenimo sąlygos. Income and Living Conditions 2011* (2012). Lietuvos statistikos departamentas, 2012.

43 V. Laučius, V. Stankūnienė: amžiaus pabaigoje lietuvių gali likti tik 1,4 mln. Delfi.lt. 06.09.2012. www.delfi.lt/news/daily/lithuania/vstankuniene-amziaus-pabaigoje-lietuviu-gali-likti-tik-14-mln.d?id=59443119 (посещение 20.09.12.). J. Bučaitė-Vilkė, G. Purvaneckienė, R. Vaitkevičius, A. Tereškinas. *Lyčių politika ir gimstamumo ateitis*. Kaunas, 2012. P. 37.

44 A. Maslauskaitė. *Lytis, globa ir kultūriniai gerovės kapitalizmo barjerai Lietuvoje. Sociologija. Mintis ir veiksmas*. 2004. №3.

отцы, пытаясь совместить семью и рабочие обязанности⁴⁵, и сталкиваются с трудностями (ре)интеграции в сферу трудовой занятости.

Законодательство Литвы гарантирует равные права для матери и отца по уходу за ребенком. Если один из родителей решил взять двухлетний декретный отпуск, в первый год государство выплачивает 70%, а во второй — 40% заработной платы. Эта схема позволяет иметь дополнительную трудовую деятельность тому, кто взял декретный отпуск. Если отпуск берется на один год, выплачиваются 100% заработной платы⁴⁶. Однако распределение родительского отпуска между отцами и матерями остается весьма неравномерным и составляет соответственно 7% и 93%⁴⁷. С 2006 г. мужчины в Литве также имеют право на «отцовский отпуск» в течение одного месяца после рождения ребенка. В течение этого времени отец может заботиться о младенце вместе с матерью и получить компенсацию заработной платы в полном объеме (100%). Тем не менее, в 2010 г. эту возможность использовала только треть отцов (12 300), у которых в этом году родился ребенок⁴⁸.

Традиционное представление о гендерных ролях остается живучим в обществе, что приводит не только к дискриминации женщин на рынке труда, их социальной и финансовой уязвимости, но и отягощает и борьбу с насилием в семье. По отчету Евробарометра (Eurobarometer) 2010 г., 48% жителей Литвы знают жертву насилия в кругу семьи или ближайших друзей, 45% знают агрессора лично⁴⁹. Это самые высокие показатели по ЕС-27, т.е. в 27 странах Европейского Союза.

45 *Moterys ir vyrai Lietuvos visuomenėje – 2009: Moterų ir vyrų padėties pokyčių visosės srityse išplėstinis tyrimas ir vertinimas. Tyrimo ataskaita* (Женщины и мужчины в литовском обществе 2009: комплексное исследование и оценка ситуации женщин и мужчин и ее изменения. Отчет по результатам исследования). Moterų informacijos centras, 2009. www.bukstipri.lt/uploads/MV_padeties_pokyciai_2009.pdf (посещение 10.10.13).

46 Закон о социальном страховании болезни и материнства (Ligos ir motinystės socialinio draudimo įstatymas). Приказ №IX-110 от 21 декабря 2000 г. Приказ нового издания №XI-982 от 2 июля 2010 г. www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=378844 (посещение 10.10.13).

47 *Report: Review of the implementation of the Beijing Platform for Action: Women and the Economy*. EIGE, 2011. www.eige.europa.eu/content/document/report-review-of-the-implementation-of-the-bpfa-in-the-area-f-women-economy-reconciliation (посещение 10.10.13).

48 *Moterys ir vyrai Lietuvoje 2010* (Женщины и мужчины в Литве 2010). Департамент статистики Литвы, 2011. www.stat.gov.lt/lt/catalog/list/?cat_y=2&cat_id=3 (посещение 10.10.13).

49 *Domestic Violence against Women. Report*. Special Eurobarometer 344. 2010.

Однако проблема насилия против женщин в течение почти всего периода с 1990-х гг. не включалась в повестку дня политики государства. Решение проблемы мелкими шагами продвигалось только в результате настойчивых усилий феминистски ориентированных академических кругов и женских НПО.

Первые дебаты по проблемам домашнего насилия против женщин в Парламенте были проведены в 2006 г. С одной стороны, они стали результатом инициативы Европейского Парламента, призвавшего национальных парламентариев объединить усилия для борьбы с насилием в семье, а с другой — постоянных усилий нескольких женщин-парламентариев. В результате была образована рабочая группа по разработке концепции и правового акта о предотвращении насилия в семье. Тем не менее яростная оппозиция сторонников традиционной семьи в Парламенте блокировала обсуждение этих документов.

Закон о защите от насилия в семье был принят только в середине 2011 г.⁵⁰ Важность этого события подтверждают статистические данные⁵¹. Со дня вступления законодательства в силу (15 декабря 2011 г.) до 31 декабря 2011 г., полицией были получены 1942 сообщения о возможных случаях насилия в семье, и начаты 653 досудебных расследования, в то время как за весь 2010 г. были начаты 614 досудебных расследований. Принятие закона оказало позитивное влияние на общественный дискурс, потому что стало менять отношение к проблеме насилия против женщин в семье и помогать переосмыслить его как преступление, а не недостаток культуры личных взаимоотношений. Однако главное внимание политиков и СМИ было и остается сконцентрированным на фактах физического насилия, оставляя проблемы сексуальных преступлений в семье за пределами дискурса.

Законы, криминализирующее сексуальное насилие, в частности, изнасилование в браке, медленно прокладывают

50 Закон о защите от насилия в семье (Lietuvos Respublikos apsaugos nuo smurto artimoje aplinkoje įstatymas). Приказ №XI-1425 от 26 мая 2011 г. www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_e?p_id=410975&p_query=domestic%20violence&p_tr2=2 (посещение 10.10.13).

51 The Police Department of the Ministry of Internal Affairs. Annual Report 2011 (Policijos departamentas prie Vidaus reikalų ministerijos). www.policija.lt/index.php?id=2875 (посещение 10.10.13).

себе путь в большинстве стран Европы. Как отмечено в отчете Европейского женского лобби по изнасилованиям⁵², законодательство по-прежнему отражает исторически сложившийся контекст, когда сексуальные преступления оцениваются в рамках общественной морали, порядочности и чести и понимаются как преступления против семьи или общины, а не нарушение телесной неприкосновенности человека. Поэтому, являясь одной из самых жестоких форм насилия по признаку пола, сексуальные преступления остаются окруженными множеством табу. Большинство из них остаются нераскрытыми. Исследование показало, что не хватает данных и исследований по данному вопросу и услуг для женщин, пострадавших от изнасилования (в большинстве европейских стран их совсем нет).

Изнасилование в браке, тем не менее, является не единственной умалчиваемой темой. В публичном и политическом дискурсах Литвы игнорируются и вопросы, связанные с принудительным браком, преступлениями против чести и вредными культурными практиками (например, увечье женских гениталий). Это можно квалифицировать как «двойную слепоту» — нечувствительность к проявлениям нарушения прав женщин в контексте миграционных процессов.

Литовское законодательство (Уголовный кодекс, Закон о защите от насилия в семье) не прописывает случаев изнасилования в браке. Широко распространено представление, что половые отношения являются супружеской обязанностью жены⁵³, поэтому сексуальное принуждение обычно воспринимается как законные ожидания мужа, а не преступление. В официальной статистике сексуальных преступлений в Литве не выделены факты изнасилования в браке, а женщины не обращаются за правозащитной помощью. Однако анонимный опрос, проведенный в родильном доме города Вильнюс, показал, что эта остающаяся скрытой проблема сильно распространена. Из 300 женщин, принявших участие в опросе и состоявших в браке или живущих с партнером, 80% не знали разницы между нормальными половыми отношениями и изнасилованием в браке, 60%

⁵² EWL Barometer on Rape in the EU 2013. The European Women's Lobby (EWL).

⁵³ Там же.

признались, что подвергались сексуальному домогательству, а 30% были принуждаемы мужем против своей воли заниматься сексом⁵⁴. Тем не менее, в Литве не было ни одного предварительного расследования и судебного слушания по случаю изнасилования в браке⁵⁵, что свидетельствует о традиционности общества, табуировании сексуальности в целом и низком уровне осознания права женщин на целостность и неприкосновенность.

Пропитанные гендерными стереотипами культура и система образования отрицательно влияют на положение женщин на рынке труда. Горизонтальная и вертикальная сегрегация, а также отсутствие эффективных мер, способствующих совмещению профессиональных и семейных обязанностей, остаются самым большим препятствием для успешной интеграции женщин на рынке труда, несмотря на их высокие достижения в области образования. Политике гендерного равенства в Литве не хватает систематичности и комплексных мер по развитию инфраструктуры качественных и доступных услуг по уходу за ребенком и другими нуждающимися в заботе членами семьи. Дискурс включения мужчин в работу по поддержке гендерного равенства и активного отцовства слабо развит на политическом и на публичном уровне, в результате чего сохраняется структурное гендерное неравенство, разрыв в оплате труда и большой риск бедности среди женщин.

54 Там же. С. 49.

55 Решение о утверждении Национальной стратегии по устранению насилия в отношении женщин и Плана по осуществлению мер 2007–2009 (Nutarimas dėl Valstybinės smurto prieš moteris mažinimo strategijos ir jos įgyvendinimo priemonių 2007–2009 metų plano patvirtinimo), приказ №1330 от 22 Декабря 2006 г. www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=289640&p_query=&p_tr2 (посещение 10.10.13).

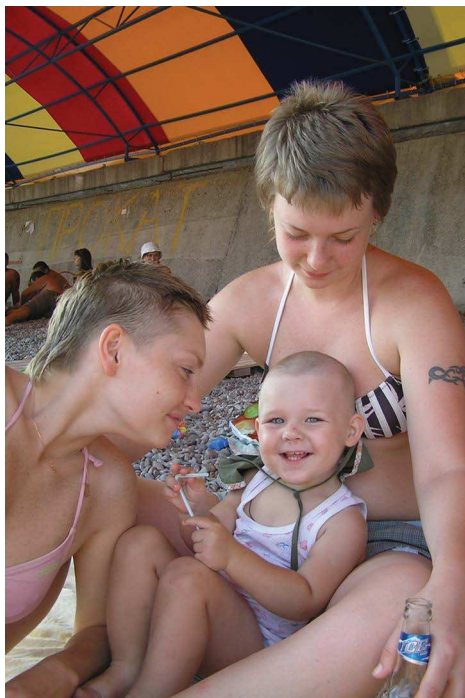
Фото-выставка «Их глазами» представляет фотоработы, отобранные в рамках конкурса, объявленного в 2008 г. коалицией организаций Центральной, Восточной Европы и Центральной Азии «КАРАТ»¹. В конкурсе могли участвовать женщины-фотографы, чьи работы изображали их соотечественниц в социальном и экономическом контексте их стран. География конкурса охватила 13 стран региона, среди которых были Беларусь, Украина, Азербайджан, Грузия, Армения, Македония, Молдова и другие страны Центральной и Восточной Европы и СНГ. Все фотографии сопровождались кратким описанием той ситуации или проблемы, с которыми работали художницы, — это было частью их арт-задания, а описание социальной и экономической ситуации стран-участниц через призму положения женщин стало важной частью концепции выставки.

Описание проектов создательницами фотографий чаще неожиданны, чем очевидны, и диаметрально изменяют восприятие визуального. Но во всех случаях они создают новый контекст — глубокий и даже интимный, заставляют посмотреть на фото еще раз, и на этот раз внимательнее, позволяя документальной фотографии стать еще более «реальной».

Для организаторов выставки было особенно важно, что представленные работы — взгляд женщин на женщин. Другой важной чертой проекта стало широкое представление фотографий в странах Европейского Союза, где знание о жизни

1 Коалиция «КАРАТ» — это сеть (в основном) женских организаций, индивидуальных специалистов и активистов из Центральной и Восточной Европы и Центральной Азии, чья работа направлена на поддержку гендерного равенства. «КАРАТ» объединяет 63 организации из 25 стран и в настоящее время является одной из самых больших коалиций такого рода в регионе. Больше об организации можно узнать на веб-сайте: www.karat.org/ru/

■ © Женщины в политике: новые подходы к политическому. Феминистский образовательный альманах. Вып. 3. Публичное: политизация приватного. 2013. Сс. 64-71.

Ирина. Семья = мама + мама + я. Украина

новых стран-членов европейского сообщества и ближайших соседей² весьма ограничено.

В этом выпуске альманаха мы представляем лишь часть фоторабот проекта — тех, которые касаются постсоветских стран. Остальные фотографии выставки можно увидеть на сайте коалиции «КАРАТ»: www.karat.org/category/resources/photos-movies

Евгения Иванова

² В ЕС существует специальная политика по отношению к странам-партнерам — Европейская политика добрососедства (European Neighborhood Policy): www.eeas.europa.eu/enp/. Сотрудничество со странами Восточной Европы происходит в рамках программы Восточного партнерства: www.eeas.europa.eu/eastern/index_en.htm.

Natalia Czobanu, Impession of old age, Moldova , © KARAT Coalition

Наталья Чобану. Следы возраста. Молдова

Aytan Gahramanova, The Women Face of War, Azerbaijan, © KARAI Coalition

Айтан Гахраманова. Женское лицо войны. Азербайджан

Елена Базан. День рождения. Беларусь

Елена. Профессия — футболистка. Украина

Полина Легина. Купальщица. Казахстан

Зоя Наскова. Деревенская жительница: ноша с улыбкой. Македония

СПАСАЯ ДЕТЕЙ ОТ «ПРОПАГАНДЫ
ГОМОСЕКСУАЛИЗМА»

Николай
Горбачев

Горбачев

72

В данной статье представлены результаты исследования, проведенного в 2013 г., целью которого был анализ социального функционирования дискурса запрета «пропаганды гомосексуализма» в Российской Федерации¹. С помощью метода анализа дискурса в названном исследовании изучалось производство социальной нормы в нормативных актах, законотворческих инициативах и правоприменительной практике законов о запрете «пропаганды гомосексуализма» в Российской Федерации. В этой статье мне хотелось бы еще раз отдельно рассмотреть те аспекты функционирования дискурса «пропаганды гомосексуализма», которые оказывают непосредственное действие на несовершеннолетних — тех самых российских детей и подростков, заботой о которых обосновываются указанные законодательные запреты.

Первый такой закон был принят в Рязанской области в 2006 г. и налагал запрет на «публичные действия, направленные на пропаганду гомосексуализма (мужеложства и лесбиянства) среди несовершеннолетних»². Нашумевший закон г. Санкт-Петербурга, принятый в 2012 г., запрещал уже «пропаганду мужеложства, лесбиянства, бисексуализма, трансгендернос-

1 Н. Горбачев. *Производство нормативности в дискурсе запрета «пропаганды гомосексуализма»*. Бакалаврская работа. Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 2013. www.academia.edu/4440264/ (посещение 03.01.13).

2 Закон Рязанской области «Об административных правонарушениях». base.consultant.ru/legbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW073;n=125550 (посещение 13.03.13).

■ © Женщины в политике: новые подходы к политическому. Феминистский образовательный альманах. Вып. 3. Публичное: политизация частного. 2013. Сс. 72–78.

ти среди несовершеннолетних»³. Федеральный законопроект изначально вносился с формулировкой запрета «пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних»⁴, однако после трех парламентских чтений был сформулирован как запрет «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних»⁵. Законодатели никак не могли определиться, что именно они намерены запретить — это видно, например, из разнообразия формулировок. Трудности вызывало и обоснование запрета как у законодателей, так и у судов, в которых оспаривалось применение этих законов. Неизменным оставался лишь объект, которого защищали от пропаганды, — несовершеннолетние.

В примечании к Санкт-петербургскому закону, а также в определении Конституционного Суда (КС РФ) дается определение «пропаганды гомосексуализма»:

как деятельности по целенаправленному и бесконтрольному распространению информации, способной нанести вред здоровью, нравственному и духовному развитию, в том числе сформировать искаженные представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных брачных отношений⁶.

В этих документах: 1) гетеросексуальность устанавливается в качестве единственной легитимной нормы, 2) гомосексуальность патологизируется, представление о ее «равноценности» гетеросексуальности называется «искаженным», 3) информация о нормальности гомосексуальности (ее равноценности гетеросексуальности) признается «способной нанести вред здоровью, нравственному и духовному развитию»⁷. Обоснование «неравноценности» гомо- и гетеросексуальности в этих документах происходит через отождествление сексуальности с репродуктивностью, а также через отсылки к «традиционным ценностям».

3 Закон Санкт-Петербурга «Об административных правонарушениях». base.consultant.ru/legbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=SPB;n=134770 (посещение 13.03.13).

4 Проект № 44554-6 Федерального Закона «О внесении изменений в кодекс российской Федерации об административных правонарушениях». base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=101952 (посещение 13.03.13).

5 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.11.2013) (с изм. и доп., вступающими в силу с 15.11.2013). consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153567/?frame=7#p1552 (посещение 24.12.13).

6 Определение Конституционного суда Российской Федерации от 19.01.10 № 151-О-О. base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=143278 (посещение 17.03.13).

7 Там же.

Эту позицию воспроизводит и Верховный Суд (ВС РФ), определяя «пропаганду гомосексуализма» как «активное навязывание информации о нетрадиционных сексуальных отношениях между людьми, направленных на формирование искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных брачных отношений»⁸. И вместе с тем отмечает, что запрет «пропаганды гомосексуализма» «не препятствует реализации права получать и распространять информацию общего, нейтрального содержания о гомосексуальности, проводить публичные мероприятия в предусмотренном законом порядке, в том числе открытые публичные дебаты о социальном статусе сексуальных меньшинств, не навязывая гомосексуальные жизненные установки несовершеннолетним как лицам, не способным в силу возраста самостоятельно критически оценить такую информацию»⁹. Так, ВС РФ обосновывает существование «пропаганды гомосексуализма» через риторическое разделение «активного навязывания» и «общего», «нейтрального», «простого» обсуждения.

ВС РФ указывает, что запретом «пропаганды гомосексуализма» «не ограничивается право самого ребенка получать информацию, в том числе о гомосексуализме, если это обусловлено потребностями самого ребенка, сообразно его возрастным особенностям»¹⁰. Первая часть этой фразы дает возможность предположить, что запрет налагается на получение ребенком некоторого рода информации о гомосексуальности только в случае, если сам ребенок не является инициатором этого (иными словами, говорить с ребенком о гомосексуальности не противозаконно, если он сам об этом спросил), однако указание на «сообразность его возрастным особенностям» вызывает определенные трудности.

Что именно должно быть «сообразно»: потребности или информация? В первом случае интерес к гомосексуальности представляется как возрастная особенность, которая со временем проходит. Во втором — предполагается, что

8 Определение Верховного суда Российской Федерации от 15.08.12 № 1АПГ12-11. base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=232940 (посещение 13.03.13).

9 Там же.

10 Там же.

информация, которую получает заинтересованный в ней ребенок, должна быть адаптирована с учетом его возраста (вероятно, не содержать «пропаганды гомосексуализма» или «искаженного представления о равноценности» гомо- и гетеросексуальности). Кроме того, непонятно, что подразумевается под потребностями — формирование идентичности, удовлетворение интереса или что-то еще? Свет на это проливает утверждение, что «пропаганда гомосексуализма»

может оказать негативное воздействие на формирование личности ребенка, в том числе в вопросах его сексуальной самоидентификации, вызвать интерес к нетрадиционным сексуальным отношениям, объективно не основанный на физиологических особенностях такого ребенка¹¹.

Речь все же идет о сексуальной идентичности, причем суд исходит из биологической природы сексуальной ориентации, называя ее «физиологической особенностью». Здесь происходит утверждение права ребенка на сексуальную самоидентификацию, однако оно закрепляется только за ребенком, который в силу «физиологических особенностей» гетеросексуален. Права ребенка, «физиологической особенностью» которого является гомосексуальность, никак не гарантируются.

При разработке федерального закона профильным комитетом Государственной Думы по вопросам семьи, детей и женщин, было дано заключение, в котором, среди прочего, указывается, что

широкое распространение пропаганды гомосексуальных отношений отрицательно влияет на формирование личности ребенка, размывает его представление о семье как союзе мужчины и женщины и фактически создает условия для ограничения свободы выбора сексуального предпочтения ребенка до того, когда он повзрослеет¹².

Формулировка этой фразы, помимо прочего, позволяющая заключить, что, «когда ребенок повзрослеет», свобода

¹¹ Там же.

¹² Заключение Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей от 13.12.12 № 3.6-12/33 по Проекту Федерального Закона № 44554-6 "О внесении изменений в кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" (об установлении административной ответственности за пропаганду гомосексуализма среди несовершеннолетних). base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=103743 (посещение 13.03.13).

его выбора может быть ограничена. Однако отметим главное: хотя речь идет о «свободе выбора сексуального предпочтения», тем не менее «представление о семье как союзе мужчины и женщины» воспринимается как единственно возможное, конструируется в качестве «нормы». Исходя из того, что сексуальная ориентация является предметом выбора, он должен предполагать свободу «предпочтения» гомосексуальности, бисексуальности или гетеросексуальности. В данном случае только «выбор» гетеросексуальности расценивается как «свободный»; выбор гомо- или бисексуальности представляется как результат навязывания, «пропаганды гомосексуализма», «ограничения свободы выбора сексуального предпочтения».

Это утверждение исходит из того, что любой ребенок априори гетеросексуален. Как бы ни конструировалась сексуальная ориентация — как «физиологическая особенность» или «свободный выбор» — дискурс строится на позиции, что сексуальная самоидентификация любого ребенка без постороннего вмешательства будет гетеросексуальной. Гомосексуальность представляется отклонением, возникшим вследствие внешнего воздействия — «пропаганды гомосексуализма». Закон о запрете «пропаганды гомосексуализма» воспроизводит гетеронормативный дискурс. Давление, оказываемое на детей и подростков, осознающих свою гомосексуальность, в нем не распознается; права и интересы этой части несовершеннолетних игнорируются.

Через запрет «пропаганды гомосексуализма» предпринимается попытка ограничения доступного несовершеннолетним дискурса о гомосексуальности лишь патологизирующей составляющей. В этой ситуации дети и подростки, осознающие или ощущающие свою гомосексуальность, еще сильнее замыкаются в гомонегативистской среде. Помимо давления, которое оказывается на них гетеронормативным обществом, они также оказываются лишенными информации, квалифицированной психологической помощи и т.д.

Одновременно ограничиваются возможности для включения несовершеннолетних в общественную жизнь: например, они лишаются возможности взаимодействовать с общественными и правозащитными ЛГБТК-организациями,

поскольку последние в таком случае могут быть обвинены в «пропаганде гомосексуализма». Вся информация и мероприятия, где так или иначе обсуждаются вопросы ЛГБТК получают статус «18+» и становятся недоступными несовершеннолетним. Это может касаться, например, печатной и другой визуальной продукции, мероприятий, а также и образовательных услуг, поскольку размытость определений «пропаганды гомосексуализма» дает возможность отнести к ней и некоторые научные факты и академические теории.

Дискурс запрета «пропаганды гомосексуализма» производит нормирование сексуальности. Гетеросексуальность определяется в качестве единственной легитимной нормы, гомосексуальность патологизируется и конструируется как отклонение, возникшее в результате навязывания, — «пропаганды гомосексуализма».

Происходит утверждение права ребенка на сексуальную самоидентификацию. Вместе с тем, дискурс строится на позиции, что сексуальная самоидентификация ребенка может быть только гетеросексуальной. Запрет «пропаганды гомосексуализма» представляется как противодействующий вмешательству в этот процесс. Возможность идентификации ребенка как гомосексуала не допускается и рассматривается как отклонение. Давление, оказываемое гетеронормативным обществом на детей и подростков, осознающих свою гомосексуальность, не распознается.

Исследования демонстрируют, что ЛГБТ-подростки думают и совершают попытки суицида чаще, чем несовершеннолетние гетеросексуалы. Определяющим фактором в данном случае является не сексуальная ориентация сама по себе, но дискриминация и преследования, с которыми они сталкиваются как меньшинство¹³. Отсутствие исчерпывающей информации и возможности свободно обсуждать вопросы о гомосексуальности, недоступность квалифицированной психологической помощи и другие проблемы, возникающие из-за запрета «пропаганды гомосексуализма», усиливают давление на таких детей и подростков, что может вызывать

13 *Suicidal Behavior Among Lesbian, Gay, Bisexual, and Transgender Youth. American Association of Suicidology.* www.suicidology.org/c/document_library/get_file?folderId=232&name=DLFE-334.pdf (посещение 03.01.13).

эмоциональный и психологический дискомфорт и потенциально может привести к трагическим последствиям.

Запрет «пропаганды гомосексуализма» обосновывается заботой о детях, однако действие этого закона — как правовое, так и дискурсивное — противоположно. В результате воспроизводимого им гомонегативистского¹⁴ дискурса возрастает давление на несовершеннолетних, осознающих свою гомо-, бисексуальность или трансгендерность, а вследствие правовых ограничений такие дети и подростки лишаются необходимой защиты, помощи, поддержки и информации, а также ограничиваются в возможности участия в общественной жизни и самореализации.

¹⁴ Для характеристики этого дискурса могли бы быть использованы термины «гомофобный» или «гетеронормативный», однако я предпочитаю оперировать термином «гомонегативистский», поскольку он указывает только на негативную оценку и отношение к гомосексуальности, не выдвигая каких-либо предположений о причинах и основаниях таких суждений.

Трансфеминизм (трансгендерный феминизм) возник во многом как ответ на трансфобные взгляды радикальных феминисток, распространившиеся с конца 1970-х гг. в США, для которых транс* женщины были не женщинами, а мужчинами, вторгающимися в женские пространства. По мнению многих радикальных феминисток того времени, транс* женщины являлись агентами патриархата, призванными внедриться в женское движение и разрушить его изнутри. Аргументами против признания транс* женщин *женщинами* служили как биологические (хромосомы и половые органы), так и социально-конструктивистские (отсутствие опыта угнетения и мужские привилегии) подходы. Эта статья знакомит русскоязычных читательниц с американским трансфеминистским дискурсом, важной составляющей которого является критика трансфобных высказываний цисгендерных феминисток.

Уточню некоторые термины, которые я использую в этой статье: *транс* женщины* — это трансгендерные и транссексуальные женщины, те, которым при рождении был приписан мужской пол, в отличие от *цис* женщин*, т. е. цисгендерных и циссексуальных женщин, которым при рождении был приписан женский пол. Соответственно, *транс* мужчины* — это мужчины, которым при рождении был приписан женский пол. На мой взгляд, разделение «трансгендер/транссексуал(ка)» является проявлением медиализирующего дискурса, поэтому я применяю *транс** со звездочкой в качестве прилагательного для того, чтобы избежать ненужного повторения этих двух слов, либо я использую прилагательное *трансгендерные* как более

широкое понятие. Однако в приводимых в тексте цитатах сохранена терминология оригинальных текстов. Также на протяжении статьи я говорю об *изменении*, но не «*коррекции*» пола, так как считаю последний термин патологизирующим. Трансгендерность не является неправильным состоянием, которое необходимо «корректировать». Надо признать, что и этот термин не является точным, т. к. пол является комплексным понятием, и, говоря об изменении пола, нужно уточнять, идет ли речь об изменении гендера, гормонального или морфологического пола.

Одним из первых примеров негативного отношения к транс* женщинам, выраженного публично, можно считать изгнание транс* женщины Бэт Эллиот с конференции лесбиянок в Лос-Анжелесе в 1973 г. Радикальная феминистка Робин Морган обвинила Эллиот в том, что она является «оппортунистом, нарушителем границ и разрушителем с ментальностью на- сильника»¹. Такое негативное восприятие трансгендерности получило распространение в феминистской среде частично благодаря книге Мэри Дейли «*Gyn/Ecology*»: «Транссексуализм является примером хирургической технологии, созданной мужчинами, которая наводняет мир женщин подделкам». Дейли ставит изменение пола в один ряд с клонированием, созданием искусственных маток и другими технологиями, которые являются проявлениями «фаллократического нарушения границ»².

Дженис Реймонд, защитившая диссертацию под руководством Дейли, в 1979 г. написала книгу «Транссексуальная империя»³, которая служит энциклопедией феминистской трансфобии: в ней приведены все трансфобные аргументы, которые используются по сей день. Фактически на протяжении многих лет исследователи и активистки, придерживающиеся этой точки зрения, только перефразировали и углубляли мысли, высказанные Реймонд. По ее мнению, «мужественность и женственность определяются соответствующими хромосомами и последующей историей жизни в качестве

1 L. Faderman & S. Timmons. *Gay L.A.: A History of Sexual Outlaws, Power Politics, and Lipstick Lesbians*. New York, 2006. P. 191.

2 M. Daly. *Gyn/Ecology: The Metaethics of Radical Feminism*. Boston, 1978. P. 71.

3 J. Raymond. *The Transsexual Empire: The Making of the She-Male*. New York, 1994.

хромосомного мужчины или женщины»⁴. Опираясь на логику эссенциализма, преобладавшего в феминизме второй волны, согласно которой женщина — это человек с хромосомами ХХ, а мужчина — ХУ, Реймонд настаивает, что транс* женщины являются мужчинами, а транс* мужчины — женщинами. На протяжении книги Реймонд использует местоимения *он* для обозначения транс* женщин и *она* для транс* мужчин, что противоречит логике их собственного самоопределения. Под «транссексуальной империей» Реймонд понимает патриархатный медицинский конгломерат, который призван поддерживать гендерное неравенство, представляя смену пола как лечение для тех, кого оно не устраивает⁵.

Особенную опасность для женщин, с точки зрения Реймонд, представляют транс* женщины, позиционирующие себя как феминистки и лесбиянки:

Транссексуально созданные лесбийские феминистки показывают еще одно лицо патриархата. В то время как МтФ-транссексуал проявляет попытки обладать женщинами в телесном смысле, разыгрывая образы, которые мужчины создали для женщин, МтФ, утверждающий, что является лесбийской феминисткой, пытается обладать женщинами на более глубоком уровне, на этот раз под личиной оспаривания, а не следования стереотипно фемининной роли и модели поведения⁶.

В английском тексте Реймонд употребляет *male-to-constructed-female* вместо привычного термина *male-to-female* (МтФ)⁷, чтобы подчеркнуть, что транс* женщины не являются настоящими женщинами. Реймонд оспаривает мнение о том, что, меняя пол на женский, мужчины теряют свои мужские привилегии. Напротив, она считает, что такой мужчина получает дополнительные привилегии в женском обществе, где ему не нужно конкурировать с другими мужчинами. С этой же целью прилагательное *транссексуальные* часто заменяется на *транссексуально созданные* (англ.: *transsexually constructed*). Реймонд критикует и самих лесбийских феминисток, которые охотно принимают в свое сообщество

⁴ Ibid. P. 4.

⁵ Ibid. P. xvi.

⁶ Ibid. P. 99.

⁷ MtF (*male-to-female*) и FtM (*female-to-male*) — на русском МтФ и ФтМ — являются эквивалентами понятий транс* женщина и транс* мужчина.

транс* женщин. Она видит три причины, почему они так поступают: она приравнивает присваивание женского тела к изнасилованию, о чем она пишет в следующих словах, ставших наиболее известной цитатой из ее книги: «Все транссексуалы насилуют женские тела, сводя реальных женщин до артефакта и присваивая их тела себе. Транссексуальные лесбиянки-феминистки оскверняют женскую сексуальность и дух. Насилие, обычно совершаемое физически, может быть также осуществлено посредством обмана»⁸.

Первым отзывом на книгу Реймонд, написанным транс* женщиной, стала статья Кэрол Ридделл «*Divided Sisterhood*», вышедшая в 1980 г.⁹. Ридделл критикует Реймонд за догматизм, с которым она утверждает, что единственной причиной трансгендерности является патриархат, и называет транс* женщин мужчинами, а транс* мужчин женщинами; за игнорирование опыта трансгендерных людей, отрицание исторических сведений о трансгендерности, попытку представить ее как изобретение современной патриархатной медицинской «империи».

В 1991 г. Сэнди Стоун опубликовала знаменитый «ответ» Реймонд «Империя наносит ответный удар: (пост)транссексуальный манифест», который считается началом трансфеминизма¹⁰. В своей работе Стоун критикует не только трансфобные феминистские высказывания, но и медицинское сообщество, и самих трансгендерных людей. Она высказывается против бинарного видения гендерной идентификации и критикует тех транс* женщин, которые подстраиваются под нормы выбранного гендера и выдумывают истории о своей прошлой жизни, тем самым стирая собственную идентичность как трансгендерных людей.

Позже появились другие работы о трансгендерности, написанные транс* женщинами-феминистками. К таковым можно отнести Кэйт Борнштейн, Эми Койяму, Джулию Серано и др., благодаря которым трансфеминизм сформировался как обособленное направление феминизма. Несмотря на ряд разногласий, трансфеминисток связывает понимание того, что

8 J. Raymond. *The Transsexual Empire*... P. 104.

9 C. Riddell. *Divided Sisterhood: A Critical Review of Janice Raymond's 'The Transsexual Empire'*. Liverpool, 1980.

10 S. Stone. *The Empire Strikes Back: A Posttranssexual Manifesto* // K. Straub & J. Epstein J. (Eds.). *Body Guards: The Cultural Politics of Sexual Ambiguity*. New York, 1991. P. 280–304.

право на выбор гендерной идентичности, а также на изменение своего тела и пола в документах являются неотъемлемыми правами человека. Эми Койяма так формулирует позицию трансфеминизма по этим вопросам:

Во-первых, мы убеждены, что каждый человек имеет право обозначать свою собственную идентичность и ожидать от общества уважения к своему выбору. Это также включает право выражать наш пол без страха дискриминации или насилия. Во-вторых, мы утверждаем свое полное право принимать решения относительно собственного тела, и никакие политические, медицинские или религиозные авторитеты не имеют права нарушать целостность наших тел против нашей воли или препятствовать нашему решению о том, что делать с ними¹¹.

Трансфеминистки последовательно разбивают аргументы феминисток, придерживающихся трансфобных взглядов, и доказывают, что их позиция противоречит базовым концепциям самого феминизма. Одним из главных оснований в отказе признать транс* женщин в качестве женщин со стороны трансфобных феминисток является наличие у многих из них пенисов и отсутствие вагин. Сведение личности к гениталиям является не только объективизацией, но и поддерживает миф о том, что мужская власть каким-то образом связана с наличием фаллоса, — миф, нашедший яркое выражение в теориях психоаналитиков. К сожалению, сами трансгендерные люди поддерживают такую объективизацию, когда говорят, что родились «не в том теле», эта же фраза долгое время фигурировала в медицинских критериях для постановки диагноза «транссексуализм». Использование этой фразы подразумевает, что для каждого пола существует только одно, «правильное» тело, а все остальные тела — неправильные, что привязывает понимание пола исключительно к «врожденной» анатомии¹².

Следуя этой идеологии, некоторые феминистки принимают в качестве женщин тех из нас, у кого были операции на гениталиях¹³. Принятие одной группы в качестве жен-

11 E. Koyama. The Transfeminist Manifesto // R. C. Dicker, A. Piepmeyer (Eds.). *Catching a Wave: Reclaiming Feminism for the 21st Century*. Fredericksburg, PA, 2003. P. 244–259.

12 S. Stone. *The Empire Strikes Back: A Posttranssexual Manifesto*...

13 Часто употребляются термины *пост-оп* для трансгендерных людей, прошедших операцию, *пре-оп* для тех, кто планируют ее сделать в будущем, и *нон-оп* для тех, кто не планируют ее делать. На мой взгляд, такая классификация является центрированной на гениталиях и создает ложное представление о том, что операция является самой важной ступенью в жизни трансгендерных людей.

щин и игнорирование в этом качестве других ставит первых в привилегированное положение и вносит раскол в трансгендерное движение. Такая тактика выгодна патриархату, так как пост-оп транс* женщины присоединяются к угнетателям и поддерживают угнетение тех транс* женщин, которые не вписываются в рамки внутренней нормы. Так группа пост-оп транс* женщин выступила в 2000 г. с открытым письмом, в котором раскритиковала радикальные действия организации «*Camp Trans*», которая требовала доступа на Мичиганский фестиваль женской музыки для транс* женщин, не прошедших операцию, и таким образом «сознательно игнорировала пожелания большинства участниц, чтобы фестиваль оставался женским пространством и зоной, «свободной от пенисов»¹⁴. Сотрудницы кризисных центров и шелтеров для женщин часто разделяют эту идеологию, когда соглашаются работать только с транс* женщинами, прошедшими хирургическую операцию. Такое требование ограничивает в помощи наиболее бедных и уязвимых транс* женщин¹⁵, так как операции дорогостоящи. Более того, не всем транс* женщинам эти операции нужны.

Часто камнем преткновения между трансгендерными и феминистскими группами становится якобы отсутствие у трансгендеров истории угнетения как женщин. Идея о существовании некоего универсального женского опыта, объединяющего всех женщин в мировое сестринство, основана на том, что патриархат и его методы угнетения всюду одинаковы, поэтому все женщины как угнетаемый класс имеют универсальный жизненный опыт. Так, Робин Морган во введении к «*Sisterhood Is Powerful*» пишет:

Движение за освобождение женщин является первым радикальным движением, которое создает свою политику на основе персонального опыта... Его [опыт] разделяет каждая женщина, и таким образом он является политическим... [Женское движение] также является первым движением, имеющим возможность преодолеть все классовые, расовые, возрастные, экономические и географические барьеры, так как женщины в каждой группе играют

14 B. Elliott, et al. The Michigan Women's Music Festival and Transsexual Women: A Statement by Transsexual Women. *Eminism.org* — A Personal Website of Emi Koyama. www.eminism.org/michigan/20000809-elliott.txt (посещение 6.10.13).

15 V. Namaste. *Invisible Lives: The Erasure of Transsexual and Transgendered People*. Chicago, 2000. P. 177–183.

абсолютно одинаковую роль, хотя и под разными декорациями и костюмами, выступая в качестве жены, матери, сексуального объекта, родильницы детей, источника дополнительного дохода, помощницы, воспитательницы, хозяйки и т. д.¹⁶

Транс* женщины, прожившие значительную часть жизни как мужчины, не могли получить такого опыта, следовательно, не могут быть женщинами. Идея сестринства во многом была развита белыми женщинами среднего класса, которые переносили свой опыт угнетения на всех остальных женщин без учета других видов дискриминации. Например, белл хукс¹⁷ отметила:

Идея об «общем угнетении» была ошибочной и искаженной концепцией, скрывающей и мистифицирующей истинную природу различной и сложной социальной реальности, в которой живут женщины. Женщины разделены сексизмом, расизмом, классовыми привилегиями и множеством других предрассудков. Устойчивая связь между женщинами может возникнуть только посредством борьбы с этими разделениями, когда предприняты необходимые шаги для их устранения¹⁸.

Трансфеминизм проблематизирует идею сестринства. Трансфобия является еще одним барьером, разделяющим женщин на враждующие лагеря и препятствующим совместной борьбе с патриархатом. Действительной солидарности между женщинами можно добиться, только уважительно относясь к опыту каждой, но не путем исключения групп, не соответствующих умозрительным стандартам или разделяя женщин на «правильных» и «неправильных». Можно возразить, что транс* женщины не являются «угнетенной» группой до «перехода», а, напротив, являются угнетателями. Это неверно, так как транс* женщины не «стали» женщинами в момент операции по изменению пола или в результате изменения гормонального фона, но большинство из них начали ощущать себя женщинами с раннего возраста. Они испытывали повседневную дискриминацию, когда пытались выразить свой

16 R. Morgan. *Sisterhood is Powerful*. New York, 1970. P. xvii-xviii.

17 белл хукс — «известная черная исследовательница и писательница, взявшая псевдонимом имя своей бабушки, пишет его с маленькой буквы. Возможно, это означает: такая же, как все остальные черные американки, одна из многих». белл хукс. *Феминистская теория: от края к центру* // *Антология гендерной теории*. Ред. Е. Гапова, А. Усманова. Минск, 2000. С. 236. *Прим. ред.*

18 bell hooks. *Feminist Theory: From Margin to Center*. Cambridge, MA, 1984. P. 43–44.

гендер в соответствии со своим внутренним самоощущением, а не с биологическим полом. В этом случае бинарное деление на угнетателей и угнетенных не соответствует реальности и не может быть использовано для категоризации людей на тех, кого можно считать женщинами, а кого нельзя.

Еще одним поводом для отказа в признании транс* женщин в полной мере женщинами является наличие у них мужских привилегий. Однако большинство транс* женщин скажет, что их мужское воспитание не только не было для них привилегией, но являлось источником постоянного дискриминации, непонимания и унижения:

Однако как трансфеминистки мы должны противостоять такой упрощенной реакции... Большинство транссексуальных женщин воспринимались как мужчины, по крайней мере, на каком-то этапе своей жизни, и, следовательно, к ним было предпочтительное отношение, например, во время обучения и работы, несмотря на то, получали ли они удовольствие от того, что воспринимались как мужчины. Их учили быть настойчивыми и уверенными, и некоторые транссексуальные женщины сохраняют эти «маскулинные» черты, часто себе во благо, после перехода. Мы часто принимаем испытываемое угнетение и отсутствие мужских привилегий за гендерную ненормативность. Вместо утверждения, что мы никогда не получали выгоду от мужского превосходства, нам следует утверждать, что наш опыт представляет собой динамическое взаимодействие между мужскими привилегиями и недостатками от того, что мы являемся трансгендерами¹⁹.

Некоторые трансфеминистки критикуют само понятие мужских привилегий, так как не считают их единственными привилегиями, имеющими отношение к полу. Так же как и концепция универсального женского опыта угнетения, мнение о наличии у всех мужчин одинаковых привилегий является сильным упрощением и не соответствует реальности. Так, Джулия Серано отмечает:

Концепция «мужских привилегий» появилась из некорректного предположения, что сексизм работает как единственная форма угнетения... Это, однако, является чрезмерным упрощением сексизма по ряду причин. Во-первых, эта концепция отрицает другие важные факторы, как расизм, классовую дискриминацию, дискриминацию лиц с ограниченными возможностями и т. д.,

¹⁹ E. Koyama. The Transfeminist Manifesto...

которые способствуют дискриминации... Во-вторых, она игнорирует оппозиционный сексизм²⁰, который отдает предпочтение людям с типичными гендерными наклонностями, вне зависимости от пола. Например, если вас привлекают мужчины, ваша жизнь во многих аспектах будет легче, если вы женщина, а не мужчина²¹.

Хотя некоторые транс* женщины могли пользоваться мужскими привилегиями до «перехода», а иногда и после него, цис* женщины имеют другие привилегии, на которые они редко обращают внимание, — цисгендерные привилегии²². Это привилегия быть рожденной и социализированной в том поле и гендере, которые соответствуют внутреннему самоощущению (гендерной идентичности). Это возможность не терпеть издевательства за то, что ты слишком женственна, когда окружающие ожидают от тебя мужского поведения. Это право не бояться быть выгнанной из женского туалета, если твоя внешность кому-то покажется недостаточно женской.

Часто феминистки критикуют транс* женщин за нарочитое воспроизводство гетеронормативных стереотипов в поведении и внешнем виде. В своей работе Стоун указывает, что трансгендерные люди вынуждены гипертрофированно следовать стереотипным гендерным ролям, поскольку это требуется различными медицинскими учреждениями и процедурами. Возможность социализации в выбранной гендерной роли являлась (а в некоторых странах до сих пор является) важным критерием для разрешения на операцию по перемене пола²³. Для того чтобы получить разрешение на операцию, транс* женщины должны были при общении с психиатрами проявлять типично «женские» черты: быть мягкими, пассивными, мечтать о призвании жены и матери, заниматься типично «женскими профессиями» и чувствовать

20 В отличие от «традиционного сексизма», под «оппозиционным сексизмом» Серано понимает «убеждение, что понятия «женщина» и «мужчина» являются взаимоисключающими категориями, каждой из которых соответствует уникальный и неперекрывающийся набор свойств, склонностей, способностей и желаний». J. Serano. *Whipping Girl: A Transsexual Woman on Sexism and the Scapegoating of Femininity*. Emeryville, CA, 2007. P. 8.

21 J. Serano. *Whipping Girl*... P. 100.

22 Я. Ситникова. Цисгендерные привилегии. *Инсайт-Украина*. www.insight-ukraine.com.ua/transgender/item/148-tsigendernye-privilegii.html (посещение 6.10.13).

23 S. Stone. *The Empire Strikes Back: A Posttranssexual Manifesto* ...

себя «рожденными в чужом теле»²⁴. Между тем, многие транс* женщины в настоящее время предпочитают одежду стиля юнисекс традиционным женским платьям и каблукам и не следуют стереотипам при выборе работы.

Трансфобия, проявляемая значительной частью феминисток, их утверждения о том, что транс* женщины являются на самом деле мужчинами, являются не просто игрой слов и столкновением теорий, но имеют реальные негативные последствия. Так, в то время как цис* женщины могут найти поддержку в кризисных центрах и шелтерах, транс* женщинам, как правило, закрыт доступ в защищенные женские пространства из-за трансфобии сотрудниц, которую они черпают в феминистских теориях. Тем самым, трансфобия, распространенная в феминистской среде, является одним из факторов, усиливающих подверженность транс* женщин насилию²⁵.

Своим существованием транс* женщины ставят перед феминизмом вопросы, затрагивающие его основы. Спор о том, являются ли транс* женщины женщинами, заставляет многих феминисток задуматься об определении группы, интересы которой они пытаются представлять в политике, и переводит слово «женщина» из неопределяемого понятия в предмет дискуссии. Для феминизма как политической практики удобно существование «женщин» как четко определенной категории, которую можно противопоставить угнетателям. Однако такая позиция приводит к исключению тех, кто не вписывается в ограниченные рамки, и транс* женщины здесь являются ярким примером. Возможность изменения пола заставляет переосмыслить традиционную бинарную оппозицию *биологический пол/гендер*. Если пол можно изменить, причем эта процедура регулируется определенными медицинскими и законодательными нормами, сам биологический пол становится во многом социально-конструируемым. Таким образом, его больше нельзя противопоставить гендеру как неизменную данность.

24 Я. Ситникова. Миф о "чужом теле". *Живой журнал*. 24.04.2013. www.transfeministki.live-journal.com/1663.html (посещение 6.10.13).

25 Я. Ситникова. Домашнее насилие в отношении трансгендерных людей. *Инсайт-Украина*. www.insight-ukraine.com.ua/articles/item/169-yana-sitnikova-domashnee-nasilie-v-otnoshenii-transgendernyh-lyudey.html (посещение 6.10.13).

«Быть девочкой» — это ведь совсем не то же самое, что «быть ребенком», и совсем не то же самое, что «быть мальчиком». Ты узнаешь об этом от своей семьи. Ты узнаешь об этом, когда тебя (и других девочек) одевают в красивую опрятную одежду, в которой неудобно активно двигаться, и которую нельзя пачкать, потому что «девочки должны быть аккуратными»... «Надень юбку, сделай папе приятное, ты же девочка. Вот умница»... «Нельзя лазить по деревьям в юбке, потому что стыдно, когда кто-то видит твои трусики»... Даже если тебе еще всего пять лет, твое тело уже как бы не совсем принадлежит тебе — ты уже ограничена в свободе передвижения и исследования себя. А еще нельзя ругаться, драться, выражать протест и ярость. Можно плакать, но нельзя злиться и давать сдачи. «Это некрасиво и неженственно», — уже в пять лет ты можешь услышать от мамы или бабушки, папы или брата, даже если твой гнев справедлив... Твои чувства тоже уже не совсем твои: девочке нужно научиться быть приветливой, терпеливой, внимательной к другим и так далее... Бесконечный список качеств под заголовком «Хорошая дочь всегда...», незаметно переходящий в список «Настоящая женщина должна...»... В условиях постоянного давления силы никогда не бывают равны. И если внутри нас — и бывших, и *в-данный-момент* девочек — сохраняется и крепнет протест, желание отвоевать себя обратно — это удивительно, это дорогого стоит, и это тот потенциал, который может изменить всю ситуацию: наши семьи, наши отношения с самими собой, с детьми, с властью и обществом.

Паліна
Качаткова

ПІСЬМЕННІЦА ЦІ ВАР'ЯТКА?

Качаткова

92

Я задумалася: калі я першы раз у жыцці сустрэла дзяўчыну, якая бы любіла літаратуру і не толькі чытала, але і пісала літаратурныя творы? У школе, сярод вучаніц нашай паралелі не было дзяўчат, якія пісалі прозу, вершы; не было нават тых, хто пісаў бы ўзнёслыя сачыненні на вольныя тэмы. І сачыненні на вольныя тэмы ў нашай школе не пісалі, а толькі тэматычныя — па творах класікаў. Дзяўчаты, якія вучыліся ў нашай школе, у асноўным займаліся матэматыкай, а самая лепшая мая сяброўка з класу была кандыдатам у майстры спорту па шахматах. Не было ў нашай школе ні літаратурных гурткоў, ні паэтычных вечароў, за выключэннем абавязковых, па святах, дзе пафасна чыталі фрагмент верша Эдуарда Багрыцкага «Смерць піянеркі», ды чыталі не тую частку, дзе пра смерць, а тую, дзе «Нас водила молодость в сабельный поход, нас бросала молодость на кронштадтский лед». Усе некрафільскія моманты пра «смертний огонек» з верша выкідаліся, каб не напалохаць жывых піянераў 1970-х.

Упершыню дзяўчыну, якая бы дэкламавала верш па ўласнай волі, я ўбачыла ў 1978 г. Гэта быў верш Максіма Багдановіча. Дэкламацыя адбывалася ў пад'ездзе дома 106 па вуліцы Савецкай у Гомелі. На сёмым, апошнім, паверсе. Мне прачытала яго суседская дзяўчынка. Мы сядзелі на прыступках, якія вялі на гарышча. І Лена (тады амаль усе дзяўчынкі былі альбо Лены, альбо Наташы) сказала, што зараз прачытае мне верш, сказала, што ён па-беларуску, але хай мяне гэта не бянтэжыць, бо хаця звычайна беларускія вершы «непрыгожыя» (быў тады ўстойлівы стэрэатып пра беларускае

як пра другаснае, някаснае), але гэты верш — выключэнне. Яна прачытала мне верш «Слуцкія ткачыкі». Сяброўка была старэйшая, у школе мы пакуль не праходзілі Багдановіча — па праграме не дайшлі. 1978 г. Мы жылі ў Гомелі ва ўніверсітэцкім гарадку ў доме для выкладчыкаў і студэнтаў. Сяброўка Лена жыла з маці і айчымам, які разводзіў птушак. Іх у яго было больш за 30, і яшчэ ў яго атрымалася «пажаніць» зябліка і канарэйку. Птушка, якая атрымалася ў выніку, то спявала, як канарэйка, то пранізліва рыпела.

Пасля школы быў філфак... Там я пабачыла дзяўчат, якія пісалі вершы — пра вайну, пра каханне, пра будучыню грамадства (камунізм) і пра прадучванне ўласнай будучыні («усё ў мяне наперадзе»). Наш курс на філфаку быў з 125 чалавек, з іх 11 хлопцаў. «У нас хлопцаў мала, затое яны ўсе паэты», — падкрэслівала ўніверсітэцкае начальства. Такім чынам слова хлопец рабілася якаснай адзнакай. Хаця не ўсе, далёка не ўсе яны былі паэтамі.

А ў Доме літаратараў я пабачыла маладую пісьменніцу — Хрысціну Лялько, яна сядзела перада мной на адной з вечарын у Каміннай залі і размаўляла з жывым класікам — Янкам Брылём. Падчас вучобы на філфаку я напісала першае апавяданне і адразу з рэцэнзіі на яго даведалася пра сваю неадэкватнасць. Апавяданне мела назву «На вакзале». Перакажу змест — юнак-студэнт прыязджае зімой ў родны горад (гэта Гомель). Галоўным героем абраны ўсё ж юнак, бо ўсе мае любімыя літаратурныя героі былі мужчынамі, а жаночыя персанажы былі для мяне не вельмі прывабнымі — яны звычайна выконвалі дапаможныя функцыі ці былі пасіўнымі (у лепшым выпадку паміралі ад сухотаў і выціскалі слязу ў чытача). Такім чынам, галоўным героем першага апавядання стаў юнак, які прыязджае ў Гомель, прыходзіць у пустую кватэру бацькоў (а наша кватэра была пустая ў 1985–1987 гг., бо бацькі мае жылі і працавалі ў Празе). Ноччу ў кватэры раздаецца званок у дзверы, герой адчыняе, бачыць незнаёмую жанчыну сталага веку, якая паведамляе яму, што памерла жанчына — называе яе імя — Лідзія Адольфаўна... і сыходзіць. Герой згадавае, што ўжо чуў гэта імя, але ніяк не можа згадаць, хто гэта жанчына, ці то радня далёкая, ці то даваенная сяброўка бабулі. Ён не ведае, што рабіць з інфармацыяй пра

смерць жанчыны, але пасля вырашае падзяліцца ёй з той сваёй раднёй у горадзе, якую ведае. Зранку ён выпраўляецца ў Залінейны (за вакзалам) раён, ён ідзе па зімовай вуліцы, разглядае ўпрыгожаныя вокны прыватных старых дамоў — было такое мастацтва, калі паміж шыбамі выкладалі вату ў выглядзе снегу і на ёй бітымі ўпрыгожваннямі ад ялінак, шышкамі і пацеркамі выкладвалі розныя рознасці — было на што паглядзець. І вось герой прыходзіць у дом сваёй радні, дзе жыве вельмі шмат катоў — яны паўсюль, робіць сваё сумнае паведамленне і сыходзіць.

Тэкст быў перададзены ў газету «Беларускі ўніверсітэт» на літаратурную старонку. Пасля я пабачыла рэцэнзію, дзе было сказана, што аўтар неадэкватны. Я здзівілася. А апавяданне вельмі простае, кароткае. І я дагэтуль не разумею, што ў ім вар’яцкага. У 1990 г. апавяданне было надрукавана ў калектыўным зборніку «Перад маімі вачыма».

Гэта быў першы літаратурны досвед і першая адзнака. Пазней я гаварыла з жанчынамі, што пішуць прозу — шмат супадзенняў, напачатку не адна я чула пра неадэкватнасць. Можна гэта звязана з абраным накірункам: маладыя дзяўчаты, якія пішуць вершы сустракаюць большую прыхільнасць, можна таму, што часта іх творчы век кароткі — напісалі пару файных вершаў у момант эмацыянага пад’ёму натхнення, выступілі, атрымалі дэбютныя ўзнагароды і зніклі. Жанчына, якая піша прозу, крочыць іншым шляхам і сутыкаецца з жорскай крытыкай — побытавай і літаратурнай. Рэцэнзіі на прозу жанчын часта накіраваныя не на аналіз твора, а на асобу аўтара з мэтай выбіць з сябе, прабіць «на эмоцыі», давесці да зрываў, да слёз... А чаму? Каб кінупі пісаць? Каб яшчэ раз нагадаць, што «не бабская гэта справа». Ці каб рэцэнзію пачытаў патэнцыйны чытач? Ці з’явіцца ў чытача пасля такіх рэцэнзій жаданне чытаць твор?

Так на энергетычныя, захапляльныя творы з’яўляюцца слабыя з пункту гледжання аналізу, але знішчальныя і агрэсіўныя рэцэнзіі. Яскравы прыклад — тэкст Лады Алейнік «Гульня свядомасці, альбо праблема “тэрміналагічнай

атрыбуцы»¹» пра раман Алены Брава «Менада і яе сатыры»². Крытык бяздоказна абвінавчвае аўтара ў плагіяце і называе «вялікім камбінатарам», які пачынае «скрупулёзна капіраваць паспяховыя ўзоры», бо «яму яшчэ карціць славы, поспеху, пашаны...». Штосьці падобнае адбываецца і ў тэксе (рэцэнзіі?) Маргарыты Аляшкевіч пра маю кнігу «Матылі», з якой я даведаўся, што «укладальнік кнігі — хітры манюка»³. Мне цікава, і каго на думку рэцэнзентаў спрабуюць падмануць жанчыны-празаікі?

Пісьменнік Адам Глобус напісаў: «Пяць розных жанчын, якія пагарталі ды пачыталі кнігу Паліны “Матылі”, спрабавалі мяне пераканаць, што Поля псіхічна хворая, а яе апавяданні — трызненні самотнай вар’яткі»⁴. Ці гэтыя пяць жанчын рэальнасьць, ці выдумка аўтара? Але тут вельмі важна, што да слова *вар’ятка* далучаецца прыметнік *самотная*. І стэрэатып паўстае — пісаць творы можа толькі самотная вар’ятка, у іншых «нармальных кабет» ёсць іншыя, больш вартыя справы. Такі погляд вельмі распаўсюджаны і на побытавым узроўні. Так, мая сяброўка ў лістападзе 2012 г. крычала мне ў трубку тэлефона: «Я не магу дазволіць сабе зачыніцца ў хаце і чытаць кнігі. У мяне іншы лад жыцця. У мяне дзеці».

Калісь у сваім блозе я зрабіла запіс: «У нас жа так — напісаў кнігу мужчына, ён *творца* і паэт, а напісала кнігу жанчына — яна *вар’ятка*». На што тут жа адгукнуўся Адам Глобус: «У нас, калі ты інвалід, жанчына, нацменшасць, гомасексуал, маці-адзіночка, палітвычварэнец, радзімапрадаўца — табой зацікавяцца і будуць прасоўваць на літаратурным рынку. Калі ты нармальны пісьменнік і чалавек з сям’ёй і дзецьмі, кабэ абсеруць усе. І толькі скажы, мне што гэта не так. Заржу»⁵.

1 Л. Алейнік «Гульня свядомасці, альбо праблема “тэрміналагічнай атрыбуцы”» (Раман Алена Брава “Менада і яе сатыры”). *LiveJournal*. 02.06.2009. www.iuzhyk.livejournal.com/61890.html. Гл. таксама: М. Южык. Не будзі ліха пакуль яно ціха, або Майстэрства слоўнай эквілібрыстыкі (Брава – Алейнік – Южык, нелюбоўны трохкутнік). *LiveJournal*. 17.04.2010. www.iuzhyk.livejournal.com/84004.html (спасылкі наведаныя 27.11.13.).

2 А. Брава. Менада і яе сатыры // *Маладосць*. 2008. № 9. С. 24–56.

3 М. Аляшкевіч. Страхоці на шпільцы. *Старонка Літаратурнай прэміі імя Ежы Гедройца*. 31.01.2013. www.2013.gedroyc.by/index.php?newsid=18 (наведана 27.11.13.).

4 Адам Глобус. 2012. Паліна і хваляванні жанчын. *LiveJournal*. 10.11.2012. <http://adam-hlobus.livejournal.com/1625159.html> (наведана 27.11.13.).

5 Раней апублікавана: www.kyta-kyta.livejournal.com/227453.html. Зараз гэты блог скасаваны.

І яшчэ апошняя згадка... Летам 1991 г. я працавала ў «Беларускай хатцы» (філія музея Максіма Багдановіча на Рабкораўскім завулку). На той час там працавала Надзея Міхайлаўна, яна была наглядчыцай — прадавала квіткі і глядзела, каб ніхто нічога не скраў. Было ёй за 80 гадоў, усё жыццё яна правяла ў вайсковых гарнізонах, дзе займалася грамадскай дзейнасцю і актыўна ўдзельнічала ў самадзейнасці. Я на той момант была старэйшай навуковай супрацоўніцай. У снежны мусіў адчыніцца цэнтральны музей на Траецкім, таму даводзілася, апрача экскурсій, шмат чытаць і пісаць тэксты. Падчас працы Надзея Міхайлаўна падкрадалася са спіны і казала: «Читает и пишет каждый дурак умеет». Той тэкст я паказала сяброўцы і адной з гераінь маіх твораў Віэле Ермаковай і вось, што яна сказала (гэта голас розуму): «"Табе не падабаецца мая музыка, таму што я — негр" — такія асацыяцыі выклікае ў мяне ваш тэкст».

Пагаджуся, што ўспрыманне аўтарак, як вартых меншай павагі і ўвагі, чым аўтары-мужчыны, існуе. Але я ніколі не бачыла, каб гэтае стаўленне да літаратарак, як да «другасных», можна было пераадолець простым на яго ўказаннем. Што патрэбна, запытваю я ў сябе? Чаго не хапае цяпер, каб успрымаць жанчын у літаратуры сур'езна? Бачу прычыну ў тым, што жаночы досвед адрозніваецца ад мужчынскага, а наўздагон за досведам адрозніваецца погляд на свет, мова. І крытыкі, якія звывкліся да мужчын-аўтараў, не разумеюць, не ўмеюць раскадаваць сімвалічную мову жаночай прозы. А таму называюць вар'яткамі тых, каго не могуць зразумець, бо для такога разумення ў іх няма кода. Выйсце — працаваць над разуменнем гэтай мовы і аўтаркам, і крытыкам, і чытачам. Але пакуль разумення няма, ва ўсякім разе, ў непасрэдным асяродку. І ў сённяшняй сітуацыі жанчына-празаік асуджана на неразуменне. Каб пісаць у такіх умовах, патрэбна неверагодная адвага, якая мяжуе з апантанасцю. І немагчыма з гэтай нагоды не засмучацца. Так што, пакуль «вар'ятка», на жаль, вельмі праўдападобна.

Евгения
Иванова«ИЗОЛЯЦИЯ: МЕЧТЫ ЗА
РЕШЕТКОЙ»: КАЛЕНДАРЬ-2012
ГРАЖДАНСКОЙ КАМПАНИИ
«НАШ ДОМ»

Когда пытаешься говорить о проблемах гендерного неравенства или дискриминации женщин в современной Беларуси, в ответ очень часто слышишь примерно два типа суждений:

1. В Беларуси уже давно полное равенство между полами: женщин никто не заставляет носить паранджу или сидеть дома, как в каких-то мусульманских странах, они работают, никто не ограничивает их в возможности учиться. Даже наоборот, уровень образования женщин в Беларуси гораздо выше уровня образования мужчин. Более того, женщины живут дольше мужчин, а уходят на пенсию раньше. В армию им идти не нужно, к смертной казни их не приговаривают и детей (почти) всегда оставляют при разводе женщинам. Ну, о каком неравенстве, дискриминации или депривации по признаку пола можно говорить?! Уж если речь и идет о неравенстве, то дискриминируемой группой являются мужчины и заботиться нужно об их правах.
2. Беларусь сложно назвать демократическим государством. Соблюдение прав человека здесь, особенно, когда дело касается гражданских и политических свобод, — это всеобщая и гендерно-нейтральная проблема. Другими словами, всем плохо: и мужчинам, и женщинам. Поэтому, прежде всего, нужно добиться демократии, а потом думать про права женщин и прочее. Думать про женщин раньше — неправильно и недальновидно. А то, что в процессе борьбы за демократию проявляются сексизм, эйджизм, расизм,

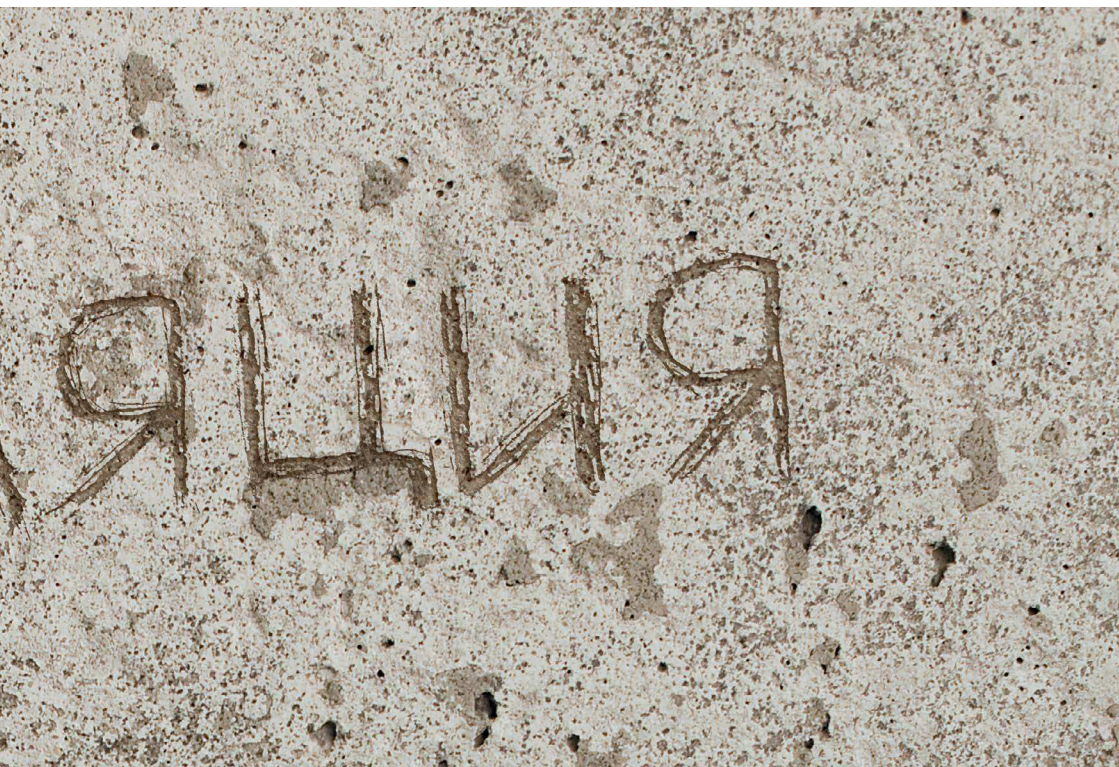
ксенофобия и гомофобия, так это... или время такое сложное, или так и должно быть, потому что не всем и всему есть место в «правильном» демократическом сообществе, которое мы строим.

Я не буду говорить о том, что вопрос о «парандже» не такой уж беспредметный и безобидный в наших реалиях, (вспомним, к примеру, как у нас должны одеваться православные женщины, активно выполняющие предписания своей религиозной конфессии). Предлагаю задуматься о той роли, которую играют родители, мужья, коллеги, в определении «подобающей» одежды для их дочерей, жен и сотрудниц. С этим также связана риторика «ненадлежащей» одежды в случаях изнасилований, когда проблема, на самом деле, заключается в недопустимом поведении насильников, — это тоже отдельная тема. Равно как и выходить на пенсию раньше нравится далеко не всем женщинам, поскольку материальное положение, которое сопутствует пенсионному периоду, называется бедностью.

А это, вероятно, не то, о чем большинство людей мечтает в качестве результата своей жизни. Оставлю в стороне и разговор о том, что оставление детей, хоть и любимых, матерям после развода, не предусматривающее надлежащей помощи в воспитании и обеспечении, значительно снижает качество жизни этих женщин: ставит их в незавидное экономическое положение и не оставляет ни на что другое ни сил, ни времени. И, если честно, обязательная армия в таком виде, в каком она сейчас существует в Беларуси, как и смертная казнь, мне не кажутся теми институтами, которые должны существовать в отношении кого бы то ни было: ни мужчин, ни женщин. Я даже не стану упоминать, казалось бы, очевидное: игнорирование интересов или проблем большей части населения приведет к чему угодно, но точно не к демократии.

Я хочу начать разговор о другом: о депривации (социальной, политической, культурной), когда женский опыт — вторичен, а политическое высказывание с других позиций и на другие

темы — не замечается. Депривация связана с неравенством и дискриминацией, но ее сложнее формализовать, доказать и защитить нормами права. Зато депривацию очень просто почувствовать. Ее также можно озвучить и можно бросить вызов. Этот текст о таком проекте, который задает, на первый взгляд, банальные, но на самом деле фундаментальные вопросы, тем самым бросая вызов вторичности женского опыта, политического высказывания и участия в политически значимых процессах.

В 2011 г. в рамках Гражданской кампании «Наш Дом» группа активисток создала календарь «Изоляция: мечты за решеткой»¹, где рассказала о трудностях, с которыми сталкиваются белорусские заключенные, в частности политические заключенные, а если быть точнее — женщины политические заключенные. Двенадцать молодых женщин в возрасте от 20 до 30 лет — студентки, журналистки, веб-дизайнеры, психологи, библиотекари, фотографы, геологи, художницы — не были знакомы друг с другом до того момента, как оказались в одной камере в одном из столичных изоляторов временного содержания. Впрочем, у них было много общего. Причиной их «встречи» послужило их участие в акциях протеста после Президентских выборов 2010 г.², именно из-за этого женщины были наказаны административным арестом. Всего в этом изоляторе тогда отбывали свое политическое наказание больше ста женщин, участвовавших в послевыборных митингах.

Изолятор временного содержания стал местом, где рождаются настоящие мечты. Сначала в мечты «превратились» обыденные вещи, такие как:

Еда

«Голод чувствуешь постоянно. Передавать нам еду с воли нельзя. А тюремная пайка — это унижение, а не пища. В погнутой алюминиевой миске жидкость со следами морковки. И сколько хочешь кислого хлеба. Такая еда не для людей». (Оля, студентка, 23 года)

1 Календарь-2012 «Изоляция: мечты за решеткой», Смоленск: ООО Издательский Дом «Зубр», 2011. www.issuu.com/nash.dom/docs/calendar2012 (последняя дата посещения 15.12.2013).

2 www.theguardian.com/world/2010/dec/21/600-charged-belarus-protests-lukashenko

Дневной свет

«Целые сутки в камере одинаково тускло горит лампочка. Света извне не поступает. Ты как будто в подводной лодке или под землей, ты понятия не имеешь, который час. Только после очередной поверки зачеркиваешь у себя в голове еще один день». (Света, психолог, 25 лет)

Тепло

«Из оконных щелей постоянно дул ветер. Тюремные одеяла, от которых несло псиной, мало спасали. В такой собачий холод, что был в нашей камере, невыносимо хотелось чего-то теплого и домашнего — кота!». (Лена, библиотекарь, 30 лет)

Постель

«Сон — защитная реакция на реальность. Мы спали по 12-16 часов в сутки. Десять девчонок вверху на подиуме — это деревянный настил шириной 3 метра. Лежали боком, в куртках, прижимаясь друг к другу. Две, которым не хватило места, спали на полу в обнимку». (Оля, веб-дизайнер, 21 год)

Возможность быть на свежем воздухе, гулять

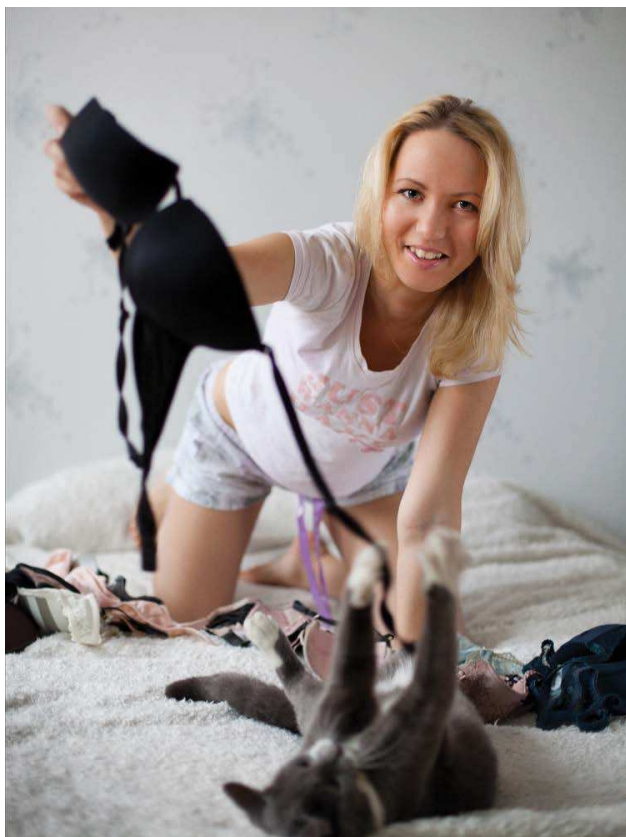
«На 12 метров 12 человек. Пройтись можешь только к параше, через кого-то переступая. От спанья на полу тело костенело. Прогулка раз в день. Полчаса под небом в клеточку, там бегали по кругу и залазили на сугроб, пытались увидеть, в какой стороне дом». (Аля, студентка, 20 лет)

**Иметь личное пространство, не выставленное на
всеобщее обозрение и закрытое для вторжения.
Не чувствовать себя униженной**

«Между судом и камерой — личный досмотр. Заставляют вытрясти сумочку, снять трусы, ощупывают. А потом отнимают твой лифчик. И так обидно, что без дозвола нарушают твои личные границы. Как будто в детстве: соседский мальчишка вдруг узнал о твоём секрете и рассказал о нём всем вокруг». (Настя, менеджер, 23 года)

«Параша. Первое время к ней никто не подходил, все стеснялись, а потому терпели. Потом начали подшучивать, а

потом свыклись. Свыклись и с ощущением тревоги: вот-вот откроется дверь. Войдет охранник и увидит тебя без штанов». (Оля, геолог, 25 лет)

Ощущение чистоты и возможность мыться

«В душ нас повели через 7 дней. Но и после него ты не чувствуешь себя чистой. У изолятора свой липкий запах — сырость, сигареты, прелое тело и кислая капуста. И через год в вещах оттуда можно унюхать эту дикую смесь». (Аня, художница, 24 года)

Иметь возможность заботиться о своем здоровье и внешности

«На пятый день забываешь, как выглядит твое лицо. За решеткой нет зеркал. Ты не видишь своей раздраженной из-за холода кожи. Ты не видишь слипшихся волос, губ в трещинах, красных глаз. Ты не видишь себя и слава богу — иначе было бы больнее». (Таня, журналистка, 26 лет)

Возможность знать, что происходит

«Сутки напролет в камере ничего не происходит. Вокруг информационный вакуум. Но знать, что там, в нормальной жизни, очень хочется. Радует любая весточка воли — записке внутри рулона туалетной бумаги или парочке слов поддержки из носка». (Настя, маркетолог, 25 лет)

Быть с родными и близкими

«Разлука с близкими и любимыми — как бесконечная ломка. Десять суток тебя физически нет в их жизни, а они вырваны из твоей». (Даша, фотограф, 23 года)

Иметь возможность следовать нормам своего вероисповедания

«Мусульманам положено совершать намаз пять раз в день. Молиться нужно, ориентируясь на солнце и стороны света. Компас у меня отобрали, узнать, сколько времени, нельзя.

Из-за тесноты в камере свободного места не было. И я молилась у параша. Право на религию — там всем на это плевать». (Оля, журналистка, 24 года)

Может показаться, что описанное в календаре «Изоляция» — это история о двенадцати непрехотливых мечтах. Однако, на мой взгляд, это не совсем так. Это история о вещах, которые становятся настолько неотъемлемой частью нашей жизни, что мы их перестаем замечать, и, только потеряв, остро ощущаем их истинную ценность для нас. Да, возможно, эти мечты незамысловаты, но они — фундаментальны. В их основе лежит отвращение и протест против де-гуманизирующих и де-феминизирующих практик со стороны

государства. Эти протесты, выраженные через мечты об «обычном», заставляют задуматься нас, как индивидов, и нас, как общество, о том, что значит жить достойно, жить «по-человечески». Помимо этого, за требованиями об уважительном отношении, замаскированными под заветные желания арестанток, просматривается мечта о достойном отношении и свободе от унижения для всех и далеко за пределами изолятора временного содержания.

Создательницы календаря заявляют, что современная Беларусь это тот же изолятор, в котором только и остается, что мечтать о свободной и достойной жизни. И разница состоит не только в размерах, но и в том, что срок заключения-изоляции не определен, и люди, находящиеся внутри, еще не поняли, что на самом деле живут не полной жизнью, а «изолированной».

Этот календарь не только заявляет о том, что женщины Беларуси участвуют в политических и социальных трансформациях в стране, он также указывает на то, что они — активные, смелые, творческие и небезразличные граждане. Он демонстрирует, что эти женщины готовы бросать вызов не только политическому режиму, но и устоявшимся представлениям о том, кто такие политические заключенные, как они переживают свое заключение и о чем можно говорить, когда речь заходит об их опыте. Они не боятся заявить, что есть вещи, личные по своей природе, и, возможно, «женские», но такие же значимые для понимания человеческого достоинства, прав человека и демократии. И поэтому важно, чтобы они были озвучены публично.

КРИСТИНА ПИЗАНСКАЯ:
ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА,
ВООРУЖИВШАЯСЯ ПЕРОМ
РАДИ ЗАЩИТЫ СВОЕГО ПОЛА¹

Итальянка по происхождению, французская писательница Кристина Пизанская жила при королевских дворах Карла V (Мудрого) (1364–1380) и Карла VI (Безумного) (1380–1422). Благодаря неплохому домашнему образованию, полученному под руководством отца, но, главным образом, благодаря собственному стремлению к знаниям она стала настоящей профессиональной писательницей. Кристина Пизанская пользовалась покровительством королевской семьи, а после смерти своего мужа сумела обеспечить себе и детям постоянный денежный доход от писательского дела. Однако, создавая свои труды, она преследовала не только меркантильные интересы: ей было что сказать по поводу положения женщин в современном для нее мире. Для обоснования своих выводов Кристина Пизанская приводила множество примеров из библейских текстов, античной истории, а также из собственного опыта и жизни своих современников.

В ее биографии много необычного для своего времени: дочь известного итальянского астролога и врача, служившего при дворе Карле V, Кристина Пизанская получила прекрасное по тем временам образование, а в 15 лет вышла замуж за знатного молодого человека — королевского секретаря. По словам самой Кристины Пизанской, это был счастливый,

¹ Так Кристину Пизанскую охарактеризовала Симона де Бовуар в своей книге «Второй пол». de Beauvoir, Simone, English translation 1953 (1989). См.: де Бовуар С. *The Second Sex*. Vintage Books. P. 105.

но короткий брак. В возрасте 25 лет она осталась вдовой с тремя малолетними детьми и одновременно была вынуждена присматривать за своей матерью и сиротой-племянницей (отец Кристины Пизанской умер несколькими годами ранее)².

Владея несколькими иностранными языками, Кристина Пизанская имела доступ к античной, а также к современной для нее французской и итальянской литературе. В период Средневековья пересказ или переписывание «чужих» слов и произведений, касавшихся религиозных тем, являлись наиболее распространенным жанром литературы. Однако в творчестве Кристины Пизанской можно увидеть элементы «авторства», не существовавшего в то время в «чистом» виде. В ее размышлениях о личной жизни можно встретить и эпизоды, где она специально подчеркивала свою принадлежность к женскому полу и оспаривала традиционное негативное отношение к женщинам. Используя особые правила выделения и последующего сокращения (со специфической корректировкой) разных литературных и религиозных историй, она подчеркивала сложность споров на тему морали, а иногда и отказывалась от стандартных негативных оценок различных героинь легенд или библейских рассказов (таких, как Семирамида, Медея и другие)³.

Защищая женский пол, Кристина Пизанская отстаивала и способность женщин к творческому мышлению. В то же время писательница переживала не столько из-за неравенства мужчин и женщин (социальную иерархию она воспринимала как нечто естественное и должное⁴), сколько из-за глубоко укоренившихся в сознании общества той эпохи представлений об изначально «низменной природе» женщин. В своих текстах она обращалась к самим женщинам и пыталась их убедить, что «женская душа», как и «мужская», сотворена по образу и подобию Божьему⁵.

Говоря о рождении и воспитании девочек, Кристина Пизанская с сожалением отмечала, что эта тема не вызывает

2 См.: Ch. de Pisan. *Le livre de l'advison Christine*. Paris, 2001.

3 Zago E. Christine de Pizan: A Feminist Way to Learning // *Equally in God's Image Women in the Middle Ages*. New York, 1990. P. 105.

4 К. Пизанская. Из «Книги о Граде женском» // «Пятнадцать радостей брака» и другие сочинения французских авторов XIV – XV веков. М.: Наука, 1991. С. 238-239.

5 К. Пизанская. Из «Книги о Граде женском» // «Пятнадцать радостей брака»... С. 228-229.

радости и энтузиазма в семьях. «Важным поводом для огорчений является страх перед расходами, которые приходится нести при выдаче дочери замуж», — так объясняет она причины существовавших предубеждений. Не меньше волнений в обществе вызывало и то, «что дочь, будучи юной и наивной, может по дурному совету впасть в грех», а от подобных страхов и всех остальных проблем, как считалось, можно избавиться, только если «дать ей [дочери] в молодости благоразумное воспитание»⁶.

Что же считалось «благоразумным воспитанием», и что под этим подразумевала сама Кристина Пизанская? В течение всего Средневековья мнения авторов по этому поводу менялись как в религиозных текстах, так и литературных произведениях. С одной стороны, большинство людей вне зависимости от пола и социального статуса не были обучены грамоте. Более того, в отношении женщин считалось, что умение читать и писать может только повредить сохранению ими «добродетели и целомудрия», а соответственно, единственным имеющим практический смысл «образованием» для них могло бы быть обучение тому, как стать «правильной домохозяйкой». С другой стороны, встречались и другие точки зрения, когда к способности женщин читать относились вполне благосклонно (хотя и при таком подходе подразумевались, что речь шла исключительно о представительницах знатного сословия). Кристина Пизанская ратовала за второй вариант, одновременно соглашаясь с традиционным утверждением о том, что «мужчины знают больше, чем женщины... Для женщин же достаточно выполнения предопределенных им обычных обязанностей»⁷. Подтверждением этой позиции для нее служили христианские постулаты: «А что до шитья, то Господь действительно пожелал, чтобы оно было естественным занятием женщин...»⁸ В то же время, отчасти она противоречила самой себе в большинстве своих текстов, касавшихся данной темы: Кристина Пизанская пыталась показать, что женщинам необходимо получать такое же образование, на которое имели право

6 Там же. С. 247.

7 Там же. С. 242.

8 Там же. С. 238.

мужчины из определенного слоя общества⁹. Таким образом, она оспаривала практически повсеместное утверждение об отсутствии «природного ума» у женщин, когда им приписывали «дьявольскую» хитрость и изворотливость, а значительная часть «примеров» проповедников была направлена против «женской глупости и вздорности»¹⁰.

Большое значение в воспитании девушек Кристина Пизанская отводила матери, отмечая, насколько важно, по ее мнению, «чтобы и сама мать подавала благой пример честности и добропорядочности», ведь «если мать ведет неразумную жизнь, она едва ли сможет быть образцом для дочери»¹¹. Однако здесь же можно заметить, насколько расплывчаты и идеалистичны отмеченные Кристиной Пизанской ключевые воспитательные функции матери: демонстрация детям своих исключительно «благих качеств».

Особенности творческой личности Кристины Пизанской проявляются в ее автобиографических трудах — в трактатах и поэтических балладах, где проступает постоянно проигрываемое усиленное внимание к интимным подробностям и чувственным переживаниям личной жизни¹². В приводимых Кристиной Пизанской примерах из жизни знатных женщин Средневековья встречаются совершенно нетипичные для того времени предложения по вопросам обеспечения семьи и использования женщинами собственных доходов¹³. Определенную роль в этом, очевидно, сыграли особенности жизни самой писательницы: непрекращавшиеся длительное время судебные тяжбы, касавшиеся унаследованного от мужа имущества, так или иначе вынуждавшие Кристину Пизанскую обращаться к поискам средств для существования и

9 Pizan Ch. de. *The Book of the City of Ladies*. New York, 1982. P. 153-155.

10 К примеру, даже Пьер Абеляр не делал чести женскому уму, расточая похвалы своей возлюбленной Элоизе: «Собой она была недурна, а знаниями своими превосходила всех. А чем реже это достоинство обретается у женщин, тем больше придавало оно чести этой девице, и оттого она была весьма известна по всей стране». А раз женщина не умна, то и образование ей ни к чему. Более того, излишняя склонность к наукам, как считалось, скорее, приведет женщин к грехопадению: ведь умение писать и читать способствует переписке между влюбленными. См.: Абеляр П. История бедствий Абеляровых, описанная им в письме к другу // *Памятники средневековой латинской литературы X – XII веков*. М.: Наука, 1972. С. 295.

11 Кристина Пизанская. Из «Книги о Граде женском» // «Пятнадцать радостей брака»... С. 247.

12 См.: Pizan Ch. de. *Cent Ballade d'amant et de dame*. Paris, 1982.

13 Pisan Ch. de. *Le livre de trois*. Paris, 1989. P. 201-204.

содержания своей семьи¹⁴. В результате она стала первой профессиональной писательницей Европы, получавшей деньги благодаря продаже написанных ею текстов¹⁵.

Профессиональным взлетом Кристины Пизанской стало ее участие в «*querelle des femmes*» (споре о женщинах), возникшем по поводу популярного в Средневековье «Романа о Розе»¹⁶. В переписке со своими оппонентами Кристина Пизанская возражала против мизогинистских позиций средневековых интеллектуалов¹⁷. На фоне остальных дошедших до нас текстов позднего Средневековья эмоциональные слова Кристины Пизанской являются ярким подтверждением ее радикального протеста против множества оскорблений, обид и обвинений, высказанных против женщин мужчинами, которые, по жестким высказываниям самой Кристины Пизанской, общались в своей жизни только с подобными им «распутными особами», либо клеветали на женщин из-за своих предрассудков или потери мужских «способностей»¹⁸. Тексты, подобные «Роману о Розе» или «*Lamenta*» (французского писателя-мизогиниста Матеолуса), как писала Кристина Пизанская, «недостойны и оскорбительны», а обвинения женщин в якобы живущем в них всех чувстве зависти не лучшим образом характеризуют самих мужчин¹⁹.

Схожим образом, излагая программу интеллектуального воспитания женщин всех сословий в «Книге о трех добродетелях», Кристина Пизанская критикует банальные клише о «правильной манере и поведении» знатных девушек, но в то же время она оправдывает «неправильное поведение» девушек, объясняя существующие негативные трактовки тенденциозностью и предосудительной настроенностью мужчин²⁰. Еще более категорично Кристина Пизанская выступала

14 Например: Pisan Ch. de. *Le livre du chemin de long estude*. Genève, 1974; Pisan Ch. de. *Le livre de la mutation de fortune*. 4 vol. Paris, 1959-1964.

15 Hicks E. Situation du débat sur le 'Roman de la Rose' // *Une femme de Lettres au Moyen Age. Etudes autour de Christine de Pizan*. Orleans, 1995. P. 51-52.

16 де Лорис Г., де Мен Жан. *Роман о Розе*. Ростов-на-Дону, 2001. С. 288.

17 Hicks E. Situation du débat sur le 'Roman de la Rose'. P. 104-133.

18 Pisan Ch. de. From 'Lesser Treatise on the Romance of the Rose, June-July, 1401' // *Women Imagine Change: A Global Anthology of Women's Resistance From 600 B.C.E. to Present*. New York & London, 1997. P. 285-287.

19 Pisan Ch. de. *The Book of the City of Ladies*. P. 3-7.

20 См.: Pisan Ch. de. *Le livre de trois vertus*. P. 139-147.

по случаям изнасилований женщин: она опровергала все обвинения в якобы стимулировании ими (по собственному желанию) агрессии мужчин²¹.

Интересно и самое последнее из найденных ее произведений — «Слово о Жанне д'Арк»²². Рядом с традиционным для средневековых произведений правилом воспевания короля звучат нестандартные строки Кристины Пизанской, подчеркивающие принадлежность Жанны д'Арк к женскому полу и требующие признания *силы и чести женщин*. Это значительно выходило за рамки средневековых представлений, предполагающих традиционное разделение «мужских» и «женских» качеств²³.

Следует обратить внимание и на особенности взаимоотношений Кристины Пизанской с королевской властью. В своих текстах, посвященных высшим авторитетным лицам государства (в наибольшей степени это проявилось в трактате о Карле V), она, как «дитя» своего времени, воспевала и оправдывала любые деяния королей. Однако, в отличие от других текстописцев Средневековья, старалась опираться на свой личный опыт, что, с одной стороны, говорит о психологической глубине, а с другой, — об автобиографической направленности ее стиля. Доказательством уникальности стиля Кристины Пизанской может послужить то, что для большинства средневековых источников — как письменных, так и визуальных — характерна анонимность (отход от подобного способа построения текстов происходит лишь в эпоху Возрождения, когда приоритетным начинает выступать принцип индивидуализма). Психологическая же специфика стиля Кристины Пизанской прорисовывается в «женском авторстве», в чем главной особенностью является, во-первых, ее личностно-эмоциональная настроенность, а во-вторых, умение приводить в своем письме автобиографические примеры (с акцентом на различные моменты семейной жизни). Вторгаясь на «мужскую» территорию письма и литературного творчества и преодолевая социальные и гендерные барьеры, Кристина Пизанская подчеркивала противоречие

21 Ibid. P. 160-164.

22 Поэма, написанная в 1429 г. сразу после коронации французского дофина.

23 Pizan Ch. de. *Le Ditie de Jehanne d'Arc*. www.geocities.com/Athens/Pantheon/3322/ditie.html

между «авторским индивидуализмом», с одной стороны, и традиционной «женской слабостью», с другой²⁴.

В самом известном своем трактате — «Книга о Граде Женском» (1404–1405) — она подчеркивала, что женщина ни в чем не уступает мужчине по своим способностям, и, таким образом, приходила к выводу о том, что для объединения женщин, для прекращения злословия в их адрес, для создания прочной защитной стены и для того, чтобы их голоса были услышаны, они должны построить свой собственный Город Женщин²⁵. Однако реального примера этой аллегии Кристина Пизанская не находит.

В заключение можно обратить внимание на то, что основная часть написанных Кристиной Пизанской работ была посвящена мужским фигурам Средневековья (королям и мужчинам из знати) и только небольшая — женщинам²⁶. Благодаря своему творчеству она может быть названа образцом протофеминизма. Конечно, в XIV–XV вв. не существовало самого термина «феминизм», и сегодняшнее причисление Кристины Пизанской к феминистскому движению, возможно, звучит как анахронизм. Как пишет американская исследовательница Беатриса Готтлиб, «если 'феминизм' означает думать о женщинах и чувствовать то, что они заслуживают лучшего в мире, тогда Кристина [Пизанская] была феминисткой...», однако при этом стоит учитывать и то, что «...вплоть до девятнадцатого века феминизм [явно] не достигал определенности в своих требованиях»²⁷. Однако не стоит преуменьшать политическую значимость причисления Кристины Пизанской к феминизму. Уже в свое время она открыто сказала: «...будучи женщиной, я выступаю за женщин... И именно потому что я — женщина, могу нести более правдивые свидетельства в этом споре, чем те, у кого такого опыта нет...»²⁸.

24 Dulac L. L'autorité dans les traités en prose de Christine de Pizan: discours d'écrivain, parole de prince // *Une femme de Lettres au Moyen Age*. P. 17.

25 См.: Pizan Ch. de. *The Treasure of the City of Ladies: Or the Book of the Three Virtues*. London et al, 1985.

26 Ferrante J. M. *To the Glory of Her Sex: Women's Roles in the Composition of Medieval Texts*. Bloomington, 1997. P. 176–177.

27 Ibid. P. 359–360.

28 Pizan Ch. de. From 'Lesser Treatise on the Romance of the Rose, June-July, 1401'. P. 287.

Николай Горбачев — магистрант программы «Культурные исследования» Европейского гуманитарного университета. Сфера исследовательских интересов: гендерные и квир-исследования, исследования сексуальности. Занимается проблемами нормативности в постсоветских странах.

Ольга Зубковская — магистр культурологии по гендерным исследованиям, специалист по женским неправительственным организациям, автор ряда публикаций по проблемам гендерных трансформаций в постсоветских странах. Мать двоих детей, живет и работает в Будапеште.

Паліна Качаткова (Сцепаненка) — літаратарка, журналістка, магістр паліталогіі. Брала ўдзел у дзейнасці нацыянальна-арыентаваных моладзевых аб'яднанняў у 1985–1990 гг., з 1990 г. працавала ў музеі Максіма Багдановіча. З 1998 г. працуе ў Праваабарончым цэнтры «Вясна». Займаецца праблемамі дэмакратызацыі Беларусі, дзейнасцю нацыянальна-арыентаваных моладзевых суполак 1980-х гг. і праблемамі смяротнага пакарання ў Беларусі. Аўтар сцэнарыяў дакументальных фільмаў «Гастарбайтар» (2008), «Сыс пра Сыса» (2010), «Пустазелле» (2011), «Прычына смерці — прочарк» (2011), «Убыл по прыговору» (2012) і «Шэсць аргументаў супраць смяротнага пакарання» (2013), а таксама фільму «Людвіка» (2013). Аўтар апавесці «Паэт» (1995) і зборніка прозы «Матылі» (2012).

mikaela — радикальная феминистка, феминистская художница, активистка «Феминистской инициативы». Работает анонимно. Занимается стрит-артом, stencil graffiti и перформансом. Работала в Киеве, Москве, Барселоне, Эдинбурге, Вене, Берлине. Выставлялась в проектах «Феминистский карандаш I и II», «Международный женский день», «Феминизм: от авангарда до наших дней», «Kvir_Feminist_Actzia» и «Гоголь-фест-2013». Ее интересы включают исследование женской истории вообще и личных историй отдельных женщин, анализ личного как политического, гендерного нера-

венства, механизмов дискурсивной власти и социальной невидимости, «прямая речь» людей из дискриминированных групп (таких, как женщины, дети, люди с инвалидностью, художники). Веб-страница: www.m-i-k-a-e-l-a.livejournal.com

Вилана Пилинкайте-Сотирович — доктор философии (Ph.D.), сотрудница Института этнических исследований при Литовском центре социальных исследований. Вилана Пилинкайте-Сотирович обладает 10-летним стажем работы в области прав женщин и гендерного равенства, а также обширным опытом проведения исследований и экспертного анализа. В сферу ее интересов входит изучение взаимосвязей между гендерными отношениями и политиками равенства. Особое внимание в своих исследованиях уделяет насилию по признаку пола и сексуальности, гендерным аспектам миграционных процессов, а также публичному дискурсу в области семьи, пола и равенства.

Снежана Рогач — магистр истории (Европейский гуманитарный университет (ЕГУ)), преподавательница кафедры политологии, социологии и социального управления Белорусского национального технического университета. Одна из первых сотрудниц Центра гендерных исследований ЕГУ (1998–2001 гг.). Соавтор книги (со Смирновой Е.Д.) «Общественно-правовой и семейно-бытовой статус знатных женщин Франции XI–XIV вв.» (1996). Научные интересы: медиевистика, гендерная история, история национализма и концепции «национальной истории», в первую очередь, в Беларуси и странах Северо-Восточной Европы.

115

Яна Ситникова — российская транс* активистка и транс-феминистка, участница Транс* Коалиции на постсоветском пространстве. Интересы: трансгендерность, гендерные идентичности, пересечение дискриминаций. С 2010 по 2013 гг. состояла в партии «Яблоко», откуда была исключена за пропаганду трансгендерности и лесбийства. В 2011 г. участвовала в выборах в Государственную Думу Российской Федерации. Закончила Химический факультет Московского государственного университета, учится в совместной аспирантуре

Института элементоорганических соединений Российской академии наук и Страсбургского университета. Веб-страница: www.yanasitnikova.livejournal.com

Альмира Усманова — кандидат философских наук, профессор департамента медиа Европейского гуманитарного университета (ЕГУ), руководитель магистерской программы по культурным исследованиям, редактор книжной серии «Визуальные и культурные исследования» (издательство ЕГУ). Область исследовательских интересов: визуальные исследования, семиотика, теория кино, гендерная теория. Основные публикации: «Умберто Эко: парадоксы интерпретации» (2000), «Антология гендерной теории» (2000, ред. совместно с Е. Гаповой), «Гендерные истории Восточной Европы» (2002, ред., совместно с Е. Гаповой и А. Пето), «Битекстуальность и кинематограф» (ред., 2003), «Гендер и трансгрессия в визуальных искусствах» (ред., 2007), «Визуальное (как) насилие» (ред., 2008) и другие. В настоящее время работает над монографией, посвященной соотношению истории и репрезентации в советской визуальной культуре. Веб-страница: www.gender-ehu.org/?193_2

116

Маргарита Янкаускайте — доктор философии (Ph.D.), эксперт по гендерным проблемам и женскому движению в Литве, преподаватель гендерных курсов в различных литовских ВУЗах. Выступала в роли международного гендерного эксперта в Кыргызстане, Таджикистане, Грузии и Турции. В 2009–2011 гг. Маргарита Янкаускайте работала гендерным экспертом и тренером в ПРООН Украины. В 2004–2006 гг. была избрана Послом доброй воли против гендерной дискриминации в Литве, а в 2011 г. Американское посольство присвоило ей награду «Women of Courage» («Бесстрашные женщины»). В 2012 г. Маргарита Янкаускайте была номинирована и отобрана Европейским Институтом гендерного равенства в качестве одной из двенадцати женщин для календаря «Женщины, вдохновляющие Европу».

Евгения Иванова — правовед, магистр культурологии по гендерным исследованиям, магистр социологии права. В настоящее время докторантка Оксфордского университета (факультет Политики и Международных отношений), преподавательница Европейского гуманитарного университета (ЕГУ), координатор Центра гендерных исследований ЕГУ, сопредседатель Международного центра гендерных инициатив «Адліга: женщины за полное гражданство». Главный редактор образовательного феминистского альманаха «Женщины в политике: Новые подходы к политическому». Научные интересы: феминистские политические теории, права человека, пол и гражданство, тело и политика, биополитика, Чернобыль. Соавтор и составитель учебников «Пол/Гендер: Пособие для юристов» (2004) и «Пол. Гендер: Справочное пособие для государственных служащих» (2005). Веб-страница: www.oxford.academia.edu/EvgeniaIvanova

117

Анна Жинь — беларусская дизайнер и художница. Анна работает в области фотографии, живописи, малой скульптуры и инсталляции. Выставки ее работ проходили в «Галерее Ё», «Лондон» и дворце искусств г. Минска, а также в галерее Федерации Учителей Средних Школ Онтарио в Торонто. Ее художественные проекты затрагивают культурную и гендерную проблематику, а также различные аспекты социальной дискриминации. Веб-страница: www.annazhyn.com

Александр (Юрьевич) Першай — доктор философии (Ph.D.), кандидат филологических наук, директор по развитию и коммуникации электронного журнала Международной ассоциации гуманитариев «The Bridge-МОСТ» (www.thebridge-moost.org); преподаватель Центра гендерных исследований Европейского гуманитарного университета. Главный редактор образовательного феминистского альманаха «Женщины в политике: Новые подходы к политическому». Исследовательские интересы: национализм в Беларуси и Восточной Европе, теория национализма, языковая политика, бела-

русский интеллектуальный дискурс, словари, архивы и организация культурного знания, гендерная лингвистика, отношения гендера, языка и власти, трансгендер. Автор монографии «Семантика пола: репрезентация гендерных отношений во фразеологии» (2014), а также ряда публикаций в журналах «Nationalities Papers», «East European Politics and Societies», «Europe-Asia Studies», «Slavia Orientalis», «Гендерные исследования», «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры», «Неприкосновенный запас», «Ab Imperio» и др. Редактор сборника «Negotiating Space for Gender Studies: Frameworks and Applications» (2005). Веб-страница: www.ehu-lt.academia.edu/AlexanderPershai

Ольга Петрукович — активистка и независимая исследовательница, магистр социологии в области гендерных исследований. Участница проектов Белорусского дома прав человека в Вильнюсе и Центра гендерных исследований Европейского гуманитарного университета «Развитие гендерной чувствительности как предпосылка развития гендерного равенства в Беларуси». Исследовательские интересы: гендерная политика, социальные аспекты репродукция, гендер и медиа, гражданское общество.

Мэтт Тэгелберг — доктор философии (Ph.D.), доцент департамента социальных наук Университета Йорк (Канада), ассоциированный исследователь в «MediaClimate» — международной исследовательской сети Университетов Бергена и Тампере. Занимается исследованиями репрезентации коренных народов в СМИ, а также журналистского дискурса о глобальном потеплении. Его работы опубликованы в научных журналах «Tourist Studies», «Canadian Journal of Communication», «International Communication Gazette» и «International Journal of Cultural Studies». Он был приглашенным peer-review рецензентом для журналов «Tourist Studies» и «Tourism Management». Тэгелберг также занимается академическим редактированием и специализируется на стилистической обработке текста авторов, для которых английский не является родным языком. Веб-страница: www.mcmaster.academia.edu/MatthewTegelberg

Кори Хэйд — канадский художник, активист и специалист по менеджменту, принимает участие в предвыборных кампаниях кандидатов с прогрессивными взглядами. Его арт-проекты связаны с проблемами гендерного равенства и толерантного отношения к представителям маргинализированных групп.

Екатерина Чикалова — автор и редактор публикаций, освещающих различные аспекты гендерной проблематики, специалист в области социологии коммуникации, аспирантка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, младший научный сотрудник сектора социологии семьи, гендерных и сексуальных отношений Социологического института Российской академии наук. Основные исследовательские интересы: гендерная проблематика СМИ и рекламы, современные медиа-репрезентации отцовства и маскулинности; тенденции трансформации родительства, материнства и отцовства.

Nikolai Gorbachov is a student in the Master of Arts Program in Cultural Studies at the European Humanities University. His research interests include gender and queer studies, sexuality studies, and issues of normativity in post-soviet countries.

Margarita Jankauskaite, Ph.D., is an art historian, social activist, and university instructor. She started to work for NGOs dedicated to women's rights and gender issues in 2003 and demonstrated her expertise in gender equality policies, gender representation in mass culture, and gender biased violence. Jankauskaite led several projects on gender mainstreaming, men in gender equality, and gender equality in education. She served as an expert in gender issues in Lithuania, Kyrgyzstan, Tajikistan, Georgia, and Turkey. In 2009-2011 she worked as a United Nations Development Programme expert and a trainer in Ukraine. In 2004-2006 she was elected as Ambassador for Diversity against Discrimination in Lithuania. The US embassy awarded Margarita the award of Women of Courage in 2011. Jankauskaite was nominated and selected by the European Institute for Gender Equality as one of twelve members of the "Women Inspiring Europe" calendar in 2012.

120

Palina Kachatkova (Stsepanenka), M.A., is a writer, literary critic, and journalist. Kachatkova worked in the Museum of Maksim Bahdanovich; she currently works for the human rights, non-for-profit organisation "Vyasna". Kachatkova works on issues such as the democratization of Belarus, the development of the non-for-profit sector in the 1980s, and against the death penalty in Belarus. Kachatkova wrote scripts for a number of documentaries and feature films, including "Gastarbeiter" (2008), "Sys pra sysa" (2010), "Pustazelle" (2011), "Prychyna smertsy – prochark" (2011), "Ubyl po prigovoru" (2012), "Shests argumentau sutrats smiarotnaga pakarannia" (2013), and "Liudvika" (2013). She authored literary works entitled "Paet" (1995) and "Matyli" (2012).

mikaela is an anonymous Russian feminist artist and radical feminist. She is a member of the Moscow Feminist Group. mikaela spe-

cializes in street art and stencil graffiti. She has created works in the streets of Kiev, Moscow, Barcelona, and Edinburgh. mikaela also participated in the “Feministskiy karandash” (“The Feminist Pencil”) art project. Her art works investigate women’s herstories, the personal as political, gender-biased inequality, social invisibility and the mechanics of power division, and discursive expressions of marginal groups, including women, children, people with disabilities and artists. Website: www.m-i-k-a-e-l-a.livejournal.com

Almira Ousmanova is a Professor in the Department of Media and Director of the Master of Arts program in Cultural Studies at the European Humanities University. Her major publications include: “Umberto Eco: Paradoxes of Interpretation” (2000); “Gender Histories from Eastern Europe” (co-edited with Elena Gapova and Andrea Peto, 2002); “Bi-Textuality and Cinema” (ed., 2003), “Gender and Transgression in Visual Arts” (ed., 2006), “Visual (as) Violence” (ed., 2007), “Belarusian Format: Invisible Reality” (ed., 2008). Her current book project is entitled “Representation and History: The Cinematic Images of the ‘Soviet’”. Website: www.gender-ehu.org/?193_2

121

Vilana Pilinkaite Sotirovic, Ph.D., works at the Institute of Ethnic Research at the Lithuanian Social Research Centre. She has over ten years of experience working on women’s rights issues, gender equality, as well as in research and expert analysis. She studies the complexities of gender and equality policies in Lithuania. In particular, she focuses on the policies of gender biased violence, gendered aspects of migration, and public discourses on family, gender and equality.

Snejana Rogach, M.A., is a lecturer in the Department of Politics, Sociology and Social Management at the Belarusian National Technical University. Rogach was one of the first staff members in the Centre for Gender Studies at the European Humanities University when it was located in Minsk (1998–2001). She co-authored, with E. Smirnova, the book entitled “Social, legal, and family status of noble women in France in the 11th-14th centuries” (1996). Her research interests include: mediaeval studies, gender history, history of nationalism in Belarus and North-Eastern Europe.

Yana Sitnikova is a Russian trans* activist and trans* feminist. She is a member of the Trans Coalition in the Post-Soviet Space. Her interests include transgender, gender identities, discrimination and intersectionality. In 2010–2013 Sitnikova was a member of the “Yabloko” Political Party but she was expelled for lesbian and transgender propaganda. Sitnikova ran in the elections to the State Duma in 2011. Currently Sitnikova works on her doctoral degree. Website: www.yanasitnikova.livejournal.com

Olga Zoubkovskaya, M.A., studies post-Soviet women’s non-governmental organisations. Zoubkovskaya authored a number of publications on gender transformations in post-Soviet countries. She is a mother of two children; she works and lives in Budapest.

Ekaterina Chikalova is an expert in the sociology of communication, writer and copy-editor. Chikalova is a doctoral student at Herzen University and a junior researcher in the Sociology of Family, Gender and Sexual Relations Department in the Sociology Institute at the Russian Academy of Sciences. Her research interests include gender, media and advertisement, contemporary media-representations of fatherhood and masculinity, transformations of parenthood, as well as the issues of motherhood and fatherhood.

Cory Hayden is an artist, activist, and management specialist. He is politically involved with elections of progressive and diverse candidates. His art work reflects the issues of diversity, equality and acceptance in Canada.

Evgenia Ivanova, LL.B. has an M.A. in Gender Studies and an M.A. in Sociology of Law. She is currently a doctoral candidate in Politics and International Relations at the University of Oxford. She is a lecturer, coordinator, and research associate at the Centre for Gender Studies at the European Humanities University. She is a Co-Chair of “ADLIGA”—the International Centre for Gender Initiatives: Women for Full Citizenship. She is also the head editor of a Belarusian- and Russian-speaking educational feminist almanac “Women in Politics”—“Zhenschiny v politike: novye podkhody k politicheskomu”. Her research interests include feminist political theories, human rights, gender and citizenship, body and politics, biopolitics, and Chernobyl. She co-authored several textbooks in gender studies, including “Sex/Gender: A Handbook for Lawyers (Pol/Gender: Posobie dlia yuristov)” (2004) and “Sex. Gender: A Handbook for Social Service Officers (Pol. Gender: Spravochnoye posobie dlia gosudarstvennykh sluzhaschikh)” (2005). Website: www.oxford.academia.edu/EvgeniaIvanova

Alexander Pershái, Ph.D., is the Managing Editor and Communications and Development Executive for the newsletter of the International Association for the Humanities “The Bridge-MOCT” (www.thebridge-moct.org). He is a Lecturer in the Centre for Gen-

der Studies at the European Humanities University. He is the Head Editor of a Belarusian- and Russian-speaking educational feminist almanac “Women in Politics” — “Zhenschiny v politike: novye podkhody k politicheskomu”. He studies nationalism in Belarus and Eastern Europe with emphasis on issues of identity, language and nation-building. His research interests include nationalism theory, Belarus, Eastern European nationalism, transformations of academia, technologies of archiving and organizing knowledge, interrelations of gender, language and power, and transgender. Pershái authored a monograph entitled “Semantika gendera: Reprezentatsiya gendernykh otnosheniy vo frazeologii [Semantics of Gender: On Gender Stratification in Idiomatic Expressions]” (2014); and an edited collection entitled “Negotiating Space for Gender Studies: Frameworks and Applications” (2005). His works are published in “Nationalities Papers”, “East European Politics and Societies”, “Europe-Asia Studies”, “Slavia Orientalis”, “Neprikosnovennyi Zapas”, “Forum Noveishey vostochnoevropeiskoy istorii i kultury”, “Gendernyie Issledovania”, “Ab Imperio” and other peer-reviewed journals. Website: www.ehu-lt.academia.edu/AlexanderPershai

124

Olga Petrukovich is an independent researcher and social activist. She holds an M.A. in Sociology and Gender Studies. She contributes to an educational paralegal project for the Belarusian House of Human Rights in Vilnius and the Centre for Gender Studies at the European Humanities University. Her research interests include gender-related politics, social regulations of reproduction, gender and media, and civic society.

Matthew Tegelberg, Ph.D., is an Assistant Professor in the Department of Social Science at York University (Canada). He is a Research Associate with “MediaClimate”, a international network of media scholars based at the University of Bergen, Norway, and Tampere University, Finland. His research examines media representations of indigenous peoples and global journalistic coverage of climate change. His writing has appeared in “Tourist Studies”, “Canadian Journal of Communication”, “International Communication Gazette,” and “International Journal of Cultural Studies”. Tegelberg is an experienced academic editor. He has worked on scholarly manuscripts, journal articles, book chapters and served as an editorial re-

viewer for “Journal of Professional Communication,” “Tourist Studies” and “Tourism Management”. He specializes in language and style editing and has worked with authors from around the globe to help communicate their ideas and research in English more effectively. Website: www.mcmaster.academia.edu/MatthewTegelberg

Anna Zhyn is a Belarusian designer and artist. She works with different media, including photography, painting, soft sculpture and installation. She has had personal exhibitions in “The Ÿ Gallery”, “London”-Gallery, The Art Palace (Dvoretz iskusstv) in Minsk, Belarus, and in the Gallery of the Ontario Secondary School Teachers’ Federation in Toronto. Her art projects investigate gender discrimination and harassment, as well as other types of social and cultural oppression. Website: www.annazhyn.com

Альманах «Женщины в политике: новые подходы к политическому» — это новое феминистское по духу образовательно-аналитическое издание, в котором ведется поиск новых подходов к политическому. Авторы и редакция альманаха обращаются к гендерному анализу насущных проблем Беларуси и других постсоветских стран. В альманахе обсуждаются вопросы женского политического участия и политики пола в различных социальных и культурных областях.

Это издание обращается к широкой читательской аудитории, не обязательно знакомой с гендерными исследованиями, к активисткам и активистам неправительственных организаций и политических партий, а также к исследователям и интеллектуалам, интересующимся новыми подходами в области критической социальной и политической теории. Альманах «Женщины в политике: новые подходы к политическому» рассчитан на тех, кто вовлечен в процесс политических и социальных трансформаций в Беларуси. Альманах — это пространство дискуссии, которое противостоит сексизму, расизму, гомофобии, эйджизму, ксенофобии и другим видам дискриминации.

Альманах возник в рамках проекта Международного Центра гендерных инициатив «Адліга: женщины за полное гражданство», чья миссия — реализовывать гражданские инициативы, направленные на борьбу с депривацией по признаку пола. «Адліга» — это женская инициатива, которая выступает за гендерную справедливость и осуществляет проекты, направленные на устранение социального угнетения как в отношении женщин, так и мужчин; а также на то, чтобы сделать наше общество безопасным и благожелательным для женщин и мужчин.

Необходимость в периодическом издании такого рода в Беларуси назрела давно. По сути, сейчас нет ни одного белорусского журнала, который по существу и систематически писал бы о гендерных исследованиях и новых подходах в политических науках. На сегодняшний день в белорусских ВУЗах преподаются единицы курсов, рассмат-

ривающих гендерную проблематику в гуманитарных и социально-политических науках. Поэтому альманах задуман как образовательный проект и стремится частично компенсировать нехватку курсов о поле и власти, а также ознакомить читателей с «базовыми» проблемами в этой области. Издание предлагает злободневные аналитические материалы, касающиеся функционирования политических систем, формирования гендерной структуры общества и возникновения конфликтов, связанных с трансформацией как гендерного, так и политического порядка, с появлением в политике новых групп, интересов и стратегий.

Публикацией этого альманаха мы надеемся создать платформу, на которой произойдет:

- всестороннее обсуждения насущных проблем социальной, политической, экономической и культурной жизни Беларуси;
- артикуляция общественного мнения политически активных женщин и женщин-политиков;
- распространение знаний в области новых подходов в политической теории и практике;
- укрепление интеллектуального потенциала белорусского общества;
- создание в сфере политики видимого пространства для женщин и других маргинализированных групп, часто вытесняемых из публичного дискурса;
- развитие политического (без)сознательного тех, кто связан с пространством Беларуси.

Альманах выходит на русском и белорусском языках в виде тематических выпусков. Готовятся к печати выпуски, посвященные политике знаний и академии, социальному равенству, гендерным аспектам гражданства и нациестроительства, политике эмоций, международному сотрудничеству НГО, капитализму и глобальной экономике и др. Мы надеемся, что наше издание будет интересно самому широкому кругу читателей.

Александр Першай и Евгения Иванова,
редакторы альманаха

“Zhenschiny v Politike: Novyye podkhody k politicheskomy” (“Women in Politics: New Approaches to the Political”) is an educational feminist journal. The publication advances the education of the Belarusian people on the topics of gender and anti-oppression.

The mission of the journal is to raise gender awareness among political actors and promote equality of opportunity for women and other marginalized groups in Belarus and beyond. The journal contributes to an anti-oppressive body of teaching materials on women’s, gender, sexuality and anti-violence issues. “Women in Politics” approaches current political issues in Belarus and post-Soviet states from a feminist perspective. The journal targets political and social activists. It also speaks to a generation of emerging scholars interested in political, social and cultural concerns related to women’s participation in political movements in Belarus and to gender studies more broadly. The journal offers critical analysis of current events in Belarusian society and the post-Soviet countries. It focuses on why there are problems with women’s participation in political and public life in Belarus. It gives a voice to emerging and young scholars who work with the category of gender in politics and international relations, anthropology, sociology, literary criticism, linguistics, nationalism and cultural studies.

Diversity and gender equality education is crucial for present day Belarus. There are very few courses in the Belarusian university curriculum that address gender issues, especially the intersection of politics and gender. Women’s and gender issues are represented even less in the high school curriculum. Consequently, there is a strong need to introduce basic concepts and theories of gender to Belarusian society and young people in particular. Many Belarusians are heteronormative and homophobic, therefore it is necessary to educate and encourage young women to enter the public sphere and political life, but more importantly to explain that in Belarus women can have the life they want.

The project aims to have a lasting impact by achieving the following:

- The journal helps raise a new generation of Belarusian and Eastern European social and political activists who

are aware of and stand for gender diversity and equal opportunity;

- The journal promotes democratic values. Its presence in post-Soviet media space contributes to gradual changes in the perception and acceptance of human rights;
- The journal makes a case for a feminist agenda in politics, creates a space for discussion on democracy and a friendly environment for women to express their political and social agenda;
- We contribute to the enhancement of social solidarity in general and women's solidarity in particular;
- Materials published in our journal facilitate changes in the university and secondary/high school teaching curricula as well as in the general public attitude towards gender issues;
- Our readers are challenged to reflect on their own social and political agency and communicate their knowledge about gender equality and equal opportunity to their activist peers, co-workers and family members.

The journal offers a series of thematically organized issues in order to be more accessible to the general public, activist training programs, and self-education initiatives. Currently are working on the following themed issues: gender and citizenship, the politics of emotions, the politics of knowledge and public education, social and economic equality, gender in media policies, gender and nationalism, capitalism, body image, and women in disaster studies.

The journal is published in the Belarusian and Russian languages; however many contributions are submitted in Russian which is an Eastern European lingua franca. The issues discussed in the journal are applicable beyond Belarus to a broader post-Soviet context. We collaborate with Russian, Lithuanian, Polish, and Ukrainian activists and researchers.

The journal "Women in Politics" emerged as part of a project on the inclusion of women in politics. The project is supported by the International Centre for Gender Initiatives "Adliga: Women for Full Citizenship". "Adliga" is a women's non-profit organization which struggles for gender equality and equity, and fights against social deprivation and other kinds of injustice.

The publication of the journal dedicated to the complex dynamics of politics and gender is crucial for Belarus. At present, there is

a substantial lack of periodical publications that openly discuss the issues related to gender, power, politics and culture in the former Soviet cultures. Therefore, the journal “Women in Politics: New Approaches to the Political” comes into Belarusian and post-Soviet public space at the right time.

We hope that the broadest audience will find this publication interesting and inspiring.

Evgenia Ivanova and Alexander Pershái,
The Editors

For all inquiries please contact:
political.new.approaches@gmail.com

Follow us on Facebook: www.facebook.com/pages/Women-in-Politics-New-Approaches-to-the-Political/419137464881527

ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ

ВЫПУСК 1: ПОЛ ПОЛИТИКИ (2012)

Первый выпуск альманаха, «Пол политики», связан с двумя значениями словосочетания *пол политики*. С одной стороны, речь идет о политике и поле: здесь мы задаемся вопросами о том, представители каких групп и на каких условиях могут быть частью «большой» политики? Каким образом гендерный порядок включен в политическое пространство? С другой стороны, «пол» политики отсылает ко второму значению этого названия, связанному с половинчатостью и нецелостностью представленности в политике. Для того чтобы разобраться в этих проблемах, используются материалы разных форматов: исследовательские статьи, интервью с женщинами-политиками, исторические очерки, авторские комментарии и комиксы.

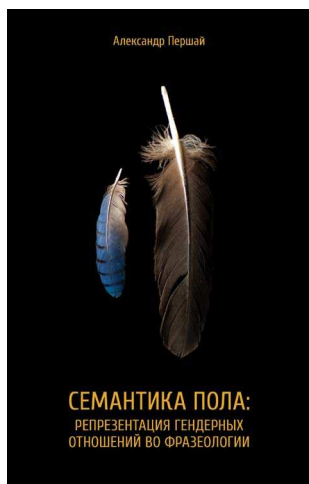

ВЫПУСК 2: ЛИЧНОЕ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ (2013)

Второй выпуск альманаха рассматривает значение концепта личное как политическое для женского движения и феминистской критики в разное время, что она означает для постсоветских исследовательниц и активисток сегодня, в каких сферах современного постсоветского общества она актуализируется. Анализ этой темы складывается по трем направлениям — трем «нервным узлам» сегодняшнего постсоветского общества: женское политическое участие, свобода и репродуктивный выбор, сексуальность. Авторы выпуска уделяют большое внимание различным видам эмансипации женщин и их борьбе за право на политическое участие и пытаются понять, почему женское участие в «большой» политике связано с таким количеством противоречий.

Центр гендерных исследований Европейского гуманитарного университета в 2014 году начинает публикацию книжной серии «Гендерные штудии». Серия задумана как многоплановый издательский проект, в котором предполагается публиковать не только академические монографии, сборники и переводы классики западной гендерной теории, но также активистские тексты, женские мемуары, художественные и мультимедийные проекты, посвященные осмыслению категории гендера как механизма распределения власти. Первое издание новой книжной серии «Гендерные штудии» — монография Александра Першая «Семантика пола: репрезентация гендерных отношений во фразеологии». В 2015 году в серии выйдет сборник текстов Елены Гаповой «Классы наций. Феминистская критика нациостроительства».

Монография Александра Першая «Семантика пола: репрезентация гендерных отношений во фразеологии» (Вильнюс: ЕГУ, 2014) посвящена анализу гендерно-маркированных фразеологизмов в белорусском, польском, русском и английском языках. Автор исследует, каким образом гендерная стратификация отражена и организована во фразеологии, а также какие социальные институты значимы для фразеологической номинации женщин и мужчин. Большое внимание уделяется методологическим проблемам, связанным с привлечением гендерной теории к анализу фразеологического материала. Данное исследование предлагает свою интерпретацию языковых и социокультурных знаков, связанных с нормами патриархального общества и традиционной семьи.

По вопросам публикации в серии авторских монографий, редактируемых сборников и научных переводов обращайтесь по электронному адресу: gender@ehu.lt.

По вопросам приобретения публикаций серии «Гендерные штудии» и других изданий издательства ЕГУ обращайтесь: тел. Вильнюс: +370 5 263 9650; тел. Минск: +375 29 305 0295; факс: + 370 5 263 9651; электронная почта: liudmila.malevich@ehu.lt.

Образовательно-аналитический альманах «ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ» принимает к публикации статьи, комментарии, а также социально и политически ориентированные литературные и художественные проекты.

Присланные тексты рецензируются анонимными экспертами. Стандартный размер статьи от 15 000 до 20 000 знаков (от 1 500 до 3 000 слов), величина шрифта 12, Times New Roman, стандартные поля. Сноски внизу страницы. Допускается использование иллюстраций, однако авторы должны позаботиться о соблюдении авторских прав на используемые изображения.

Для арт-проектов: кроме непосредственно самих изображений, фотографий, коллажей и пр. необходимо предоставить описание авторской позиции (project statement). Это может быть небольшой текст до 3-х страниц, который будет опубликован перед проектом и представляет собой его развернутое резюме. Допускаются сноски внизу страницы. Технические требования: размер изображения не менее А5; расположение вертикальное (portrait); цветовая схема CMYK; разрешение 300dpi; тип файла jpeg, tiff или psd. Если проект включает текст, то у дизайнера и редакторов должна быть возможность редактирования. Для публикации в сети возможен полноцветный вариант; для печати — черно-белый.

Авторы должны предоставить краткие данные о себе: место/сфера занятости, должность, научные и/или активистские интересы, адрес вебстраницы и т.п.

Авторы несут ответственность за достоверность информации и цитирование в своих публикациях.

Ждем Ваших рукописей по электронному адресу: political.newapproaches@gmail.com

The educational feminist almanac “WOMEN IN POLITICS: NEW APPROACHES TO THE POLITICAL” is a self-funded initiative. It is distributed free of charge and targets social and political activists in Belarus and in a broader Russian-speaking post-Soviet space. The issues appear in print and digital formats. The digital copies are available for free download at the journal's website www.fempol.com

The almanac is seeking your donations and support. It is necessary to ensure that the almanac comes out in digital and printed forms. Printed materials and books especially retain great symbolic and cultural values in Eastern Europe. Despite the global “digitalization” many people in the former Soviet countries prefer to read “paper-based” books and journals. Many even print out digital texts and work with the hard copies. At the same time, many activist websites are banned on the Belarusian internet; printed copies are necessary to guarantee the availability of the journal to the Belarusian general public. Therefore we kindly ask for your donations.

**Свобода не сваливается на нас
с неба. Ее степень зависит от того
положения, которое мы занимаем
в социальных играх.**

Пьер Бурдьё

ISSN 1805-4943 (2013) 3